ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXXIII.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
1807.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учре-
жденнаго для Округа Императорскаго Мо-
сковскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1807.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Прогулка.

(Окончаніе.)

Я очень довольна Графомъ С. — сказала г-жа Жоффрень: онъ объяснилъ мнѣ мысль, которую давно уже я имѣла, что человѣкъ носитъ въ себѣ врожденныя понятія о благонравіи, и что начала нравственности основаны на внутреннемъ чувствѣ. — А я, сударыня — прибавилъ Меранъ — утверждаю, что и начала градоправительства туда же принадлежатъ; думаю, что цѣлой народъ носитъ въ себѣ врожденное чувство, которое побуждаетъ его во всѣхъ постановленіяхъ, во всѣхъ условіяхъ предпочтительно избирать самое лучшее, или по крайней мѣрѣ то, что менѣе вредно. Правда, что сіе врожденное чувство непостоянно, что многія случайныя причины уклоняютъ

его отъ полезной цѣли, и что опыты вѣковъ только могутъ доказать его доброту; ибо, касательно узаконеній, предусмотрительность бываетъ ненадежна, трудна и обманчива, опыты медленны и опасны, успѣхи сомнительны: однако же въ такомъ случаѣ можно положиться на цѣлой народъ, когда послѣ многихъ искушеній онъ удостовѣряется, что нашелъ истинное добро; ибо постоянная, непоколебимая увѣренность есть самое надежное слѣдствіе опытности, въ теченіе вѣковъ приобрѣтаемой.

„Вообще, чѣмъ старѣе какое-либо мнѣніе, тѣмъ оно достойнѣе уваженія. Вопреки выдумщикамъ новыхъ затѣй, смѣло утверждаю, что достовѣрность мнѣнія тѣсно соединена съ продолжительностію онаго. Въ молодости своей — извините сударыня, что объясняюсь посредствомъ иносказанія — въ молодости оно бываетъ упрямо, безразсудно, прихотливо, непостоянно, легкомысленно; тогда надобно поступать съ нимъ весьма осторожно, надобно угождать ему съ благоразумною осмотрительностію, какъ угождаютъ модѣ, не покоряясь всѣмъ ея прихотямъ. Въ зрѣломъ возрастѣ оно уже становится постояннѣе; теряетъ цѣну новости, но за то никому не вредитъ соблазнами, а симъ самымъ и получаетъ право на общее вниманіе. Въ старости своей оно ста-

новится важнымъ и почтеннымъ. Камешки отъ долговременнаго трѣнія въ кипящихъ волнахъ дѣлаются тяжелыми; мнѣніе отъ трѣнія и сталкиванія умовъ получаетъ свое достоинство.“

Мы теперь — сказала г-жа Жоффрень — находимся опять на той точкѣ, на которой остановились, ѣдучи въ Шатильйонъ. — „Точно такъ, сударыня — отвѣчалъ Меранъ; кажется Г. Баронъ хотѣлъ спросить, какъ я думаю о здравомъ смыслѣ народномъ, въ разсужденіи гражданскаго управленія. Отвѣчаю на сей вопросъ:

„Признаюсь, на политику я не взираю глазами простодушнаго оптимиста; однакожь не хочу быть и дерзкимъ ругателемъ. Когда народъ принялъ одинъ какой-нибудь образъ правленія, и при всемъ безпокойствѣ своемъ хранитъ его чрезъ многіе вѣки; тогда я принужденъ думать, что въ свойствѣ сего народа, въ его обстоятельствахъ, въ отношеніяхъ есть сильная побудительная причина столь долговременнаго постоянства.

„Почти вездѣ разумъ народовъ, или лучше сказать врожденное побужденіе писало законы; почти вездѣ образъ правленія принаровленъ къ свойству народа, качеству климата, мѣстнымъ обстоятельствамъ, къ числу жителей и пространству, ими за-

нимаемому. Въ этомъ я бываю совершенно увѣренъ, когда, читая исторію политическаго мїра, смотрю на карту. Тутъ не только вижу, какое уложеніе приличне такому народу; но нахожу, что народъ избралъ себѣ точно тотъ образъ правленія, которой ему приличенъ. Греція, напримѣръ, необходимо долженствовала быть раздѣлена на многія области; напротивъ того Азія долженствовала вмѣщать въ себѣ одно пространное государство.“

А Римъ? — возразилъ Флоценъ. — „Пока Римъ вмѣщался въ Италіи — отвѣчалъ Меранъ, до тѣхъ поръ могъ оставаться при своей республиканской свободѣ; но когда онъ сдѣлался обладателемъ мїра, тогда потребна стала дѣятельность монархической власти: ибо надлежало управлять покоренными областями, и держать ихъ подъ своими законами. Наконецъ и Римъ обрушился отъ собственной тяжести; потому что ослабѣли связи, которыя соединяли сію обширную громаду.

„И такъ предразсудокъ, касательно политическихъ условій, постоянно продолжающійся многіе вѣки, заслуживаетъ наше уваженіе. Отъ случайныхъ причинъ происходятъ разныя перемѣны; однакожь продолжительность гражданскихъ постановленій

служитъ доказательствомъ, что онѣ полезны; самыя потрясенїя, которымъ онѣ бываютъ подвержены, и послѣ которыхъ оспаются въ цѣлости, служатъ доказательствомъ, что основанїя ихъ тверды и непоколебимы. Народъ, перемѣнивъ образъ правленїя, противъ своей воли опять возвращается къ первому, какъ любовникъ идетъ къ любовницѣ, на которую безпрестанно жалуется, но которую любитъ нѣжно: гдѣ начало сей притягательной силы?

„Все человѣческое подвержено недостаткамъ; изъ всѣхъ вещей лучшая та, въ которой менѣе недостатковъ. Почитая правительство машиною, которая сдѣлана человѣческими руками, и притомъ такою, въ которой сами люди исполняютъ должности пружинъ и колесъ, могу ли требовать, чтобы въ ходѣ ея и движенїи наблюдена была строжайшая точность? Но ежели, не взирая на очевидную неправильность, не взирая на множество и разнообразіе частей, составляющихъ сїю необъятную машину, не взирая на тренїе и сталкиванїе, которымъ подвержены внѣшнїя части ея, ежели тысячу лѣтъ она дѣйствуетъ не останавливаясь, скажите, не чудо ли это? Кто смѣетъ увѣрять, что разрушивъ ее, опять сложитъ искусно, и дастъ ей лучшее устроенїе?“

Сколько вы удивляетесь чудесной сей машинѣ — сказалъ Флоценъ — столько я удивляюсь часамъ своимъ; однакожь примѣтивши, что они испортились, тотчасъ отсылаю ихъ для починки.

„Я согласенъ — отвѣчалъ Меранъ: когда испортятся часы, надобно разсмотрѣть, что мѣшаетъ порядочному ихъ ходу. Но опять останавливаюсь на той мысли, что никакіе часы въ свѣтѣ не могутъ быть совершенно вѣрны, и что астрономому надобна строгая точность въ секундахъ, а тому она ни къ чему не служитъ, кто не обязанъ наблюдать движенія свѣтилъ, вычислять и предсказывать затмѣнія. Поселянинъ располагаетъ время работы своей по часамъ сельской колокольни; гдѣ нѣтъ часовъ при церкви, тамъ крикъ пѣтуха и теченіе солнца показываютъ ему время. Политическія дѣла никогда не могутъ быть такъ точны въ ходѣ своемъ, какъ морскіе часы. Если народъ вздумаетъ искать новаго совершеннаго правленія, такого, которымъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ бы доволенъ; то не получитъ никакого. Я желаю и требую только, чтобы попеченіе исправлять политическую машину ввѣрено было людямъ искуснымъ, и чтобы прохожіе не смѣли до нее прикасаться; ибо, по моему мнѣнію, лучше оставить при ней нѣ-

которые прежнїе недостатки, можетъ быть необходимые или маловажные, нежели дозволивъ каждому поправлять, ежеминутно бояться, чтобы вовсе не разстроили машины.“

Въ самомъ дѣлѣ — сказала г-жа Жоффрень — тѣ поступаютъ весьма неблагоразумно, которые, стараясь поправить часы свои, портятъ ихъ.

Въ государственной машинѣ — сказалъ Флоценъ — часто видимъ такїя несовершенства, о которыхъ по привычкѣ думаютъ, будто онѣ необходимы, и которыя зависятъ отъ старинныхъ мнѣнїй. Смотрите, сколько несправедливыхъ, даже вредныхъ предразсудковъ уважается за ихъ древность! — „Какїе, напримѣръ, прошу сказать?“ возразилъ мудрецъ. — Напримѣръ — отвѣчалъ Флоценъ — предразсудокъ рожденїя, предразсудокъ неравенства, предразсудокъ .... — „Въ самомъ дѣлѣ много предразсудковъ для нынѣшняго дня — отвѣчалъ Меранъ; однакожь разсмотримъ сїи двѣ статьи; изслѣдуемъ, кто правъ, новая философїя, или старое благоразумїе.

„Вамъ твердятъ, что люди раждаются равными; этого не бываетъ и быть не можетъ ни въ лѣсахъ, ни въ городахъ. Всѣ люди раждаются съ одинакимъ правомъ

невинно пользоваться природными своими способностями, дѣлать все полезное, и не дѣлать ничего вреднаго. Человѣкъ получаетъ сіе право вмѣстѣ съ жизнію; оно должно быть ненарушимо. Но всѣ ли люди раждаются съ одинакими способностями? всѣмъ ли дана одинакая доля дѣятельности, ловкости, силы, прилѣжанія, смысла, отважности? можетъ ли слабый употребить въ дѣло свои способности, живучи въ лѣсу, ежели сильный не дастъ ему на то своего дозволенія?

„Люди никогда не были равны между собою въ естественномъ состоянїи; никогда не могутъ они быть равны и въ состоянїи гражданскомъ: ибо не всѣ равную пользу приносятъ обществу, не всѣ способности имѣютъ равную цѣну. Человѣкъ, котораго разумъ изобрѣтаетъ то, что другіе исполняютъ, человѣкъ, которой лучами своей мудрости озаряетъ современниковъ, человѣкъ, которой мужествомъ своимъ защищаетъ отечество, по всѣмъ правамъ долженъ пользоваться не тѣми выгодами, какими пользуется тотъ, кто служитъ обществу на ряду съ другими. Равнымъ образомъ человѣкъ дѣятельный, догадливый, искусный, бережливый въ распоряженїи плодовъ своего трудолюбїя — приобрѣтенныхъ посредствомъ отличныхъ способностей, и сохра-

нѣмыхъ съ помощію благоразумія, — безъ сомнѣнія имѣетъ право владѣть своимъ собственнымъ добромъ, наслаждаться имъ и употреблять по своему произволу, а не лѣнивецъ, которой завидуетъ ему, не расточитель, которой поглотилъ свое имѣніе; сей неоспоримый законъ справедливости, законъ гражданскаго неравенства есть главная подпора государства. По силѣ сего закона всѣ люди равно пользуются правомъ собственности и личной безопасности; сей законъ равно всѣхъ оберегаетъ; подъ его защитою робкій не страшится насильства, дерзкій не смѣетъ похищать, сильный, которой въ лѣсу притѣснилъ бы слабаго, здѣсь уважаетъ его, оставляетъ въ покоѣ. Такимъ образомъ единственное равенство, возможное между людьми, равенство въ правѣ жить подъ защитою законовъ, есть благодѣяніе гражданскаго общежитія, но не природы.

„Скажите, не безразсудно ли хотѣть, чтобы въ гражданскомъ обществѣ человѣкъ слабоумной, неимѣющій никакихъ отличныхъ способностей, грубой и непросвѣщенной, стоялъ наровнѣ съ человѣкомъ одареннымъ силою ума, высокими качествами сердца, съ человѣкомъ богатымъ обширными знаніями? Въ какой землѣ и въ какое время человѣкъ, которой по званію своему долженъ повиноваться, былъ равенъ тому, кто также по

званію своему долженъ приказывать? Какой безпорядокъ вышелъ бы отъ своевольства, когда бы на кораблѣ, въ полку, въ рабочей, матросъ, солдатъ, ученикъ, перестали повиноваться своему начальнику? Что было бы даже въ семействахъ, если бы отъ власти родительской отнять права начальства надъ дѣтьми? не расторглись ли бы священныя связи крови?

„Богачь не имѣетъ надъ бѣднымъ никакой власти; посмотрите однакожь на различіе между человѣкомъ, которой трудами рукъ своихъ долженъ питать себя, и другимъ человѣкомъ же, которой платитъ первому, и даетъ ему пищу. Природа и законъ какія ни употребляли бы осторожности, чтобы сдѣлать средства набогащаться какъ можно рѣже и медленнѣе; но промыслы и торговля, охота собирать, успѣхи въ обширныхъ намѣреніяхъ, смѣлые разсчеты, наслѣдства и множество другихъ случаевъ увеличитъ достатокъ, не должны ли въ пространномъ и сильномъ государствѣ необходимо произвести особое сословіе богатыхъ людей, отъ которыхъ другіе получаютъ плату за труды свои? Человѣкъ, питающій вокругъ себя двадцать семействъ, не долженъ ли быть уважаемъ? Только въ Спартѣ — и нигдѣ болѣе — могло держаться равенство, потому что всѣ граждане были бѣдны, если

жизнь суровую и праздную, и господствовали надъ рабами, которыхъ заставляли служить себѣ; но и Спарта доказываетъ своимъ примѣромъ, что гдѣ золото введено въ употребленіе, тамъ не можетъ быть равенства. Скажите мнѣ теперь, чѣмъ вы менѣе гнушаетесь, преимуществомъ по богатству, или по душевнымъ способностямъ?“ — Преимущество по душевнымъ способностямъ для меня сноснѣе — отвѣчалъ Флоценъ; но по способностямъ собственнымъ, незаемлемымъ. Оплличнымъ качествамъ и заслугамъ конечно принадлежитъ первенство; этого требуетъ право естественное, которое наблюдается даже между дикими. Но можно ли и должно ли передавать другому сіе право?

„Вы хотите — продолжалъ Меранъ — чтобы я коснулся статьи рожденія? Извольте. Вопервыхъ замѣчу, что хотя между людьми качества родителей не всегда переливаются въ дѣтей съ кровію, какъ то бываетъ между животными, и хотя случайныя причины не рѣдко тому препятствуютъ: однакожь — ежели всѣ живыя существа, даже растенія, наслѣдственно получаютъ большую или меньшую долю качествъ, не только всей породѣ общихъ, но еще и особенно принадлежащихъ тѣмъ, кои дали имъ жизнь — почему не заключить, что и человѣкъ, образованный по общему закону,

долженъ имѣть ощутительное сходство въ качествахъ съ тѣми, отъ которыхъ получилъ жизнь свою? Сей догадкѣ равно вѣрятъ и Монархъ и земледѣлецъ: выбирая себѣ зятя или невѣстку, каждой смотритъ на природныя качества, на нравы отца и матери. Для дочери хорошей женщины почти не нужно приданое; сынъ честнаго человѣка вездѣ уважается. Пусть самой рѣшительной врагъ предразсудка о рожденїи чистосердечно признается, такими ли глазами будетъ смотрѣть на малолѣтнаго сына Разъякова, какими на сына Сюллїева! Сославшись еще на свидѣтельство Горацїево, которой говоритъ, что *сильные раждаютъ сильныхъ*, или на простонародныя наши пословицы, увидимъ, что заключенїе основано на правдоподобїи и сходствѣ, и что надлежитъ допустить различїе гражданскихъ состоянїй, а особливо ежели сїе различїе заключаетъ въ себѣ менѣе неудобствъ, нежели выгодъ. Сїе обстоятельство, по моему мнѣнїю, достойно внимательнѣйшаго разсмотрѣнїя.“

Клеантъ думаетъ — сказалъ молодой путешественникъ — что оно уже разсмотрѣно и рѣшено. Онъ говоритъ: „Къ чему „сїи почести, чины, отличїя, которыя по„мрачаютъ истинное достоинство, и никогда въ удѣлъ ему не достаются? Къ чему

„ сїи степени, на которыя возводитъ одно „ только имя предковъ, и до которыхъ; „ безъ помощи предковъ, достигнуть не „ можно? Къ чему сїе уваженїе, слѣпо воз- „ даваемое иногда людямъ ничтожнымъ, не- „ достойнымъ своего рожденїя? Къ чему „ исключительныя преимущества, даруемыя „ прежде заслугъ такимъ людямъ, которые „ могутъ унизить себя гнусными пороками, „ сдѣлаться недостойными членами обще- „ ства и поношенїемъ рода человѣческаго? „ Можно ли выдумать что-либо такое, отъ „ чего болѣе стѣснялось бы истинное до- „ стоинство? Что удобнѣе можетъ повергнуть „ отличныя способности въ бездну унынїя? Ка- „ кого поревнованїя ожидать въ народѣ, ос- „ корбляемомъ такою несправедливостїю и „ осужденномъ на всегдашнее презрѣнїе?“

„Краснорѣчїя много, но гдѣ доказа- тельства? — возразилъ Меранъ: послу- шайте. Въ обществѣ гражданскомъ есть должности, которыя всякой отправлять мо- жетъ, не будучи приготовленъ къ тому осо- беннымъ воспитанїемъ; есть и другїя дол- жности, для которыхъ потребны отличныя дарованїя, тщательно обработанныя, по- требны рѣдкїя качества, долговременная наука, опытность, чувствованїя, нравы, превыше обыкновенныхъ; есть еще и такїя, которыя требуютъ, чтобы люди заблаго- временно имѣли уваженїе къ той особѣ, ко-

торой оныя препоручаются; ибо конечно мы уже почитаемъ того, кто нѣкогда будетъ повелѣвать нами.

„Надлежало выбрать одинъ изъ двухъ способовъ наполнять мѣста сіи людьми достойными: или оставить природѣ и воспитанію производить и приготовлять людей способныхъ; или же нѣкоторымъ семействамъ, коихъ родоначальники отличились добродѣтелями, дать не говорю исключительное право (Богъ да сохранитъ меня отъ того!), но особенное преимущество передъ другими отправлять сіи должности — разумѣется, ежели они не помрачили себя пороками, и не сдѣлались недостойными своихъ предковъ.

„Въ малыхъ республикахъ — гдѣ всѣ граждане воспитываются почти одинакимъ образомъ и на общемъ иждивеніи, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга отъ самаго младенчества, и слѣдственно не могутъ ошибаться, какое кому должно отдавать почтеніе — въ малыхъ, говорю, республикахъ принятъ первой способъ; тому я и не удивляюсь. Но для великихъ государствъ показался лучше и выгоднѣе второй способъ, чему я также не удивляюсь. Когда Римъ состоялъ изъ одного немногочисленнаго племени; тогда призывалъ гражданъ отъ сохи, и возводилъ ихъ

на степени консуловъ и полководцовъ; но распространивъ свои владѣнія, верховное начальство повѣрялъ уже сенаторамъ. Всѣ многочисленные народы такимъ же образомъ раздѣляли гражданъ своихъ на особыя сословія. Они думали, что люди отличные по рожденію, по воспитанію, по наученію, по примѣрамъ, которые они хранятъ въ памяти своей и наслѣдственно передаютъ потомству; думали говорю, что такіе люди удобнѣе могутъ образовать чиновниковъ, способныхъ отправлять общественныя должности, и хранить въ семействахъ своихъ духъ, нравы и качества, приличныя ихъ состоянію.

„Отнюдь не утверждаю, что это есть самое вѣрнѣйшее, несомнительное средство приготовлять наилучшихъ судей, превосходнѣйшихъ военачальниковъ и вообще людей рѣдкихъ: однакожь вижу, что симъ способомъ приготовляютъ хорошихъ лошадей для тягостей, для бѣгу, для сраженій; вижу, что симъ способомъ разводятъ плодовитыя деревья; вижу, что въ Римѣ славились поколѣнія Фабіевъ, Метелловъ, Эмиліевъ, Сципіоновъ; вижу наконецъ, что, не смотря на измѣненія отъ множества посторонныхъ причинъ, люди во всѣ времена уважали преимущество породы. Можно ли полагать въ числѣ заблужденій

такое установленіе, которое утвердило и озарило славою многія государства?“

Такъ вы почитаете дѣломъ благоразумнымъ — спросилъ Флоценъ — что благородство достается по наслѣдству? „А для чегожь не почитать? — отвѣчалъ Меранъ: и богатство также достается по наслѣдству, и богатство получается не отъ природы; ибо сынъ милліонщика раждается на свѣтъ нагимъ, какъ всѣ люди. Благородство и богатство предоставляются наслѣднику по общественному условію. Положимъ, что мой отецъ пріобрѣлъ достатокъ торговлею, или заслужилъ славу военными подвигами — достатокъ мнѣ собственно принадлежитъ, равно какъ слава. Но чтобы возбудить въ сынѣ моемъ желаніе обогатиться, или охоту отличить себя знаменитыми подвигами, то есть тѣмъ и другимъ служить отечеству, законы обѣщаютъ ему, что дѣти его наслѣдятъ пріобрѣтенныя богатства, и будутъ славиться памятію заслугъ его. Право передавать дѣтямъ свое имѣніе драгоцѣнно; но еще драгоцѣннѣе право передавать дѣтямъ свое благородство. Повѣрьте, законодатели, предоставляя людямъ пользоваться сими правами, знали, что и для чего дѣлали; повѣрьте, едва ли что подобное сему было выдумано для общей пользы. Ни что столько не подкрѣп-

ляетъ души, какъ мысль, что я и послѣ смерти своей буду жить въ моемъ потомствѣ. Люди охотно дѣлаютъ для дѣтей своихъ то, чего для самихъ себя не рѣшились бы сдѣлать. Наслѣдственное благородство всегда было и будетъ прекраснѣйшею монетою, если только оно будетъ воздаяніемъ за отличные подвиги, удѣломъ истиннаго геройства.

„Знаю, что съ перваго взгляду весьма не нравится обычай предоставлять титла, почести, достоинства, даже самыя должности праву рожденія; но все сіе — кромѣ только должностей, для отправленія коихъ потребны истинныя дарованія — по моему мнѣнію не такъ важно, какъ вообще о томъ думаютъ; ибо всякой знаетъ цѣну внѣшнихъ украшеній. Пока дворянинъ не явилъ собственныхъ своихъ достоинствъ, то есть качествъ душевныхъ; до тѣхъ поръ благородство его служитъ только памятникомъ добродѣтели предковъ; почитая внука отдаемъ должную справедливость заслугамъ дѣда; снимая шляпу передъ истуканомъ героя, думаемъ о знаменитыхъ его подвигахъ. Во всемъ этомъ я ничего несправедливаго не вижу. Только завистливые и тщеславные неохотно воздаютъ уваженіе заслугамъ.

Неоспоримо также, что съ чувствомъ уваженія къ добродѣтелямъ предковъ сопряжена

бываетъ надежда, что потомокъ будетъ похожъ на великихъ людей, которыхъ онъ напоминаетъ; вы уже видѣли, что причина сего предубѣжденія, сего предварительнаго почтенія находится въ самой природѣ. Но если потомокъ является недостойнымъ своихъ предковъ, если онъ лѣностію ума или злонравіемъ унижаетъ родъ свой; то, воздавая наружное, долгомъ предписываемое почтеніе добродѣтелямъ предковъ въ лицѣ потомка, съ какимъ негодованіемъ, презрѣніемъ, отвращеніемъ, кои не всегда скрыть можемъ, какими глазами взираемъ на сего выродка! Не жалѣемъ ли тогда о знатности, которая украшаетъ его, но которую онъ безчеститъ? Вспомните, сударыня, какими глазами смотрѣли на сына одного изъ нашихъ героевъ! Достойно примѣчанія, что даже народъ умѣетъ различить, что принадлежитъ имени, и что самой особѣ. Мнѣніе общества никого столь жестоко не наказываетъ, какъ знатнаго дворянина, поступками унижающаго родъ свой. Посредственность простительна въ людяхъ обыкновенныхъ; но ее не извиняютъ въ дѣтяхъ или потомкахъ знаменитыхъ предковъ; всѣ поступки ихъ сравниваютъ съ заслугами рода; по мѣрѣ недостатка въ истинныхъ достоинствахъ уменьшаютъ уваженіе, и такимъ образомъ удовлетворяютъ и право породы и справедливость.

„Не спорю, что случай при дворѣ, довѣрїе, пышность, а особливо богатство, обыкновенно сопутствующее знатности по роду, могутъ внушать почтенїе къ человѣку недостойному, но сильному, котораго боятся, или отъ котораго надѣются помощи; однакожъ случай и довѣрїе не увеличиваютъ истиннаго достоинства. Они сходны съ наростами на деревѣ; срѣжьте наростъ, дерево сдѣлается отъ того здоровѣе. Чтожь касается до богатства и зависящей отъ него пышности — это до породы не принадлежитъ. Богачь, которой своею расточительностїю питаетъ художества и ремесла, необходимо уважается, знатенъ ли онъ по роду или незнатенъ. Будемъ чистосердечны: со властїю богатства сопряжено существеннѣйшее изъ всѣхъ отличїй. Знатность безъ денегъ — ничего. Богатой человѣкъ, вышедшїй въ чины, притворяется будто думаетъ, что народъ оскорбляется его новою знатностїю; нѣтъ, мы угадываемъ, что у него на сердцѣ: чины и почести ему самому несносны, но для народа они полезны. Станетъ ли народъ, и досугъ ли ему завидовать новому платью, въ которое одѣты слуги, или новому гербу, которой выставленъ на воротахъ? Что нужды ремесленнику, земледѣльцу, промышленнику, Графомъ Тюфьеромъ, или просто Антономъ называется тотъ человѣкъ, которой даетъ

имъ работу, платитъ деньги, и доставляетъ пропитаніе? Просвѣщенной народъ ни мало не заботится ни о спеси Графа, ни о заносчивости Маркиза, ни о типлахъ, ни о гербахъ, лишь бы только Графъ и Маркизъ исправно платили ему деньги. Онъ знаетъ, что живетъ съ ними подъ одними законами, и что сіи законы защищаютъ его отъ обидъ и притѣсненій: симъ правомъ онъ пользуется на-ровнѣ со всѣми; по сему праву земледѣлецъ равенъ знатному барину. И такъ въ различіи состояній я ничего не вижу ненавистнаго, какимъ нѣкоторые представить оное стараются.

„Скажу откровенно, что о должностяхъ думаю иначе: надобно, чтобы никому не доставались онѣ, кромѣ людей истинно достойныхъ. Есть мѣста, до которыхъ одни достигаютъ медленнѣе, рѣже, труднѣе, нежели другіе: но не должно совсѣмъ преграждать дорогъ сихъ; ни у кого не должно отнимать надежды. Пусть честолюбіе мысленно возносится до той точки, до которой достигла истинная заслуга.“

Надежда тщетная! — сказалъ молодой путешественникъ: простолюдимъ никогда не догонитъ другихъ, встрѣчая на пути своемъ тысячу препятствій, тысячу затрудненій, которыя истощаютъ всю бодрость.

„Такъ, это большая невыгода — отвѣчалъ Меранъ: но разсмотрите, отъ чего она происходитъ. Вы согласитесь, что въ обширномъ государствѣ не возможно учредить для всѣхъ людей равное воспитанїе? согласитесь, что сынъ стряпчаго или купца силою предубѣжденїя бываетъ привязанъ къ промыслу отца своего, получивши отъ него первыя наставленїя? вотъ причина, для которой сыну воина отдается преимущество передъ сыномъ земледѣльца, когда оба вступаютъ въ службу. Одинъ при самомъ началѣ знаетъ уже, что имя его уважается, что кровь, текущая въ жилахъ его, лилась уже на полѣ чести, что онъ несетъ съ собою примѣры, память и славу своихъ предковъ; все сїе у него, такъ сказать, въ запасѣ приготовлено: другой вступаетъ въ иное званїе безъ всякаго приготовленїя; покажетъ на дѣлѣ свое усердїе; будетъ считаться на ряду съ исправными воинами: но безъ особливаго случая отличиться рѣдкими дарованїями, едва ли скоро оставитъ за собою толпу своей братїи. Сверхъ того, трудно ему обогнать товарищей, не оскорбляя ихъ самолюбїя; трудно ему заставить другихъ забыть, что недавно былъ равенъ имъ; трудно привычку вольнаго обращенїя перемѣнить въ долгъ повиновенїя и зависимости. Тѣже самые воины охотно служатъ подъ

начальствомъ сына стараго полководца; его одно имя ободряетъ ихъ, напоминая славные подвиги. Когда на полѣ сраженія сынъ храбраго полководца принимаетъ начальство; то воинамъ кажется, что тѣнь старца ему предшествуетъ. Напротивъ того пусть прежній товарищъ ихъ сдѣлается начальникомъ; солдаты пойдутъ за нимъ, но уже не такъ охотно; тутъ почтеніе взвѣшивается на вѣсахъ разума; жаръ усердія не заставляетъ повиноваться; воображеніе хладѣетъ.

„Слѣдственно должно желать, чтобы народъ по предубѣжденію уважалъ людей, которымъ судьба надъ нимъ поставила. Подъ рытье, что гражданскія отличія не безпокоятъ его; онъ лучше новыхъ вашихъ философовъ знаетъ, что ему принадлежитъ. Ежели здравой смыслъ его повреждается, ежели добрыя склонности его сбиваются съ пути истиннаго, ежели гоняется онъ за блестящими призраками; то винить должно тѣхъ лже-мудрецовъ, которые распространяютъ ученіе о *равенствѣ* и переобытной *свободѣ*; народъ не понимаетъ соблазнительныхъ словъ сихъ, и понять ихъ не можетъ иначе, какъ несчастнымъ для себя образомъ.“

Ахъ! не говорите этого о свободѣ — сказалъ Флоценъ: она есть наилучшая при-

надлежность человѣка, истинное отличїе благородства его, причина мужества его, душа всѣхъ добродѣтелей.

„Свобода — отвѣчалъ Меранъ — есть цѣлебной, но крѣпкой напитокъ, котораго умѣренное употребленїе веселитъ, ободряетъ и возвышаетъ сердце, но излишнее — дѣлаетъ безумнымъ, свирѣпымъ, даже бѣшенымъ. Ваши Клеанты ложными своими умствованїями хотятъ обратить насъ къ состоянїю естественному, чтобы рѣшить, какими должны мы быть въ состоянїи гражданскомъ. Если и принять, что естественное состоянїе существовало, какъ они утверждаютъ; то какое сходство между людьми, обитающими въ лѣсахъ, свободными и независимыми, но безпомощными, и потому самому не имѣющими никакихъ обязанностей, — и людьми, живущими въ городахъ и селахъ, людьми, которыхъ нужда соединила, но которыхъ раздѣляютъ частныя выгоды и самолюбїе, людьми, которые, ужасаясь собственныхъ страстей своихъ, по неволѣ должны были подчинить ихъ законамъ, чтобы предупредить раздоры и бѣдствїя!“

Всякой знаетъ — сказалъ Флоценъ — что свобода человѣка, живущаго въ обществѣ, не есть свобода дикаря, и что онъ,

будучи обязанъ повиноваться законамъ, можетъ дѣлать только то, что законы дозволяютъ; никто не споритъ противъ этого: однакожь между народомъ свободнымъ и народомъ порабощеннымъ есть различїе. Одинъ самъ себѣ даетъ законы, самому себѣ повинуется; другой подчиненъ законамъ, которые предписали *сила* и *необходимость*.

„Были примѣры — отвѣчалъ мудрецъ — что сила и необходимость предписывали хорошїе законы. Были также примѣры, что происки народные, заблужденїе, пристрастїе, буйство, предписывали законы самые негодные. Не на то надобно смотрѣть, кто сочинилъ законы, но на то, какїе сочинилъ: вотъ что важно для свободы. Законы справедливые и мудрые суть даръ небесный, и народъ, повинующїйся хорошимъ законамъ, не стонетъ подъ бременемъ рабства.“

Хорошими законами называю тѣ — сказалъ Флоценъ — которые дѣлаютъ людей сколько возможно счастливѣйшими. — „Скажите лучше, сколько возможно менѣе несчастными — отвѣчалъ Меранъ: ничего болѣе и желать не должно; все прочее обманъ. Тотъ врагъ народа, кто обманываетъ его, кто вселяетъ въ немъ желанїе достигнуть

до такой степени счастія, до которой никогда не можно достигнуть. Вездѣ, во всѣ времена труды были участію большаго числа людей; къ чести простаго народа скажу, что онъ это чувствуетъ и — не жалуется, развѣ когда выведутъ его изъ терпѣнія. Онъ знаетъ, что судьба опредѣлила ему въ удѣлъ работу, простоту и умѣренность; съ младенческихъ лѣтъ учится привыкать къ образу своей жизни, и остается ею доволенъ, ежели только ни что не нарушаетъ его спокойствія и безопасности. Но толкуйте ему, что неравенство состояній и имѣній должно быть для него оскорбительнымъ; толкуйте, что всѣ гражданскіе законы противъ его несправедливы; устремите его вниманіе на естественное состояніе, въ которомъ, по вашему, всѣ люди свободны, всѣ равное имѣютъ право владѣть землею, какъ дышать воздухомъ, всѣ независимы, всѣ равны между собою: народъ, покорный законамъ гражданскимъ, довольный своимъ жребіемъ, станетъ безпокоиться; станетъ жалѣть о томъ, чего не имѣетъ, съ досадою смотрѣть на ваши преимущества; возненавидитъ работу, и сдѣлается несчастнымъ, забывъ привычки и нравы своего состоянія, которыя прежде были источникомъ его благополучія. А когда къ ложному понятію о равенствѣ, которое кажется ему прекраснымъ, еще присоединится понятіе о

неограниченной свободѣ или, что все равно, о своевольствѣ; то города и села неминуемо будутъ разграблены злодѣями. Надивиться не могу дерзкой безпечности господъ философовъ, которые распространяютъ ложныя правила свои, ни мало не заботясь о слѣдствіяхъ."

Пускай народъ умѣнъ или безумѣнъ — сказалъ Флоценъ — пускай справедливо или несправедливо жалуется; но когда онъ недоволенъ своимъ состояніемъ, развѣ не имѣетъ права перемѣнить его? развѣ не имѣетъ права располагать собою, къ чему бы перемѣна ни послужила, ко вреду или къ пользѣ? — „Можетъ; прилѣжно обдумавши свое намѣреніе, и подтвердивши оное общимъ согласіемъ всѣхъ членовъ; но располагая самъ собою, не коснется ли онъ чужихъ правъ?" — Не долженъ касаться; права другихъ ненарушимы, священны.

„Вы тотчасъ увидите — продолжалъ Меранъ — можетъ ли народъ располагать собою, не касаясь чужихъ правъ. Человѣческая жизнь недолговременна; но бытіе политическое народа продолжается многіе вѣки. Оно течетъ, какъ рѣка; поколѣнія суть то же что волны, изъ коихъ одна слѣдуетъ за другою. Слѣдственно бытіе политическое народа не принадлежитъ поколѣ-

нію людей живущихъ въ одно время. Нынѣшнее поколѣніе должно передать будущему то, что получило отъ предшедшаго. Оно можетъ пользоваться стяжаніемъ предковъ своихъ, можетъ увеличить его; но не имѣетъ права уменьшать. Благо общее находится въ рукахъ его, какъ драгоцѣнность, сберегаемая для потомства; нынѣшнее поколѣніе не можетъ разрушить его, какъ я не имѣю права обижать васъ. И такъ чтобъ узнать, волень ли народъ перемѣнить правленіе, законы, установленія, которыя получилъ отъ предковъ, надобно прежде изслѣдовать, будетъ ли сія перемѣна полезна для потомковъ; ибо дѣйствуя по своей волѣ, дѣйствуя подобно существу независимому, отдѣленному отъ всего, онъ истребилъ бы драгоцѣнные памятники предковъ, и сдѣлалъ бы великой вредъ потомству.“

Все сіе весьма ясно — сказала г-жа Жоффрень: однакожь благо общественное всегда будетъ во власти нынѣшняго поколѣнія; кто удержитъ его, когда по безразсудству своему оно вздумаетъ все переиначить? — „Кто удержитъ, сударыня? — отвѣчалъ Меранъ: хранители наслѣдственнаго блага народовъ; ибо, по счастію, сіи хранители всегда были и будутъ. Народъ надобно вести къ полезной цѣли, и не давать ему воли идти, куда самъ захочетъ;

такъ всегда было и будетъ. Вся вольность, которою тѣшатъ его, состоитъ въ томъ только, что онъ перемѣняетъ своихъ путеводителей. Иногда истинное достоинство, добродѣтель, мудрость, обширныя свѣденія и дарованія, соединенныя въ честномъ человѣкѣ, обращаютъ на себя вниманіе народа и получаютъ право на его довѣренность; это самое лучшее для него время: иногда, и по большой части, происки, хитрость, обманъ, ослѣпленіе, коварное краснорѣчіе, золото, ласкательство и подлое угожденіе приобрѣтаютъ его благосклонность; народъ тогда рабствуетъ, когда почитаетъ себя совершенно свободнымъ; скопища его, мятежи, ненависть, мщеніе, всѣ его поступки управляются чужими страстями, между тѣмъ какъ народъ думаетъ, что никому не повинуется, и все дѣлаетъ по своей волѣ. Говорятъ, будто народъ самъ себѣ даетъ законы! Когда народъ былъ въ состояніи дать себѣ законы? Достоинство наилучшихъ законовъ состоитъ въ томъ, что они *благо общее согласуютъ съ благомъ частнымъ*. Много ли найдете въ толпѣ народной головъ, кои вмѣщали бы въ себѣ понятіе о благѣ общемъ и частномъ? много ли умовъ, кои могутъ согласить одно благо съ другимъ? Земледѣлецъ, купецъ, сельской житель и городской забудутъ ли собственную пользу, или захотятъ ли свое благо подчинить благу общему, ко-

торое до нихъ не касается, и о которомъ они вовсе не вѣдаютъ? Ремесленникъ въ своей рабочей, купецъ за письменнымъ столомъ, земледѣлецъ на гумнѣ, думали ль о тѣхъ безчисленныхъ отношеніяхъ, которыя должны вмѣщаться въ хорошихъ законахъ? всякому изъ нихъ жаль отдать часть своей свободы или имущества для общей пользы и безопасности. По сей-то причинѣ легко склонять народъ къ новымъ перемѣнамъ. Ахъ, молодой человѣкъ! пусть народъ попрепятствуетъ жестокими своими непріятелями тѣхъ людей, кои отравляютъ его ученіемъ ложной философіи. Посмотрите на хмѣльнаго человѣка: чѣмъ слабѣе голова его и ноги, тѣмъ онъ упрямѣе, тѣмъ несговорчивѣе, когда пріятель подаетъ ему руку, предлагаетъ ему помощь, и хочетъ вести его. Таковъ и народъ: чѣмъ онъ безразсуднѣе, пьянѣе отъ неистовства, тѣмъ упорнѣе стоитъ въ требованіи, чтобъ дали ему волю управлять собою; въ такомъ случаѣ любовь къ господству, къ независимости суть въ немъ самыя бѣшеныя страсти. Не довольствуясь своею свободою, онъ хочетъ самъ быть господиномъ, тиранномъ; въ первомъ движеніи своемъ стремится все опровергнуть, разрушить, уничтожить. Но онъ долженъ знать, что потомки уничтожатъ и его дѣло, какъ онъ уничтожилъ дѣло своихъ предковъ. Такимъ образомъ и выдетъ, что никакое

учрежденїе, никакое условїе сего народа не можетъ быть долговѣчно. Политическое зданїе, на пескѣ основанное, безпрестанно будетъ колеблемо вѣтрами страстей противоположныхъ; такой народъ долженъ быть увѣренъ, что потомство будетъ презирать его, равно какъ онъ презиралъ своихъ предковъ.“

„Однакожь вы вѣрно и того не хотите — сказалъ Флоценъ — чтобы народы были, подобно Китайцамъ, порабощены стариннымъ своимъ узаконенїямъ? — „Я не хочу ничего излишняго — отвѣчалъ Меранъ: впрочемъ соблазнъ непостоянства кажется мнѣ опаснѣе, нежели власть привычки. Не перестану думать, что для народа самое опасное, самое страшное время то, въ которое превозносятъ права его, твердятъ ему о власти надъ самимъ собою, увеличиваютъ на словахъ несчастїя его, возбуждаютъ въ немъ гордость, честолюбїе и суетныя надежды, совѣтуютъ ему расторгнуть свои узы и перемѣнить свою долю. Правда, въ теченїе вѣковъ появлялись люди истинно добродѣтельные, искренніе друзья человѣчества, которые симъ языкомъ говорили народу; за то на каждаго такого доброхота было по тысячѣ обманщиковъ и честолюбцевъ, которые вводили народъ въ заблужденїе для гнусной корысти.“

Въ это самое время коляска наша приближилась къ воротамъ дома г-жи Жоффрень. — Благодарю васъ, любезной другъ! — сказала она: вы открыли истину молодому путешественнику. Желала бы я знать, чѣмъ Клеантъ и ему подобные философы могутъ опровергнуть ваши доказательства. — „О, сударыня! они рѣшительно объявятъ, что это старинныя сказки, и что самъ разскащикъ долженъ быть какой-нибудь добренькой старичокъ, присяжный рабъ привычекъ и мнѣній своего времени.“

II.

Посланіе къ И. В. Л.

Вельможа - человѣкъ, Сенаторъ - гражданинъ,
Позволь спросить себя, почтенной Л. . . .
Гдѣ взялъ ты чудный даръ однимъ движеньемъ, взоромъ,
Одной улыбкою, однимъ пріятнымъ словомъ,
И взоры и сердца невольно увлекать,
И зависть самую принудить замолчать?
Ты для несчастливыхъ второе Провидѣнье!
Не къ богачамъ въ чертогъ, ты сходишь
въ мракъ темницъ;
Въ больницы, къ страждущимъ и въ хижины вдовицъ.

Одинъ поэтъ сказалъ въ безсмертномъ сочи-
неньѣ:
„Блескъ золоту даетъ его употребленье.“
Ты правило сіе примѣромъ оправдалъ.
Пусть Гершель славенъ тѣмъ, что онъ от-
крылъ планету,
Коломбъ, что къ новому нашелъ дорогу свѣту;
Ты ни Америки, ни звѣздъ не открывалъ;
Но бѣдныхъ, но больныхъ, но сирыхъ опы-
скалъ,
И нѣжно примирилъ съ людьми и небесами.
Ахъ! бѣдной не всегда со стономъ и слезами
Идетъ вымаливать насущной хлѣбъ себѣ;
Онъ часто нищеты стыдится какъ злодѣй-
ства.

Возможно ли исчесть, коль многія се-
мейства
Благополучіемъ обязаны тебѣ?
Здѣсь гумны и дома истреблены пожаромъ,
Надежда поселянъ, избиты нивы градомъ;
Тамъ правду продала безсовѣстность судей,
И разоренные уже въ душѣ своей
Отчаялись — и жизнь клялись возненавидѣть;
Боялись вспоминать, боялися предвидѣть:
Но ты предускорялъ, какъ Ангелъ, въ по-
мощь имъ,
И притѣснители народа ужасались,
И огорченные сквозь слезы улыбались;
Надменность смирена, оплотъ поставленъ
злымъ;

Съ тобою шествуетъ надежда, упѣшенье,
И сѣя благости, ты жнешь благословенье.

Иные хвалятся - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - -

Другіе хвалятся чинами и богатствомъ,
Чертоговъ золотыхъ искуственнымъ убранствомъ,
Въ садахъ Армидиныхъ прельстить желаютъ насъ
Великолѣпіемъ, отдѣлкой, красотою;
Но что сей вздорной блескъ предъ жаркою слезою,
Благотвореніемъ исторгнутой изъ глазъ!
Вотъ роскошь райская, вотъ истинное счастье,
Нѣжнѣйшее Духовъ избранныхъ сладострастье.

Столпы и куполы, сокройтеся во прахъ
Предъ сею роскошью; разбѣйся мраморъ твердый!
Пускай владѣтель вашъ, богачь жестокосердый,
Встрѣчаетъ пагубу во всѣхъ своихъ дѣлахъ;
Какъ сердце, такъ земля безплодна да явится,
Отъ жару загрубѣвъ съ душой его сравнится,
Роса не освѣжитъ деревьевъ — какъ слеза
Не посѣщавшая совсѣмъ его глаза.

А ты, о другъ людей, другъ Музъ и
Аполлона,
Отчизны вѣрный сынъ, служитель правый
трона,
Другъ вѣры, Л. . . ! будь въ вѣкъ благословенъ,
И съ Долгоруковымъ, съ Голицынымъ почтенъ.
Когда обозрѣвать въ Губерніяхъ устройство
Довѣренностію Монарха ты избранъ;
Для общаго свое позабывалъ спокойство,
И выгоды свои для выгодъ сограждан.
Рѣшимъ — коль надобно творить благодѣянья;
Раздумчивъ и лѣнивъ въ случаѣ наказанья;
Ты дарованія умѣешь ободрять,
Порочныхъ обратить, и слабому прощать;
И не довольствуясь посредственнымъ успѣхомъ,
Ты слезы горькія не называешь смѣхомъ,
Чтобы случайному вельможѣ угодить
И крестъ за бѣдствія народа получить.
Изящной Авторъ самъ, изящнаго любитель,
И на веселости ты не Катонъ-гонитель;
Любуешься смотря, какъ милыхъ Грацій
строй
И ловкихъ юношей кружится предъ тобой;
Какъ счастливо они проводятъ дни младые,
Эфиръ-эмблема ихъ, и пламень — ихъ стихія.
Ты съ старцами — старикъ, ты съ мудры-
ми — мудрецъ,
Въ кругу младыхъ — ихъ братъ, въ кругу
дѣтей — отецъ.
Герои нужны намъ, философы полезны;
Но благодѣтели намъ болѣе любезны;

Прочнѣе слава ихъ въ обязанныхъ сердцахъ,
Чѣмъ въ пышныхъ мраморахъ, гранитахъ
и стихахъ. —
Для правды, коя здѣсь перомъ моимъ водила,
И вѣрно всѣ твои дѣла изобразила,
Съ обычной кротостью стихи сіи прочти
И въ нихъ узнай себя, о Геній благотворный!
Они не куплены, не льстивны, не притворны;
Внемли хвалу себѣ — и Автора прости.

Воейковъ.

III.

С Т И Х И

Павлу Денисьевичу Рачинскому, Начальнику баталіона Смоленскихъ стрѣлковъ.

Марта 8, 1807. *Смоленскъ.*

Ты зрѣлъ Суворова и блескъ его побѣдъ! . . .
Ты удостоился во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Къ стопамъ его принесть дань, лестную
Герою:
Значкъ чести (*) у враговъ отнявъ своей рукою,
Летѣлъ къ нему — и взоръ его тебя вѣнчалъ. . . . .
Питомецъ славы! ты для сердца дорогъ сталъ.

(*) П. Д. Рачинскій отнялъ непріятельское знамя въ Италіи.

И днесь, въ какой еще блестящій путь
вступаешь!
Дружинѣ нашей ты путь къ славѣ прола-
гаешь. . .
Изъ ополченія Отечества сыновъ,
Идешь ты первый въ путь, къ попранію
враговъ.
Стремись! тебѣ *Смоленскъ* свою вручаетъ
славу!
Ты зрѣлъ Суворова, и днесь къ его уставу
На полѣ громкихъ битвъ ты слухъ прекло-
нишь свой.
Зри согражданъ своихъ, текущихъ за тобой!...
Увидь на лицахъ ихъ душевно умиленье;
Внимай къ Творцу мïровъ несущеся моленье
Отъ алтарей и душъ! зри чадъ, зри матерей,
Тебѣ идущихъ въ слѣдъ воззрѣнïемъ очей!
Супруги, матери тебя благословляютъ;
Тебя — во образецъ питомцамъ представ-
ляютъ.
Съ нѣжнѣйшимъ именемъ, плѣняющимъ сердца,
Съ названьемъ матери и нѣжнаго отца,
Изшедши изъ пеленъ тебя именуютъ!
Иди! заранѣе друзья твои ликуютъ.
Ты зрѣлъ Суворова, и нынѣ будешь съ нимъ.
А я, давъ слово быть, Герой, пѣвцомъ твоимъ,
Священнымъ долгомъ чту исполнить обѣщанье,
Пою тебя . . . дѣла твои мнѣ воздаянье.
Всю цѣну отъ тебя получитъ слабый трудъ!
Геройство и любовь поэтамъ лавръ даютъ.

Сергѣй Глинка.

IV.

Ода; сочиненная на Малороссійскомъ нарѣчіи по случаю еременнаго ополченія (*).

Гей, гей, братци! що мы чуемъ?
Кажутъ, къ намъ Французъ идетъ!
Сердцемъ мы Царя шануемъ;
Пійдемъ за Іого на смерть;
Мы на часъ покинемъ хаты.
Бытысь насъ не треба званы;
Пійдемъ гурбою самы.
Тутъ жинкы нехай готуютъ
Кашу, и дитей годуютъ;
Заразъ звернемся и мы. —

Бигъ пустывъ на волокыту,
Сыхъ Французивъ, отъ-зата,
Що не слухалы совиту
Доброго, зробылы зле.
Такъ соби компоновалы,
Що нидъ рядъ всихъ поривнялы,

(*) Просимъ извиненія у нѣкоторыхъ читателей, что пять страницъ отнимаемъ у нихъ, желая угодить Малороссіянамъ. Издателю извѣстно, что многіе жители Малороссіи и Украйны охотно читаютъ Вѣстникъ Европы. — Правописаніе наблюдено въ точности по выговору. *Изд.*

И вельможу и псаря;
Пидцковалы всю громаду
Пидкрутылы свою Раду
Да — й забылы Короля.

Заразъ Бонапарте ныцый,
Къ нымъ изъ радою пидсивъ,
До громады винъ въ столыци,
Ричь такую говорывъ:
„Щобъ було намъ добре жыты,
„Треба старшихъ посадыты,
„Щобъ велы порядки намъ,
„Щобъ и раду подавалы,
„И въ бидахъ насъ ратовалы,
„И каралы по диламъ. —

Вси роты порозивалы
И всй кланялысь iому:
„Ты будь старшымъ, закрычалы,
„Бильщъ не бутыц никому.
Радъ, що вдрався вивкъ въ кошару,
Пидобравъ соби пидъ пару,
Що не самыхъ дукачивъ.
Першъ потришки давъ табакы;
Далѣй пидвизавъ кульбаки;
А теперь на плечи взсивъ.

Отъ-же вамъ Французы воля!
Отъ-се нэе деревця.
Вольностцы, и добра доля!
Отъ се нэе золотця,

Що вамъ вильмы поробыло
На очахъ, и ослипыло
Такъ, що розумъ не помигъ!
Треба знову вамъ одкрыпы
Свитъ, и розумъ просвитыты,
Збывши гордый геть вашъ ригъ.

О! не знаете Французы
Нашу братью козакивъ,
Хочете и насъ кургузы
Быпы, такъ якъ Прусакивъ.
Бусурмане! зась гадючій!
Визмешь тутъ роженъ колючій!
Мы бывалы не такихъ!
Утѣкайте обидранцы,
Мы не Прусы не Цысарци
Въ Выслѣ васъ потопимъ всихъ.

Бонапарте самый старшій
Вашой атаманъ орды,
Гроши зъ Пруса обибравши,
Пидобрався и сюды?
Хоче въ насъ Ляхивъ отняты?
Биса визме, сынъ проклятый;
Не внесе галанцивъ самъ.
Небагацько побушуе,
Зразъ куцобы скоштуе,
Або дротыка къ чортамъ.

Ма бутъ винъ того не знае,
Абожь и не чувъ не разъ,

Якъ богацько поважае
Полякъ, Турокъ, Нѣмецъ насъ.
Винъ оглухъ чищо, плюгавый,
Що не чувъ козацкой славы?
На собижъ спыта Галлатъ!
Що вже знюхавсь винъ съ Султаномъ,
И зробывся атаманомъ,
То їому и чортъ не братъ?

Цилымъ свитомъ взявъ мутыты,
Мовъ въ млыну пидъ коломъ бисъ,
И чортъ зна за що губыты
Людъ, невирный сей гулвисъ.
Разомъ, бачь, высоко взнявся!
Въ школи чи давно валявся,
Незгада, теперь то тузъ?
Кажуть же покійникъ батько,
Прадѣдъ, дѣдъ его и дядько,
Простый тилько бувъ Французъ.

Да колыбъ Французъ правдывый,
То вже не булобъ и жаль!
А то гадкый, шолудывый,
Стыдкый, брыдкій, псище, шаль,
Винъ мандровный обидранецъ,
Ващъ пидданный Корсиканецъ:
Якъ несоромъ . . . гай! гай! гай!
Що далыся обмануты?
Ни-куды теперь звильнуты,
Хочь бы рады съ пекла въ рай.

Кажуть же, що вси вы хитры,
Знаете до шныра свитъ:
Отъ чого буваютъ витры,
Отъ чого и гримъ гримитъ;
Отъ чого и дыжчь бувае,
Отъ чого въ жары не тае
На высокій снигъ гори?
Мыстюки вы мудроваты,
Носить васъ не чиста маты
Ажъ пидъ небо въ пузыри!

Зналивъ вы одно, Галлаты!
Людямъ якъ ману пускать;
А не съ нами воеваты:
Мы далы вже вамъ пэ знать.
Вы Суворова згадайте,
И на усъ соби змотайте,
Що було тогди, и якъ;
А теперь и гиршъ вамъ буде!
Вы одъ страху, вражи люде,
Окаляетесь не такъ.

Атамана швыдше сами
Выдайте рукамы намъ.
Хопь зобравшися кіями
Вы іого забыйте тамъ.
До господы вразъ пійдете,
Неню, тамъ дѣтей найдете;
Буде добре вамъ опять;
Рыбу будете ловыты,
Будете горилку питы,
Будете съ жинками спать.

А хоть трохи ще пождете,
То въ могилахъ путь вамъ гнить;
Якъ собаки пропадете;
Пипъ не буде хоронить;
Буде вамъ лыха годына;
Одъ нагаіокъ шкуротына
Якъ у рака алѣзе причь.
Самъ нырне въ склянную хату
Ажъ на дно къ Нептуну брату
Бонапартъ Европы бычь.

Штабъ-Лѣкарь Григорій Кошицъ-Квитницкій.

Духовщина.
1807.

V.

Мнѣніе г-на Куталева о существѣ солнца, съ приложеніемъ одиннадцати доказательствъ.

Новая система г-на Куталева (Віотійскаго ученика покойнаго Архіепископа Евгенія Булгара) и четыре доказательства помѣщены въ 12 книжкѣ Лицея 1806 года. Г. Сочинитель, желая довести свою систему до свѣденія ученыхъ мужей, и подать имъ случай или вовсе опровергнуть оную, или же поступить далѣе къ открытію истины, доставилъ свои доказатель-

ства Издателю Вѣстника, для напечатанія. Онъ увѣряетъ, что вопросъ о солнцѣ передъ симъ за два года объявленъ отъ Берлинской Академіи, которая за правдоподобное рѣшеніе обѣщала дать 600 червонцевъ. Здѣсь помѣщаются и первые четыре доказательства для тѣхъ, которые не читали ихъ въ Лицеѣ.

„Солнце не есть — говоритъ г. Сочинитель — какъ полагалъ Гугеній и какъ нынѣ думаютъ, огненной шаръ жидкой, но только полушаръ, твердый, внутри вогнутый на подобіе полукруглаго сосуда, или горящей на вольномъ воздухѣ плошки, совершенно плотный и крѣпчайшій адаманта, съ одной стороны сжатый, а съ другой стороны имѣющій отверстіе, и одаренный притягательною силою; — означенной полушаръ наполненъ огнемъ, питающимся разными горючими и негорючими чистыми веществами, и оживотворяется эопическимъ воздухомъ, который называю воздухомъ первой степени. — Огненное питаемое вещество, изъ онаго вогнутаго полушара выходящее, производитъ полушаровидный пламень, пространствомъ равный вогнутому твердому полушару, и составляющій съ нимъ видъ цѣлаго шара; пламень опклоняется внизъ, и окружаетъ весь неогненной внѣшній черепъ твердаго полушара, понуждаемъ будучи вѣя-

нѣсмъ другаго второй степени воздуха, окружающаго солнечную атмосферу, и дующаго попеременно въ солнечное отверстїе и во всѣ стороны полушара, какъ и атмосферическїй нашъ воздухъ; пламень, отклоняясь внизъ, и окружая полушаръ, закрываетъ вовсе внѣшнїй черепъ, и представляетъ намъ солнечное существо огненнымъ и шаровиднымъ.

„ *Доказ.* 1 е. Солнечныя пятна, по наблюденїямъ Астрономовъ, дѣлаютъ правильное одинакое обращенїе всегда въ 25 дней; и такъ если опровергать бытїе вогнутаго полушара, то не будемъ въ состоянїи найти естественную причину правильнаго ихъ обращенїя въ 25 дней; ибо солнечныя пятна, по моему мнѣнїю, не иное что суть, какъ только вогнутаго полушара разнородныя горы, на немъ прилѣпленныя, а особливо на краяхъ отверстїя. По сему, когда солнечный полушаръ обращается около своей оси, то двигаются вмѣстѣ съ нимъ и оныя разнородныя горы, то есть, солнечныя пятна.

„ *Дказ.* 2. Зима у насъ бываетъ отъ того, что когда земля проходитъ сторону эклиптики, лежащую подъ солнечнымъ черепомъ; то продолжается холодная погода: ибо нижнїй солнечной черепъ не есть огнен-

мой, и для того земля отъ него мало нагрѣвается, получая только нѣкоторую теплоту отъ пламени, вытекающаго изъ отверстія, и опиклоняемаго во всѣ стороны, какъ сказано выше. Но когда земля приближается къ краю отверстія; то дѣлается теплѣе, потому что пламень живѣе дѣйствуетъ въ такомъ положеніи; отъ того настаетъ весна. А когда земля проходитъ сторону эклиптики, лежащую предъ самымъ отверстіемъ и центромъ пламени, то нагрѣвается перпендикулярно; отъ того бываетъ лѣто. Когда же начинаетъ отдаляться отъ жерла, тогда опять хладѣетъ; отъ того осень. А когда спускается опять подъ черепъ; то начинается зима (*).

„*Доказ.* 3. Поелику воздухъ второй степени дуетъ попеременно; то отклоненіе пламени часто перемѣняется. Когда отклоненіе больше; то сторона противоположная отверстію бываетъ теплѣе; а когда отклоненіе меньше, то оная сторона сдѣлается холоднѣе. Напротивъ того другая сторона сдѣлается теплѣе отъ слабаго вѣянія воздуха и меньшаго отклоненія пламени, а отъ сильнаго холоднѣе; посему и бываютъ иногда лѣтомъ холодные дни, а зимою теплые, и въ одинъ и тотъ же день разныя перемѣны.

(*) При 10 Нумерѣ С. Петербургскихъ Вѣдомостей объявлено отъ г на Куталева

„*Доказ.* 4. Сія система согласна нѣсколько и съ Св. Писаніемъ, называющимъ солнце дующимъ каминомъ. *Еклез. глав.* 42 (*).

„*Доказ.* 5. Поелику никакіе часы, никакое дерево, никакое животное, и вообще никакое сложное тѣло до того времени не портится, пока сердце и центръ онаго не повредится; то слѣдуетъ, что видимой сей міръ, будучи весь сложной и тлѣнной, какъ я въ *Натуральной Богословіи* пространно сіе доказалъ,

---

ко 2 доказательству дополненіе слѣдующаго содержанія: „Солнечной вогнупой полушаръ понуждается притомъ двумя сложными различными силами, одною обращаться около своей оси въ 25 дней, а другою около діаметра отверстія въ 24 часа; посему и слѣдуетъ, когда у насъ зима, то у антиподовъ лѣто; а когда у насъ лѣто, то у нихъ зима; ибо отверстіе солнечнаго полушара обращается днемъ къ антиподамъ отъ Сентября до Марта, а нижній солнечной черепъ отъ Марта до Сентября.“

(*) Въ Еклезіастѣ, гдѣ только 12 главъ, не упоминается о солнцѣ, какъ о *дующемъ каминѣ*; надобно въ другомъ мѣстѣ искать сего свидѣтельства.

Изд. Вѣст.

когда нибудь преобразится, и получитъ кончину. А какъ солнце есть центръ и сердце всего міра; то міръ по волѣ Божіей долженъ преобразиться отъ поврежденія солнечнаго вещества; ибо ничего безъ натуральной причины не дѣлается, а натура есть воля Божія; слѣдственно солнце претерпѣваетъ въ своемъ веществѣ ущербъ.

„*Доказ.* 6. Извѣстно всѣмъ, что ни Богъ, ниже натура по напрасну и безъ причины не дѣлаютъ ничего, и что во всякомъ климатѣ всѣ одной и той же природы существа имѣютъ одинакія свойства, какъ животныя и растѣнія, такъ и нечувствующіе камни, и прочія; того ради, слѣдуя сей истинѣ, говорю, что какъ огонь вселенной нашей содержится долговременнѣе въ вогнутыхъ и твердыхъ кругомъ сосудахъ (въ покояхъ, ямахъ, печахъ, плошкахъ, фонаряхъ, каминахъ, вообще въ глубинѣ земли; и въ скважинахъ пѣлъ; какъ явствуетъ изъ огнедышущихъ горъ, и изъ электрическихъ явленій, совершающихся въ вогнутыхъ покояхъ, и въ стклянкахъ); то неоспоримо и солнечной огонь, будучи подобенъ огню вселенной нашей, содержится также въ вогнутомъ твердомъ полушарѣ долговременно; по сему и эфиръ распространенъ по всему міру, и невидимъ для того, что не собранъ весь въ одномъ вогнутомъ сосудѣ.

А какъ огонь вселенной нашей существуетъ только питаніемъ сгораемаго вещества, и пропадаетъ лишась онаго; то и солнечной огонь необходимо подлежитъ тѣмъ же законамъ, для тѣхъ же самыхъ причинъ, изъ той-же натуры проистекающихъ; а что натура солнца и нашего огня совершенно сходны, то явствуетъ изъ того, что обѣ имѣютъ тотъ же цвѣтъ, видъ и дѣйствіе; — и понеже огонь нашъ дѣлаетъ вокругъ атмосферу, потому что питается сгораемымъ веществомъ; то и солнечной огонь также питаепся, для того что дѣлаетъ атмосферу.

„*Доказ.* 7. Огонь и пламень безъ сгораемаго вещества не являются и не существуютъ, ниже свѣтъ безъ пламени; слѣдственно солнечной огонь, которой даетъ намъ свѣтъ, есть сгораемаго вещества пламень.

„*Доказ.* 8. Солнце, какъ притягательная сила планетъ, нѣкоторою своею матеріею ихъ обнимаетъ, и ею къ себѣ привлекаетъ, для того что оно не есть духъ; слѣдственно солнце претерпѣваетъ истеченіе своего вещества, и есть тлѣнное.

„*Доказ.* 9. Нѣкоторыя солнечныя пятна иногда намъ являются, а иногда пропадаютъ, и опять въ тѣхъ же мѣстахъ

возобновляются, отъ того что онѣ, будучи солнечнаго полушара разнородныя горы, на краяхъ отверстія его прилѣпленныя, являются намъ, когда земля проходитъ сторону эклипшики, лежащую противъ отверстія, а пропадаютъ, когда она опускается подъ солнечной черепъ; — сіе натуральнѣе можно изъяснить и 3 мъ доказательствомъ.

„*Доказ.* 10. Поелику солнечной полушаръ есть нетлѣнной, и крѣпчайшій адаманта, а астрономы точныя наблюденія свои дѣлали всегда во время равноденствій, когда земля бъ знакѣ *овна* и *вѣсовъ* находится; то всѣ они одинъ и тотъ же нетлѣнной діаметръ солнечнаго полушара наблюдали, и для того величина солнца отъ сотворенія міра до нынѣ казалась имъ неуменьшающеюся; пламень же питается не токмо внутреннимъ, но и наружнымъ веществомъ.

Доказ. 11. Въ Абулфараджѣ (Huſ. Dinaſt.) описаны два произшествія: 535го года сдѣлалось въ солнцѣ уменьшеніе свѣта, которое продолжалось 14 мѣсяцовъ; 626го года половина солнечнаго круга была мрачною съ Октября до Іюня. И такъ если опровергать мою систему, а наипаче второе и третіе доказательства; то кажется мнѣ, что весьма трудно изъяснить естественно

помянутыя два произшествїя, описанныя въ Абулфараджѣ.

„Остальныя 10 доказательствъ присовокуплены будутъ къ моей системѣ *О существѣ солнечныхъ коронъ, сѣвернаго сіянія, и свѣта.*

„*Примѣч.* Должно полагать напослѣдокъ, что въ солнцѣ находятся нѣкоторыя огромныя ядра, кои безпрестанно опускаются въ низъ, и опять поднимаются сильно въ верхъ, и симъ стремительнымъ движеніемъ приводятъ солнечное сгораемое вещество во всегдашнее сотрясеніе, дѣйствіе и отдѣленіе (смотри § 937 и 944 де Лаланда); — сіи ядра кажутся намъ лѣтомъ пятнами; кои вдругъ являются и пропадаютъ, или опять являются въ другихъ мѣстахъ, и показываютъ обращеніе неправильное, а не въ 25 дней.

„*Примѣч.* 2. Причина, которая побудила меня назвать солнечной черепъ адамантовымъ, есть слѣдующая: адамантъ имѣетъ природное свойство свѣтить въ темнотѣ, когда днемъ нагрѣется отъ солнечныхъ лучей (см Мартына Граммат. Филос. Наукъ том. 2, О камняхъ, и металлахъ); а дабы изъяснить, что мы зимою освѣщаемся не токмо отъ падающаго вкось пламени, и

привлекающагося къ внѣшнему средоточїю черепа, но и отъ самаго полушара; то я и почелъ солнечной черепъ адаманповымъ.“

VI.

О книгѣ: *Историческїя письма о Франціи.*

Люди, промышляющїе книжною торговлею, по большей части заботятся о томъ, какъ бы поискуснѣе назвать новое произведенїе словесности и покрасивѣе описать его въ объявленїяхъ при Вѣдомостяхъ. *Невинная* хитрость сїя извѣстна всякому; не смотря на то, книги раскупаются, и слѣдственно приносятъ великую пользу . . . . . Кто не знаетъ еще, какъ щедро Музы награждаютъ своихъ служителей; тотъ да благоволитъ справиться въ знакомой книжной лавкѣ, что заплачено за переводъ какого-нибудь *новѣйшаго* романа, во что обошлось напечатанїе, и по какой цѣнѣ продается книга.

Романы *страшные* и *ужасные*, кажется, уже выходятъ изъ моды. Воображенїе писателей утомилось, гоняясь въ подземельяхъ за колдунами, привидѣнїями и разбойниками, и направило полетъ свой въ новую область. Наполеонъ Бонапарте и многочислен-

ные родственники его — лица совершенно романическія — открыли золотую руду для подвижниковъ словесности. Сочинители и переводчики, благодаря любопытству читателей, работаютъ прилѣжно, и собраніе историческихъ романовъ о Наполеонѣ ежедневно увеличивается.

Обѣщавшись иногда упоминать о новыхъ книгахъ, мы почитаемъ за нужное сообщить нашимъ читателямъ о переводѣ *Историческихъ писемъ о Франціи*, въ которыхъ помѣщены истинно любопытные анекдоты о странномъ дворѣ Сен-Клудскомъ, и описаны свойства Наполеоновъ (*), ихъ сообщниковъ и многихъ иностранныхъ Министровъ. Письма сіи писаны однимъ, повидимому знатнымъ Французомъ къ какому-то Англичанину. Можетъ статься, что онѣ и подложныя; по крайней мѣрѣ то несомнительно, что въ сочинителѣ сей книги находимъ человѣка знающаго политическія дѣла, прилѣжнаго наблюдателя и весьма пріятнаго разскащика. Русской переводъ во многихъ мѣстахъ довольно удаченъ, и почти вездѣ хорошъ; нѣкото-

(*) Наполеонъ не одинъ; братья его и сестры называются симъ же именемъ: Наполеонъ-Іосифъ, Наполеонъ-Лудовикъ и проч.

рыя небрежности показываютъ, что г. Переводчикъ не имѣлъ свободнаго времени исправить ихъ. Здѣсь говорится о переводѣ *историческихъ писемъ*, напечатанныхъ въ Москвѣ въ Сенатской Типографіи. Сказываютъ, что еще печатается въ разныхъ мѣстахъ три изданія сихъ писемъ. Выпишемъ что-нибудь для нашихъ читателей.

„Мать г-жи Летиціи Бонапарте, вышедши въ другой разъ за-мужъ за купца, по имени Феша, родила отъ него сына въ 1763 году, въ Аяччіо. Онъ былъ воспитанъ въ монастырѣ, и съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ прислуживалъ при олтарѣ. Въ 1782 пріѣхалъ онъ въ Сардинію къ одному изъ своихъ родственниковъ, поселившемуся на этомъ островѣ, и *говорятъ*, *что отправившись* нѣкогда на рыбную ловлю, былъ взятъ встрѣтившимися съ нимъ Алжирскими разбойниками и *отправленъ* въ Алжиръ. Тамъ принялъ онъ Магометанскую вѣру, и съ усердіемъ исполнялъ до 1790 года должность Музульманина. Въ это время нашелъ онъ случай уйти, воспользовался имъ, и возвратился въ Аяччіо. Тогда-то вошедши опять въ нѣдра церкви, посвятилъ онъ себя духовному состоянію, то есть сдѣлался Конституціональнымъ священникомъ. Вы знаете, что въ 1793 *они* опять были изгнаны, и тогда онъ сдѣлал-

ся трактирщикомъ: ато состояніе было прибыльнѣе прежняго; Фешъ собралъ небольшой капиталъ, и уже не прежде вступилъ опять въ духовное званіе, какъ послѣ побѣдъ, одержанныхъ Бонапартомъ, и прославившихъ его. Въ это время онъ могъ быть полезенъ для фамиліи. И дѣйствительно, едва только Бонапарте сдѣлался Первымъ Консуломъ, то произвелъ онъ Феща Лїонскимъ Архїепископомъ, а въ 1802 году Папа Пій VII пожаловалъ его Кардиналомъ. Теперь ему остается одинъ шагъ до Папской короны. Въ Римѣ говорятъ, что Кардиналъ Фешъ отъ имени Наполеона предлагалъ Папѣ пріѣхать во Францію, или удалиться въ монастырь, — короновать Императора, или отказаться отъ верховной власти. Вообще увѣряютъ, что Папа безъ совѣтовъ Святой Коллегіи предпочелъ бы *сложеніе короны* сказаннымъ предложеніямъ.

„Іосифъ Фешъ, бывши еще трактирщикомъ, женился на дочери одного мѣдника; но атотъ бракъ совершенъ былъ по республиканскому обычаю; и когда Фешъ вступилъ опять въ церковное званіе, то, слѣдуя праву Каноническому, отказался отъ жены и отъ дѣтей своихъ. Однакожъ г-жа Фешъ, узнавши, что мужъ ея сдѣлался Лїонскимъ Архїепископомъ, написала къ нему

поздравительное письмо, и предстaвила свое и дѣтей своихъ состояніе; напоминала, что если онъ не почитаетъ ее за жену, то по крайней мѣрѣ обратилъ бы вниманіе на ея бѣдность, и облегчилъ участь ея нѣкоторою частью духовнаго имущества. Госпожа Летиція взялась отвѣчать за Кардинала, чтобъ не отвлекать его отъ пастыы, и отправила къ ней векселъ въ шесть сотъ ливровъ, обѣщая ей по стольку каждый годъ, если она согласится остаться въ Корсикѣ навсегда; но что пенсія тотчасъ прекратится, какъ скоро она выѣдетъ оттуда. Однакожь сія женщина, или желая получить большую плату за свою молчаливость, или побѣждаема будучи непріятелями г-на Бонапарте, пріѣхала тайнымъ образомъ въ Ліонъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1803 года, и жила тамъ потаенно до прибытія Папы. Въ первый день, какъ Пій VII показался народу, и раздавалъ благословеніе, она пробралась сквозь толпу, и подошла къ Папѣ, подлѣ котораго стоялъ Кардиналъ Фешъ. Воспользовавшись молчаніемъ, бросилась она къ ногамъ его святѣйшества и вскричала: „святый отецъ! я законная жена Кардинала Феша; вотъ наши дѣти. Онъ не можетъ запереться въ этомъ. Еслибъ онъ не оставилъ меня въ самомъ ужасномъ состояніи; я бы никогда не стала безпокоить его моими жалобами въ высокой его степени.

Я не желаю вступить въ прежнія права мои; но хочу только, чтобъ онъ далъ пристойное содержаніе мнѣ и несчастнымъ дѣтямъ нашимъ.“ — Matta, matta, ſantiſſimo padre! вскричалъ Іосифъ Фешъ. Это сумасшедшая, ваше святѣйшество, это сумасшедшая! — Папа велѣлъ присматривать за сей женщиной, чтобъ она не сдѣлала чего нибудь дурнаго съ собою или съ дѣтьми. Это приказаніе исполнено было такъ хорошо, что съ того времени никто не слыхалъ ни объ ней, ни о дѣтяхъ ея, возвратилась ли она въ Корсику, или скрылась во Франціи въ какомъ-либо мѣстѣ, удаленномъ отъ пребыванія мужа ея.

„Немного найдется людей столь распутныхъ, какъ Кардиналъ Фешъ. Пороки его часто посрамляли важное его достоинство. Вкусъ его былъ крайне непостоянъ, и онъ часто находился въ великомъ замѣшательствѣ. Въ 1803 году одно весьма непріятное приключеніе заставило его пробыть въ Ліонѣ гораздо менѣе, нежели онъ предполагалъ. Онъ влюбился чрезвычайно въ жену одного ремесленника Жиро-та, и согласился придти къ ней ввечеру, когда мужъ ея обыкновенно хаживалъ въ театръ. Кардиналъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ назначенное время и мѣсто, переодѣвшись. Его приняли съ величайшею ра-

достью. Все обѣщало ему счастливый успѣхъ, какъ вдругъ съ великимъ шумомъ отворилась дверь ближняго кабинета. Фешъ примѣтилъ тотчасъ, что онъ попался въ руки раздраженному мужу. Тщетно объявляетъ онъ ему свое имя и достоинство. Жиро еще болѣе разсердился; утверждалъ, что это обманъ, и что Кардиналъ, занимаясь ввѣренною паствою, не можетъ думать о женѣ его. Сія послѣдняя сдѣлалась посредницею, и положено, чтобъ Кардиналъ тутъ же написалъ обязательство во сто тысячь ливровъ. Онъ согласился; но какъ скоро срокъ пришелъ, то Жиро и его жена взяты были подъ караулъ полицейскимъ Коммисаромъ дю Буа (*). Ихъ обвинили въ сообщеніи съ *подложными* монетчиками; освидѣтельствовали домъ, и нашли три тысячи ливровъ поддѣланной монеты. Къ нимъ принесены были эти деньги наканунѣ того дня отъ полицейскаго шпіона, приходившаго къ нимъ для покупки подъ видомъ Парижскаго купца. Кардиналъ воспользовался ихъ задержкою, взялъ обратно свое обязательство, а Наполеонъ, по чрезвычайному снисхожденію, вмѣсто смертной казни, приказалъ сослать ихъ въ Кайену.

(*) Братъ Префекта Полиціи въ Парижѣ.

Вотъ Прелатъ, назначенный Бонапартіемъ въ Первосвященники и преемники Святаго Петра!“ . . . . . .

„Большая часть членовъ дипломатическаго корпуса прибыла по приказанію Наполеона въ Эксъ-ла-Шапель, для врученія ему вѣрительныхъ грамотъ своихъ. Карлъ Великій былъ въ 800 году такимъ же образомъ поздравляемъ чужестранными Посланниками, и это-то заставило Наполеона проѣхать болѣе ста миль для удовольствованія своего тщеславія. Онъ торжественно осматривалъ всѣ мѣста, гдѣ останавливался Карлъ Великій, гдѣ отдыхалъ и принималъ присягу. Дипломатической корпусъ и *жена его* вездѣ слѣдовали за нимъ. Одинъ крестьянинъ указалъ ему камень, на которомъ Карлъ Великій преклонялъ колѣна, и получилъ въ награду весьма знатную сумму; а священникъ, поднесшій кресіпъ, который этотъ Императоръ цѣловалъ, сдѣланъ былъ Епископомъ. Наполеонъ приказалъ заплатить тысячу луидоровъ фабриканту, который представилъ ему портретъ Карла Великаго, и увѣрилъ, что онъ написанъ дочерью сего Монарха, — хотя портретъ сей въ самомъ дѣлѣ обязанъ былъ существованіемъ своимъ посредственному искусству дочери этого ремесленника. Наконецъ одинъ ученый Нѣмецъ принесъ

старой пергаминъ, на которомъ была подпись руки Карла Великаго; и хотя не доказано достовѣрно, чтобъ сей Государь умѣлъ писать, но ученый принятъ былъ въ члены Института. Нѣкоторый Нѣмецкой Баронъ, называемой Кригге, причисленъ къ почетному Легіону за то, что имѣлъ кольцо, данное Карломъ Великимъ одному изъ его предковъ, — хотя онъ при всемъ этомъ не болѣе 50 лѣтъ передъ тѣмъ досталъ дворянство. По несчастію, одинъ Нѣмецкій Профессоръ; болѣе педантъ, нежели придворный, и не столь проворный, сколько искренній, началъ оспоривать все то, чему Бонапарте вѣрилъ, или притворялся будто вѣритъ. Онъ подалъ длинное разсужденіе, доказывавшее несомнѣнно знаніе его въ древностяхъ, и обнаружилъ, что сіи драгоцѣнные остатки Карла Великаго были подѣланы для обольщенія легковѣрныхъ; что портретъ, написанный его дочерью, сдѣланъ въ нынѣшнее время; что пергамину не было и ста лѣтъ; Распятію пятидесяти; а кольцу нѣтъ и десяти. Бонапарте разсмотрѣлъ это разсужденіе, и въ слѣдующую ночь полицейскій Коммисаръ, въ провожаніи четырехъ жандармовъ, явился ученому Профессору, заставилъ его одѣться, посадилъ въ закрытую повозку, и отправилъ подъ присмотромъ на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ сказали ему, что онъ казненъ будетъ смер-

тію, если покажется во Франціи. Съ тѣхъ поръ ученые Антикваріусы перестали разсуждать о вещахъ Карла Великаго. Изо всѣхъ частей Франціи, Италіи, Германіи и даже Даніи присылаютъ ихъ сюда великое множество, и мы надѣемся скоро увидѣть Музей сего Государя столь же обширнымъ, какъ и Музей Наполеоновъ.“ . . . .

„Есть нѣкто Дюкру, бывшій прежде цирюльникомъ и сдѣлавшійся при Робеспьерѣ Генераломъ, но послѣ отставленный за неспособность. Наполеонъ приказалъ этому человѣку присматривать за Фуше (*), а сей послѣдній поручилъ ему же замѣчать все, что будетъ дѣлать Бонапарте. Онъ записывалъ свои замѣчанія, и отдавалъ ихъ лично Наполеону и Министру. Одинъ разъ онъ ошибся, и Бонапарте, получа отъ него записку, прочелъ: „Вчера въ восемь „часовъ Наполеонъ былъ какъ безумной; онъ „проклиналъ, бранился, стучалъ ногами и „вскричалъ:“ . . . Въ сію минуту Дюкру бросился къ ногамъ его, и просилъ прощенія въ сдѣланной ошибкѣ. „Для кого назначена „эта прекрасная записка — спросилъ Бонапарте: вѣрно для какого-нибудь Англійскаго „Агента? Не для Питта ли? Когда эта „переписка началась, и кто въ ней уча-

(*) Министръ Полиціи.

„ствуетъ? — Государь, отвѣчалъ Дюкру, „ваши непріятели всегда были и будутъ „моими собственными. Это извѣстіе писано „для весьма близкой къ вамъ особы; но „если я объявлю ее, то . . . погибну.“ „Кто это! вскричалъ Бонапарте съ гнѣвомъ. — „Это писано для Фуше . . . болѣе ни для „кого.“ Бонапарте приказалъ Дюроку призвать Фуше, и взять Дюкру подъ строгой присмотръ. Министръ пришелъ и сказалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ связей съ Дюкру, и даже не знаетъ его. Этотъ несчастный погибъ подъ пыткою.“

Теперь читатели наши имѣютъ нѣкоторое понятіе объ *Историческихъ письмахъ*.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо отъ г-на Арбутнота, Англійскаго Посла при Портѣ Оттоманской, къ г-ну Готзери, Султанскому Драгоманц (*).

Пера, 13 Декабря, 1806.

По немногимъ словамъ, которыя сегодня по утру я имѣлъ честь написать къ вамъ, милостивой государь, для удостовѣренія, что письмо ваше вчера мною получено, вы безъ сомнѣнія замѣтили, какъ тронуло меня непріятное извѣстіе о томъ, что произошло между войсками Турецкими и Россійскими. По написаніи къ вамъ послѣдняго письма, я видѣлся съ господиномъ Италинскимъ. Онъ столько же, какъ и я, жалѣетъ о семъ непріятномъ случаѣ; чув-

(*) Письмо сіе доставлено въ сенатъ Французской, вмѣстѣ съ посланіемъ отъ Бонапарте. Оно служитъ яснымъ доказательствомъ, что Валахія занята не съ намѣреніемъ непріязненнымъ, но единственно для безопасности.

ствованія его вамъ извѣстны по письму, которое отъ него получили.

Но при обстоятельствахъ, въ которыхъ нынѣ находимся, я и господинъ Италинскій, вовсе не зная, какія причины побудили Россійскія войска вступить въ Турецкія области, мы можемъ только жалѣть о случаяхъ, разрушающихъ доброе согласіе между Высокою Портою и ея союзниками. Расположенія нашихъ Дворовъ намъ извѣстны; мы увѣрены, что ни Англія, ни Россія не питаютъ непріязненныхъ намѣреній противъ Турціи; изъ того и заключаемъ, что вступленіе войскъ Россійскихъ должно быть не инымъ чѣмъ, какъ слѣдствіемъ осторожнаго намѣренія, клонящагося къ сохраненію безопасности Высокой Порты. Несчастной же случай, о которомъ вы упоминаете въ письмѣ своемъ, надлежитъ относить къ ошибкѣ отъ недоразумѣнія, котораго никакая мудрость человѣческая предотвратить не можетъ.

Со дня на день должно ждать удовлетворительныхъ объясненій. Поелику Высокая Порта своимъ отношеніемъ оказала мнѣ отличную почесть; то я, слѣдуя побужденію моего сердца, поспѣшаю объявить, что благоразумныя причины требуютъ, чтобы она въ настоящее время продолжала дѣй-

ствовать по тѣмъ правиламъ справедливости и умѣренности, которыми Оттоманское Министерство до сихъ поръ славилось.

Признаюсь, что ежели дѣла точно въ такомъ положеніи находятся, въ какомъ онѣ представлены, то безъ сомнѣнія Высокая Порта справедливо оскорбляется; однакожь ей извѣстна правота ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго, и она можетъ быть увѣрена, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО не одобритъ непріятельскихъ поступковъ, сдѣланныхъ противъ Турціи начальниками войска; не льзя статься, чтобы прозорливая Порта не чувствовала, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ непріязнь противъ Россіи доведетъ Турецкую Имперію до тѣхъ опасностей, которыя уже съ давняго времени тщательно готовитъ ей коварная Франція.

Высокая Порта, удостоивъ меня быть посредникомъ въ семъ дѣлѣ, доставила мнѣ великое удовольствіе. Вижу ясное доказательство ея ко мнѣ благорасположенія, и чувствую обязанность мою дѣлать ей угодное. Однакожь скажу откровенно, что поступокъ, предлагаемый Портою, и всякіе тому подобные, были бы въ семъ случаѣ безполезны, даже не у мѣста; ибо я слышалъ отъ самаго Посланника Россійскаго, что

ешЪ одушевленЪ точно тѣми же чувствованіями, какими я, и равное имѣетЪ желаніе прекратить все, могущее запутать дѣла между обоими правительствами.

Буду ждать другихЪ случаевЪ засвидѣтельствовать Высокой Портѣ чувство дружбы вѣрнаго ея союзника, моего Государя; смѣю увѣрить, что все будетЪ клониться къ обнаруженію намѣреній Короля, котораго ничего столько не желаетЪ, какЪ быть полезнымЪ Его Султанскому Величеству; смѣю также увѣрить, что взаимныя обязательства между КоролемЪ и ВсероссійскимЪ ИМПЕРАТОРОМЪ не имѣютЪ другой цѣли, кромѣ благосостоянія, безопасности и славы Турецкой Имперіи. — Имѣю честь быть съ отличнѣйшимЪ уваженіемЪ и проч.

Подписано: *К. Арбутнотъ.*

II.

Выписка изъ Англійской газеты.

Стараніи, съ нѣкотораго времени употребляемыя НаполеономЪ Бонапарте, обманутЬ Европу, касательно сраженія при Пультускѣ, достаточно показываютЪ, какЪ оно было для него невыгодно, и какЪ онЪ обманулся въ своей надеждѣ. Теперь уже

извѣстно, что онъ имѣлъ особое намѣренїе, которое уничтожено симъ нечаяннымъ сопротивленїемъ. Онъ не торопился ѣхать изъ Варшавы, и не хотѣлъ послушать перепалки передовыхъ отрядовъ. Всѣ распоряженїя, всѣ поступки показываютъ, что онъ готовился дать Енское сраженїе въ другой разъ. Одержавъ побѣду, онъ вѣрно не пошелъ бы назадъ.

И такъ войско, наименованное *непобѣдимымъ*, уже перестало побѣждать! Бонапарте хотѣлъ нанести жестокой ударъ, и вмѣсто того самъ пораженъ имъ! Тотъ, кто обыкновенно говаривалъ войску: „дѣти! помните, что я привыкъ спать на полѣ сраженїя;“ тотъ, кто безпрестанно хвалилъ своихъ солдатъ, говоря, что они преодолѣваютъ всѣ трудности, и что съ верблюжею быстротою протекаютъ пески пустынные; тотъ, кто еще въ 1805 году говорилъ: „солдаты! мы должны будемъ идти очень „скоро, должны будемъ сносить труды и „недостатокъ во всемъ; мы преодолѣемъ „всѣ препятства; не успокоимся до тѣхъ „поръ, пока не водрузимъ орловъ своихъ на „землѣ непрїятельской;“ — тотъ не уже ли не сочинилъ бы новыхъ пышныхъ поздравленїй воинамъ своимъ за ревность, съ которою они *преслѣдовали побѣжденнаго непрїятеля среди болотъ*, и (любимое выра-

женїе Наполеоново) *опрокинули его въ озеро*? Вмѣсто обыкновеннаго хвастовства, что находимъ въ первыхъ *бюллетинахъ*, въ которыхъ описано сїе сраженїе? были *разныя произшествїя*; сраженїе было жаркое; 17 высшихъ Офицеровъ и Генераловъ вовсе не было въ дѣлѣ; 1000 человѣкъ убито и 2000 ранено (!!); что Бонапарте повелъ войска въ зимнїя квартиры, чтобы дать время отдохнуть тѣмъ, которые привыкли никогда не отдыхать, и что походъ нынѣшняго года окончился. — Надобно замѣтить, что ни послѣ Маренгскаго, ни послѣ Ульмскаго, ни послѣ Енскаго сраженїй, которыя рѣшили судьбу сильнѣйшихъ государствъ, витязь не объявлялъ столь великой потери въ людяхъ. Подъ Маренго у него убито *не болѣе* 600 человѣкъ, и ранено *не болѣе* 1,500. Во всѣ частныя сраженїя подъ Ульмомъ онъ потерялъ *только* 500 убитыми, и 1,000 раненными. Тогда въ шестомъ *бюллетинѣ* своемъ онъ очень скромно упомянулъ, будто Французскїе солдаты увѣряли, что „Императоръ ихъ изобрѣлъ новой способъ вести войну; что онъ *работаетъ ногами ихъ*, не имѣя уже надобности въ штыкахъ, и что они удвоятъ скорость свою, когда нужно будетъ догонять непрїятеля.“ Теперь можно спросить у господина Бонапарте, отъ чего въ 1806 году ноги храбрыхъ его воиновъ вдругъ окосшенѣли? Подъ Еною

у него также убито *не болѣе* 1,000, и ранено *только* отъ 2 до 3,000; между тѣмъ какъ на каждомъ изъ упомянутыхъ сраженій, по увѣренію его, непріятель терялъ по крайней мѣрѣ по 50,000. Нынѣ, при одинакой потерѣ съ его стороны, уронъ непріятеля, по его же увѣренію, не превышаетъ четвертой доли 50,000! Слѣдовательно слава Французскаго войска вдругъ уменьшилась тремя четвертями! курсъ богатырскихъ подвиговъ его упалъ 75 ю процентами! Habemus confitentem victum!

Одному только Наполеону, одной только великой душѣ его прилично было приказать Французскимъ Епископамъ отпѣть благодарственный молебенъ за побѣду при Пультускѣ! Окружное письмо его къ Прелатамъ подписано въ Пультускѣ 26 Декабря; однакожь оно явилось въ Монитерѣ не прежде 22 Января, вмѣстѣ съ *бюллетинами*, въ которыхъ опровергаются донесенія Россійскихъ Полководцовъ. Сіи донесенія крайне разсердили великаго богатыря. Чтобы увѣрить Французовъ, что онъ точно, а не кто-либо другой, одержалъ побѣду, онъ отправилъ окружное письмо о молебствіи, будто бы тотчасъ послѣ побѣды подписанное. Можно спросить его, для чего онъ не велѣлъ вѣрнымъ своимъ и православнымъ Полякамъ воспѣть *Тебе Бога хвалимъ* въ

соборныхъ церквахъ въ Варшавѣ, или въ Познани? безъ сомнѣнія потому, что боялся, чтобъ вѣрные Поляки не стали шутить надъ нимъ, и что легче можно одурачить Парижскихъ ротозѣевъ, нежели солдатъ, которые ранены подъ Пультускомъ, и лежатъ въ Варшавскихъ больницахъ. Еще не забыли, какъ богатырь нашъ, потерявъ 6,000 солдатъ и 17 высшихъ начальниковъ, убѣжалъ изъ подъ Акры, и не имѣя случая пропѣть *Тебе Бога хвалимъ* въ Каирской соборной мечети, велѣлъ построить торжественныя врата, и провелъ чрезъ нихъ то самое войско, которое Сиръ Сиднеи Смитъ могъ провести подъ висѣлицею. Такъ поступали и великіе полководцы классической древности. Напримѣръ, Антигона совѣтуетъ Полинику брату своему какъ можно скорѣе вести войско въ Аргосъ, чтобы не подвергнуть себя и отечество неизбѣжной опасности. Полиникъ отвѣчаетъ: „Ты „требуешь невозможнаго. Могу ли быть достоинъ начальствовать надъ войскомъ, когда явлю себя робкимъ? Нѣтъ, я скрою „отъ нихъ пагубныя предвѣщанія моего „родителя. *Искусный полководецъ должен „объявлять только то, что полезно ему; „а не то, что противно его выгодамъ.*“

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о справедливости нынѣшнихъ заграничныхъ листковъ, довольно сослаться на No 35 Бирейтской газеты, гдѣ напечатано, что *Русскіе потеряли подъ Прейсишь-Эйлау* 20 000 *убитыми*, 20,000 *взятыми въ плѣнъ*, и 180 *пушекъ*; что *Прусскій Король самъ лично начальствовалъ во время сего сраженія*, и что *намѣреніе Русскихъ было освободить Грауденцъ отъ осады*!!! Вотъ какими нелѣпостями потчуютъ любопытныхъ читателей! — Въ письмѣ г-на Бершье отъ 7 Февраля, помѣщенномъ въ Журналѣ Имперіи (Journal de l' Empire) написано: *завтра мы будемъ въ Кенигсбергѣ*. Тотъ же Бершье на канунѣ сраженія при Пультускѣ написалъ: *мы окружили тридцати-тысячной корпусъ Русскихъ; завтра они положатъ ружья*. — Во всѣхъ газетахъ, сочиняемыхъ подъ властію Французскаго правительства, пишутъ, что *Генералъ Михельсонъ идетъ въ Албанію*. Для чего это? Для того чтобы послѣ написать: *мы не пустили Генерала Михельсона въ Албанію*!

Сочинители Французскихъ газетъ и люди, которые сообщаютъ имъ извѣстія о военныхъ происшествіяхъ, истощивши всѣ спо-

собы ругаться надъ истиною, вздумали наконецъ клеветать на умирающихъ. Въ бюллетинѣ великаго войска 28 Февраля помѣщено слѣдующее: „Г. Озови, Капитанъ конныхъ гранодировъ, умирая на полѣ сраженія, сказалъ: *оставьте меня, друзья мои; я умираю доволенъ: ибо мы побѣдили.*“ — Всѣмъ извѣстно, что конные гранодиры истреблены до остатка на семъ сраженіи. Однакожь это не помѣшало взвести небылицу на Капитана Озови, потому что слова умирающихъ людей почитаются справедливыми. Въ томъ же бюллетинѣ сказано, что изъ пушекъ, взятыхъ подъ Прейсишъ-Эйлау, надобно вылить истуканъ какого-то Генерала *Готлу*. — Слѣдуетъ гнусной поступокъ, подлостію своею превышающій все, что можно только себѣ представить. Въ Публицистѣ 15 Марта напечатано письмо, писанное какимъ-то *Алсковымъ* (*), и будто бы перехваченное послѣ сраженія подъ *Прейсишъ-Эйлау*. Оставляемъ на догадку читателей, какого оно должно быть содержанія. Въ дополненіе безстыдства, письмо сіе надписано въ С. Петербургъ на имя од-

---

(*) Издатель *Публициста*, или сообщникъ его, думалъ, что окончаніе *овъ* введетъ въ заблужденіе читателей. Всякъ знаетъ, что такимъ именемъ не называется ни одинъ Россіянинъ.

ной извѣстной и весьма почтенной особы. По счастїю, подлогъ обнаруживается на каждой строчкѣ. Еслибъ питомцы революцїи не приучили свѣтъ взирать равнодушно на злодѣйства ихъ, то сей поступокъ могъ бы привести въ содроганїе каждаго читателя.

Бонапарте нарядилъ членовъ великаго Сангедрина (*) слѣдующимъ образомъ: Президентъ щеголяетъ бархатнымъ чернаго цвѣта полукафтаньемъ и шапкою на древнїй образецъ; Секретари носятъ черной кафтанъ и шапку того же цвѣта; Раввины черную длинную одежду; мїряне черной Французской кафтанъ, короткую шелковую епанчу того же цвѣта и Французскую шляпу; у всѣхъ бѣлые воротнички, полотняные. Члены прежняго собранїя носятъ черной кафтанъ и Французскую шляпу, шпагу и пряжки серебряныя; Раввины черное полукафтанье и бѣлой поясъ. Мѣста означены нумерами,

---

(*) Слово испорченное, съ Греческаго Сунедріонъ, *собранїе*; такъ называлось у древнихъ Іудеевъ верховное судилище. Въ разныхъ мѣстахъ Новаго Завѣта Сунедріонъ переведено *совѣтъ*, *совѣтище*, *соборъ*. Въ слѣдующемъ нумерѣ Вѣстника сообщимъ историческое извѣстїе о семъ верховномъ судилищѣ.

которые отличаютъ членовъ великаго Сангедрина отъ прежняго собранія. Среди комнаты поставленъ престолъ на высокомъ мѣстѣ; зрители помѣщаются въ галереѣ. — Нарядить Раввиновъ въ шапки на древній образецъ не то ли значитъ, что сдѣлать ихъ шутами? Французское правительство, желая возвеличить Іудейскую вѣру, унижаетъ ее. Оно изо всего дѣлаетъ игру кукольную.

Нѣкто Денонъ, главный Директоръ Музея Наполеонова, препровождаетъ въ Парижъ богатой караванъ искуственныхъ произведеній, взятыхъ имъ изъ чертоговъ Курфирста Гессенъ-Кассельскаго. Бонапарте, обогативъ Францію драгоцѣннѣйшими памятниками, теперь приумножилъ собраніе рѣдкостей еще другими произведеніями художествъ. Сей караванъ состоитъ изъ разныхъ древнихъ статуй, также изъ картинъ Нѣмецкой школы, и самыхъ лучшихъ произведеній *Павла Потера*, *Франциска Міериса*, *Теньера*, *Клавдія Лорреня*, *Рембрандта* и проч. Другой, еще большій, караванъ рѣдкостей за шесть недѣль прежде отправленъ въ Парижъ изъ Берлина и Брауншвейга. Въ просвѣщенной Европѣ не было примѣровъ столь гнуснаго хищничества. Можно подумать, что Бонапарте умышленно ста-

рается во всѣхъ возбудить ненависть къ Французамъ.

Въ посланіи своемъ отъ 29 Января 1807 года Бонапарте увѣдомляетъ хранительный сенатъ: 1. что Саксонія перестала уже быть Прусскою провинціею; 2. что еслибъ онъ не предпринялъ нынѣшняго похода, то *Греческая Тіара* торжествовала бы, начиная отъ Балтійскаго моря даже до Средиземнаго, и Европа была бы покорена *фанатическими варварами*; 3. что Персидскій *Императоръ* скоро пойдетъ съ войскомъ своимъ къ горѣ Кавказу; 4. что Русскіе баталіоны бѣгутъ при появленіи орла Французскаго.

По всему видно, что сочинитель сего достопамятнаго посланія соображался съ понятіями тѣхъ людей, для коихъ оно назначено, и именно съ умомъ г-на Карріона, которой хочетъ, чтобы всѣ земные народы послали депутатовъ своихъ плясать около истукана Наполеонова и образа смиренной Женевьевы. Статься можетъ, что сенатъ дѣйствительно повѣритъ, будто Саксонія была Прусскою провинціею; онъ повѣритъ, что въ Персіи есть Императоръ; что Россіяне суть фанатическіе варвары, и что они бѣгутъ при появленіи орла Французскаго. Сенатъ всему этому повѣритъ, или при-

творится, будто вѣритъ — а Наполеону только то и надобно!

Что скажетъ Европа о нелѣпомъ слогѣ, какимъ политики пишутъ въ наше время? Въ другомъ посланіи въ хранительной же сенатъ отъ 4 Февраля Бонапарте написалъ между прочимъ, что *гнѣвъ Французскаго народа ужаснѣе, нежели бури Океана!!*

Миръ Пресбургской есть то мгновеніе, въ которое начальникъ Французскаго правительства всего себя отдалъ порывамъ своего неистовства и властолюбія. Сенатъ донесъ ему, что онъ только одинъ великъ, одинъ премудръ, одинъ ужасенъ; что его разсужденія выше человѣческихъ; что надобно молиться мечу его; и что всѣ народы Европы должны плясать вокругъ его истукана. Тогда онъ отвергъ всѣ совѣты; тогда союзники его и всѣ жители Германіи *перестали бояться* — ибо при отчаяніи страхъ не имѣетъ мѣста.

При семъ послѣднемъ посланіи, столь странномъ по своему слогу, приложены нѣкоторыя дипломатическія бумаги, и между прочими письмо отъ Арбутнота, Англійскаго посла, къ г-ну Гутзери, которое помѣщено въ семъ нумерѣ. Прочія статьи по-

стараемся сообщить нашимъ читателямъ, какъ скоро явятся онѣ въ Сѣверномъ Журналѣ, изъ котораго, за неполученіемъ другихъ, большею частію почерпаемъ политическія извѣстія.

*

Тридцатый день Января останется навсегда достопамятнымъ въ лѣтописяхъ Англійскаго Королевства. Канцлеръ Казначейства предложилъ Парламенту новую государственныхъ доходовъ и расходовъ систему, которая подастъ средства вести войну семь лѣтъ, увеличивъ сумму налоговъ только тремя стами тысячь фун. ст., и потомъ продолжать оную еще десять лѣтъ съ помощію обыкновенныхъ сборовъ, безъ малѣйшей прибавки. — Лордъ Гренвиль объявилъ Верхнему Парламенту, что Е. В. Георгъ III заключилъ договоръ съ Королемъ Прусскимъ. — Правительство получило извѣстіе изъ Восточной Индіи, что тамъ снова начинается мятежъ. Нѣкто Равъ Гаутки собралъ 50,000 человѣкъ, съ которыми намѣренъ дѣйствовать противъ Англичанъ. Генералъ Градокъ всячески старается не допустить, чтобъ Полигары соединились съ мятежниками. Дѣти Типпо-Саиба, которыхъ подозрѣваютъ въ соумышленіи, привезены въ Калькуту. — Сиръ Гомъ Попгамъ, котораго Испанцы выгнѣснили изъ Буэносъ-Айреса, прибылъ въ

Англію. Его тотчасъ отдали подъ слѣдствіе, за то что онъ безъ повелѣнія правительства завоевалъ - было упомянутую колонію. Судъ произведенъ въ Портсмутѣ на кораблѣ; окончилось тѣмъ, что Сиру Попгаму сдѣланъ выговоръ. Потеря Буэносъ - Айреса вознаграждена приобрѣтеніемъ острова *Курасао*, которой покоренъ Англійскимъ Капитаномъ Брисбантомъ. При семъ случаѣ отняты у Голландцевъ два фрегата; крѣпость взята приступомъ. Англичане потеряли только три человѣка. Курасао есть одинъ изъ Антильскихъ острововъ; онъ достался Голландцамъ въ 1634 году. Острова и селенія твердой земли получаютъ соль изъ Курасао, которой былъ весьма полезенъ для Голландцевъ по торговымъ сношеніямъ съ Испанцами, а особливо потому что пристань его во время войны служила мѣстомъ свиданія для всѣхъ народовъ. Англичане имѣли въ рукахъ своихъ Курасао еще въ 1800 году, но по Амьенскому договору островъ сей былъ отданъ обратно Голландцамъ.

*

Въ половинѣ Февраля, Французскія войска, находившіяся въ южныхъ департаментахъ, получили повелѣніе идти въ Италію, и расположиться въ Миланѣ, Мантуѣ, Лоди, Падуѣ, Виченцѣ, Веронѣ, Пальмануовѣ, Озорѣ и Венеціи. Всего удивитель-

нѣе, что Французы выступаютъ изъ Неаполитанскаго Королевства, и идутъ въ Фрїуль, гдѣ соединятся съ собранною арміею. Голландїя также осталась безъ обороны. Увѣряютъ, что Голландцы рѣшительно отказались было служить внѣ своего отечества; ихъ успокоили тѣмъ, что обѣщались не посылать въ Польшу, но только въ Померанїю.

Что значитъ собранїе многочисленнаго войска въ Фрїулѣ? Что значитъ намѣреніе Венгерскаго сейма учредить поголовное вооруженіе? Не хочетъ ли Австрїя обнажить мечь противъ врага человѣческаго рода? Въ старину Государи въ подобныхъ случаяхъ требовали совѣта у Оракуловъ; вѣрно Пиѳїя сказала бы Францу II: *или теперь, или — никогда!*

26 *Апрѣля.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1807.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О древнемъ Іудейскомъ Сунедріонѣ.

Сунедріонъ у Іудеевъ былъ то, что въ наши времена сенатъ или парламенты. Греческой языкъ сдѣлался, такъ сказать, господствующимъ въ малой Азіи, Сиріи и Египтѣ, когда въ земляхъ сихъ царствовали преемники Александра Македонскаго; Евреи писали книги на семъ языкѣ: и такъ не удивительно, что Іудейской *Бет-динъ* (domus judicii, домъ суда) извѣстнѣе намъ подъ именемъ Сунедріона, или, по нынѣшнему, Сангедрина. Сунедріонъ состоялъ изъ семидесяти Сиарѣйшинъ, которые собирались во храмѣ Іерусалимскомъ, и разсуждали о важнѣйшихъ дѣлалъ государственныхъ. Глава сего собранія назывался *Наси*, то есть Князь; его первой Намѣстникъ — *Аб-бет-динъ*, или отецъ дома судилищ-

наго; второй Намѣстникъ — *Хакамъ*, или мудрый. Прочіе члены именовались Старѣйшинами (senes, senatores). Они собирались въ круглой храминѣ, коея одна половина находилась внутри Храма, а другая внѣ. Въ первомъ, внутреннемъ полукругѣ стояли просители, потому что въ священномъ мѣстѣ сидѣть не дозволялось; во внѣшнемъ полукругѣ сидѣли Старѣйшины.

Наси или Князь сидѣлъ на престолѣ у стѣны храмины, имѣя подлѣ себя обоихъ Намѣстниковъ, перваго на правой сторонѣ, втораго на лѣвой. Старѣйшины занимали мѣста по порядку. Самая храмина называлась *Лискат-гаггазитъ*, то есть вымощенная камнемъ. Нѣкоторые думаютъ, что сіе самое мѣсто названо у Евангелиста Іоанна (гл. 19. ст. 13) *Лиѳостротонъ*.

Раввины увѣряютъ, что Сунедріонъ Іудейской безпрерывно продолжался отъ временъ Моисеевыхъ даже до разрушенія Храма Римлянами. Установленіе сего верховнаго судилища они относятъ къ тому времени, когда Моисей избралъ семдесять Старѣйшинъ въ помощники себѣ для управленія народомъ (см. кн. Чиселъ гл. 11).

Наблюдаемо было при выборѣ Старѣйшинъ, чтобы они происходили отъ закон-

нѣго супружества; иногда брали ихъ изъ колѣна Священниковъ и Левитовъ; или изъ сословія низшихъ судей, то есть малаго Сунедріона, которой состоялъ только изъ двадцати трехъ членовъ. Они долженствовали быть искусны въ знаніи обоихъ законовъ, писаннаго и хранящагося въ памяти по усиному преданію; должны были упражняться въ наукахъ волхвованія, гаданія, врачевства, звѣздочетства, счисленія, также и въ языкахъ. По свидѣтельству Раввиновъ, Старѣйшины долженствовали знать семдесять языковъ, то есть всѣ тогда извѣстные. Въ сіе сословіе не были допускаемы евнухи, по причинѣ жестокости ихъ, — ростовщики, престарѣлые, люди страстные къ игрѣ, имѣющіе тѣлесные недостатки, также и тѣ, кои приучивали голубей заманивать другихъ въ голубятню; наконецъ тѣ, кои промышляли плодами въ годъ субботній. Нѣкоторые Раввины утверждаютъ, что Первосвященникъ и Царь не могли имѣть мѣста въ Сунедріонѣ, по причинѣ важности ихъ сана; другіе напротивъ того доказываютъ, что Цари обыкновенно предсѣдательствовали. Наконецъ требовалось, чтобы Старѣйшины были люди зрѣлаго возраста, богаты, статны и красивы лицемъ.

Власть великаго Сунедріона была весьма обширна. Сіе общество рѣшило важныя

дѣла, поступавшія къ нему изъ низшихъ судилищъ. Царь, Первосвященникъ и Пророки подлежали суду Сунедріона. Когда Царь погрѣшалъ противъ закона, такъ напримѣръ, когда имѣлъ болѣе осмнадцати женъ, когда содержалъ великое множество коней, когда собиралъ много золота и серебра; въ такомъ случаѣ Сунедріонъ отнималъ у Царя лишнее, и наказывалъ его тѣлесно. Такое наказаніе — говорятъ Раввины — не почиталось безчестнымъ у Евреевъ; Царь охотно подвергался оному въ знакъ покаянія, и самъ выбиралъ человѣка, которому приказывалъ бить себя плетью. Дѣла государственныя, то есть народныя, разсматривались въ Сунедріонѣ. Сіе сословіе имѣло право осуждать на смерть; непремѣнно требовалось, чтобы оно приговоръ свой произносило въ упомянутой храминѣ Ласкат-гаггазитѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Іудеи тотчасъ оставили сію храмину, когда Римляне отняли у нихъ право осуждать на смерть, что случилось за сорокъ лѣтъ до разрушенія Храма Іерусалимскаго, то есть за три года до крестной смерти Спасителя нашего Іисуса.

Во времена Моисеевы Старѣйшины собирались при дверяхъ Скиніи свидѣнія. По завоеваніи Земли обѣтованной, Сунедріонъ повсюду слѣдовалъ за Скиніею, потомъ нахо-

дился въ Іерусалимѣ до плѣненія Вавилонскаго. Въ продолженіе плѣна онъ былъ въ Вавилонѣ, послѣ опять въ Іерусалимѣ; далѣе — въ Іамніи, Іерихонѣ и другихъ мѣстахъ; наконецъ — въ Тиверіадѣ, гдѣ находился до конечнаго своего уничтоженія. Такъ говорятъ Евреи о Сунедріонѣ.

Но ученые мужи не согласны съ ними. Петавій полагаетъ начало Сунедріона при Габиніѣ, правителѣ Іудеи, которой учредилъ пять судилищъ въ главныхъ городахъ: въ Іерусалимѣ, въ Гадарѣ, въ Амаѳѣ, въ Іерихонѣ и въ Сефорѣ. Гроцій, согласно съ Раввинами, относитъ установленіе онаго ко временамъ Моисеевымъ; но думаетъ, что онъ уничтоженъ въ царствованіе Иродово. Баснажъ въ своей *Іудейской Исторіи* сперва полагаетъ начало Сунедріона при Габиніѣ; но послѣ говоритъ, что сіе судилище установлено при Іудѣ Маккавеѣ, или при его братѣ Іонаѳанѣ. Въ самомъ дѣлѣ Писаніе свидѣтельствуетъ, что при Іонаѳанѣ Маккавеѣ Старѣйшины и Первосвященникъ отправили пословъ къ Римлянамъ. Іосифъ пишетъ, что Старѣйшины призывали къ себѣ Ирода, когда онъ былъ еще только правителемъ Галилейскимъ. Сунедріонъ существовалъ до царствованія Иродова и спустя потомъ нѣсколько времени, какъ явствуетъ изъ книгъ Евангельскихъ и Дѣя-

ній Сѣ. Апостоловъ. Въ Матѳеѣ (гл. 5 ст. 22) Іисусъ Хрїстосъ упоминаетъ о двухъ судилищахъ: *всякъ гнѣвайся на брата своего всуе повиненъ есть суду*, то есть меньшему судилищу, то есть великому Сунедрїону, которой имѣлъ власть обширнѣйшую. О немъ упоминается еще у Евангелистовъ; Марка въ гл. 13. ст. 9; гл. 14. ст. 55; гл. 15. ст. 1; Луки въ гл. 22. ст. 52 и 66; Іоанна въ глав. 11 ст. 47; въ Дѣяніяхъ Апост. въ гл. 4. ст. 15. и гл. 5. ст. 21.

Спустя 1700 лѣтъ по уничтоженїи истиннаго Сунедрїона въ Іудеи, гдѣ онъ, какъ власть законная, по долгу былъ уважаемъ всѣми, нынѣ возникаетъ въ Парижѣ другой Сангедринъ, достойный примѣчанія только по страннымъ затѣямъ его основателя.

(*) Слово Сирійское, ругательное. См. Библію Московскаго изданія 1802. Нов. Зав. стр. 155 на оборотѣ.

II.

О лжемессіи въ семнадцатомъ столѣтіи.

Раскрывши Исторію видимъ, что свѣтъ сей почти всегда былъ позорищемъ бѣдствій. Взирая на произшествія нынѣшнихъ временъ, мы въ изумленіи восклицаемъ: „о чудеса! неслыханныя злодѣйства! безпримѣрныя событія!“ ошибаемся!

Семнадцатое столѣтіе ни въ чемъ не уступаетъ нашему просвѣщенному вѣку. И тогда были самозванцы, притѣснители, счастливые злодѣи, даже лже-мессіи. Отрепьевъ нанесъ жестокой ударъ своему отечеству; Ибрагимъ Султанъ Турецкій умеръ насильственною смертію; тридцатилѣтняя война потрясла престолъ Нѣмецкой Имперіи; мятежи терзали Францію, и match Лудовика XIV принуждена была съ дѣтьми своими бѣжать изъ столицы; Карлъ I въ Лондонѣ осужденъ на смерть своими подданными; Филиппъ IV, Король Испанскій, потерявъ почти всѣ свои владѣнія въ Азіи, въ добавокъ еще лишился Португалліи; Кромвель покорилъ Англію, Шотландію и Ирландію; мятежникъ Листшингъ принудилъ послѣдняго Императора Китайскаго лишить жизни себя, удавить супругу и дѣтей своихъ, и далъ способъ Татарамъ ворваться въ Имперію;

Аренгзебъ возсталъ на отца своего, Могольскаго Императора, заключилъ его въ темницу, и спокойно наслаждался плодами своего злодѣйства; Мулей-Измаилъ, жесточайшій тиранъ, свирѣпствовалъ въ Марокко.

Во время войны между Турками и Венеціянами, случилось въ Турціи произшествіе, которое надѣлало много шуму въ Европѣ и Азіи. Носилась молва въ суевѣрномъ народѣ, что въ 1666 году должна произойти на землѣ важная перемѣна; поводомъ къ тому послужило таинственное число 666, находящееся въ Апокалупсисѣ. Праздные невѣжды христіянскаго исповѣданія съ часу на часъ ожидали пришествія Антихріста; Жиды съ своей стороны увѣряли, что въ сей годъ родиться долженъ Мессія.

Нѣкоторой Жидъ, родомъ изъ Смирны, по имени Сабатей-Севи, человѣкъ довольно ученый, сынъ богатаго маклера Англійской конторы, вздумалъ воспользоваться симъ общимъ мнѣніемъ, и выдалъ себя за Мессію. Онъ былъ краснорѣчивъ, имѣлъ пріятной видъ, старался казаться скромнымъ, говорилъ о справедливости, и съ важностію Оракула проповѣдывалъ, что *времена совершились*, сперва путешествовалъ въ Греціи, потомъ въ Италіи, наконецъ отправился изъ Ливорны съ дѣвкою, которую увезъ

съ собою, въ Іерусалимъ, гдѣ началъ поучать свою братію.

Жиды твердо увѣрены, что ожидаемый Мессія прійдетъ въ міръ съ Иліею, и что сей Пророкъ возвѣститъ всемірную перемѣну. Сабатей-Севи почелъ за нужное сыскать для себя Илію, чтобы тѣмъ удобнѣе обмануть легковѣрныхъ. Нашелся Раввинъ, по имени Наѳанъ, которой взялся представлять лице Пророка. Сабатей объявилъ Жидамъ малой Азіи и Сиріи, что Наѳанъ есть истинный Илія; а Наѳанъ съ своей стороны увѣрялъ всѣхъ, что Сабатей есть истинный Мессія.

Сіи обманщики завели новой порядокъ въ Іерусалимской Синагогѣ. Наѳанъ изъяснялъ писанія Пророковъ, и доказывалъ, что Султанъ черезъ годъ лишится престола, и что Іерусалимъ сдѣлается столицею міра. Всѣ Жиды Сирійскіе преклонились на сторону лжеучителей; во всѣхъ синагогахъ кричали о древнихъ предсказаніяхъ; женщины и дѣти повторяли стихи изъ Исаіи Пророка, которые Сабатей и Наѳанъ толковали въ свою пользу; каждой хозяинъ готовилъ въ своемъ домѣ комнату для помѣщенія Жидовъ, разсѣянныхъ по свѣту. Вообще увѣренность была такъ тверда, что Жиды забыли о торговыхъ промыслахъ своихъ, и всѣ готовились ѣхать въ Іерусалимъ.

Нафанъ въ Дамаскѣ выбралъ двенадцать человѣкъ въ начальники двенадцати колѣнъ. Когда Сабатей отправился въ Смирну, Нафанъ писалъ къ нему слѣдующимъ образомъ: „Царю царей и господи господей! когда сподобимся быть подъ тѣнію осла твоего? Повергаю себя на землю, да наступишь на меня пятою ноги твоей.“ Сабатей въ Смирнѣ отставилъ нѣкоторыхъ Раввиновъ, непризнавшихъ его Мессіею, и опредѣлилъ на ихъ мѣста другихъ сговорчивыхъ. Изъ числа жестокихъ его враговъ одинъ, по имени Самуилъ Пенніа, торжественно покорился Сабатею, и нарекъ его сыномъ Божіимъ. Сабатей съ толпою своихъ послѣдователей пришелъ къ Кадію; нашлись безстыдные лжецы, которые стали увѣрять, будто видѣли огненной столпъ, стоящій между мнимымъ Мессіею и Кадіемъ. Другія такогожъ роду чудеса подтвердили истину ученія Сабатеева; Жиды стекались къ нему толпами, и приносили въ даръ золото и камни драгоцѣнные.

Когда Смирнскій Паша вознамѣрился взять обманщика подъ стражу, онъ съ вѣрными учениками своими ушелъ въ Константинополь. Великій Визирь Ахметъ Купроли тогда отправлялся осаждать Кандію; онъ послалъ людей своихъ на корабль, на которомъ плылъ Сабатей, и велѣлъ посадить

его въ тюрьму. Жидамъ посредствомъ денегъ не трудно было получить доступъ къ заключенному; они падали передъ нимъ на землю, и добывали его оковы. Сабатей съ твердостію продолжалъ учить приходящихъ, благословлялъ ихъ, и никогда не жаловался на свое состояніе. Константинопольскіе Жиды, будучи увѣрены, что пришествіе Мессіи разрѣшитъ ихъ отъ долговъ, не хотѣли платить своимъ заимодавцамъ. Англійскіе купцы пришли къ Сабатею въ тюрьму, и говорили, что онъ, какъ Царь Іудеевъ, долженъ приказать своимъ подданнымъ удовлетворить заимодавцовъ. Сабатей написалъ къ тѣмъ, на которыхъ принесена жалоба, слѣдующія слова: „Вамъ, чающимъ спасенія „отъ Израиля и проч. . . . Удовлетвори„те заимодавцевъ; если же не захоти„те сдѣлать сего, то не внидете со мною „въ мою радость и въ мое царство.“

Тюрьма всегда была наполнена поклонниками Сабатея. Жиды начали уже раздувать мятежъ въ Константинополѣ. Тогда народъ былъ весьма недоволенъ Магометомъ IV. Боялись, чтобы предсказаніе Жидовъ не произвело общаго возмущенія. Казалось бы, что строгое правительство Турецкое немедленно предастъ казни человѣка, дерзнувшаго именовать себя Царемъ Израильскимъ;

вмѣсто того приказано только Сабатея отправить къ Дарданельской замокъ. Всѣ Жиды кричали, что сила человѣческая не можетъ уморить ихъ царя и спасителя.

Слухъ о Сабатеѣ распространился по всей Европѣ; изъ Польши, изъ Германіи, изъ Ливорны, изъ Венеціи, изъ Амстердама пріѣзжали посольства къ нему, и дорогою цѣною покупали дозволеніе облобызать его ноги; повидимому сіе-то обстоятельство было главною причиною, что его не казнили. Сабатей въ Дарданельскомъ замкѣ спокойно дѣлилъ и распредѣлялъ Землю обѣтованную. Наконецъ слава о чудесахъ его сдѣлалась столь громкою, что Султанъ Магометъ захотѣлъ видѣть сего человѣка, и поговорить съ нимъ. Сабатея привели въ сераль. Султанъ спросилъ его потурецки, Мессія ли онъ; Сабатей смиренно отвѣчалъ потурецки же, но весьма нечисто, что Султанъ не ошибается. „Ты говоришь очень худо — сказалъ Магометъ; Мессія долженъ умѣть правильно изъясняться на всѣхъ языкахъ. Творишь ли ты чудеса?“ — Иногда. — „Хорошо! раздѣньте его, и велите янычанамъ пустить въ него нѣсколько стрѣлъ. Если онъ останется невредимымъ; тогда мы всѣ признаемъ его за Мессію!“ — Сабатей упалъ на колѣна, и признался, что такого чуда онъ сдѣ-

лать не въ силахъ. Послѣ сего сказано Сабатею, чтобъ вибиралъ одно изъ двухъ: или быть посаженнымъ на колъ, или сдѣлаться мусульманиномъ, и торжественно идти въ мечеть. Выбравъ послѣднее, онъ началъ проповѣдывать о себѣ, будто посланъ свыше на землю для того, чтобы по древнимъ пророчествамъ уничтожить вѣру Іудейскую, и вмѣсто ее распространить Магометанскую. Не смотря на то, Жиды отдаленныхъ странъ долго еще въ него вѣровали.

Сабатей ссылался на пророчество Исаіи; Наполеонъ также велѣлъ подобрать нѣсколько стиховъ изъ писаній сего Пророка, и растолковать ихъ въ свою пользу. Извѣстной Архенгольцъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго года упоминалъ о томъ въ своей Минервѣ. Время покажетъ, чѣмъ окончится исторія нынѣшняго лжемессіи.

III.

Нѣкоторыя подробности изъ Жизни Пола.

При новомъ изданіи Сочиненій Попа приложено описаніе жизни сего знаменитаго стихотворца. Родившись въ неизвѣстности, бывъ обиженъ природою,

почти всегда страдавшій отъ недуговъ тѣлесныхъ и отъ злобы завистниковъ, онъ силою ума своего вознесся до той высоты, до которой не достигалъ ни одинъ изъ Англійскихъ стихотворцовъ. Слабости и странныя привычки его служили утѣшеніемъ для современниковъ, которые не могли равнодушно смотрѣть на выспренность его дарованія; еще и теперь любопытные съ нетерпѣливостію ищутъ странностей сихъ въ исторіи жизни его.

Сказываютъ, что Попъ былъ прекрасенъ въ младенческихъ лѣтахъ; послѣ уже часъ отъ часу становился безобразнѣе. По причинѣ малаго роста, онъ не могъ удобно сидѣть за столомъ на обыкновенномъ стулѣ; для него нарочно сдѣланъ былъ особливой. Безпрестанная работа разстроила его здоровье. Онъ почти всегда жаловался на головную боль, которую умѣлъ утолять парами горячаго кофе. Чрезвычайно боясь холода, носилъ теплой мѣхъ подъ рубашкою. Каждой день по утру, вставая съ постели, приказывалъ служанкѣ стягивать на себѣ корсетъ; иначе не могъ держаться. Ноги у него были такъ тонки, что безъ трехъ паръ чулокъ, которые притомъ и грѣли, не смѣлъ на свѣтъ показаться. Онъ не могъ ни встать, ни лечь, ни одѣться безъ помощи служителя.

Дома сидя, обыкновенно имѣлъ на головѣ бархатную черную шапку; нарядъ его состоялъ въ черной парѣ платья, вязаномъ парикѣ и коротенькой шпагѣ.

Онъ имѣлъ нравъ и прихоти хворыхъ людей; хотѣлъ, чтобы всѣ къ нему приналравливались; ни для кого, ниже для знатнѣйшаго вельможи не дѣлалъ себѣ принужденія: это произошло отъ того, что знатные избаловали его, стараясь знакомиться съ нимъ, и угождая гордости его. Чувствуя охоту спать, онъ засыпалъ при комъ-бы то ни было. Нѣкогда Принцъ Валлисскій обѣдалъ у Попа; гость говорилъ о стихотворствѣ до пѣхъ поръ, пока хозяинъ заснулъ на своемъ стулѣ.

Никто болѣе Попа не надоѣдалъ своимъ и чужимъ служителямъ. Когда онъ живалъ въ домѣ Лорда Оксфорда, гдѣ обходились съ нимъ какъ съ ближнимъ, слуги рѣшительно отказались, исполнять его безконечныя препорученія и приказы; даже горничныя, когда госпожа бранила ихъ за упущеніе или медленность, въ оправданіе себя сказывали, что занимались дѣлами Попа. Нѣсколько разъ ночью онъ требовалъ кофе, которой служанка должна была подавать ему.

Попъ безпрестанно страдалъ отъ невоздержности въ пищѣ, и никогда не исправлялся. Нашедши блюдо по своему вкусу, онъ ѣлъ, какъ обжора; бранился когда подчивали его лакомыми винами и — не пропускалъ за столомъ ни одной рюмки.

Онъ во всемъ любилъ хитрость; выбиралъ окольную дорогу, когда могъ бы прямою дойти до своей цѣли. Захотѣвши, напримѣръ, имѣть у себя какую-нибудь вещь, не требовалъ, чтобъ дали ее, но издалека заводилъ разговоръ, и старался, чтобъ ему предложили то, чего желаетъ. Кажется, что бесѣда его была не плѣнительна; послѣ него не осталось ни одного остроумнаго изреченія, которое повторяли бы въ разговорахъ. Попъ былъ вспыльчивъ, сердитъ и злопамятенъ. Леди Вортлей, искренняя пріятельница супруги Лорда Оксфорда, часто мучила Попа своими противурѣчіями и насмѣшками. Споры ихъ до того доходили, что иногда онъ или она уѣзжали изъ Оксфордова дома, обѣщаясь не возвращаться до тѣхъ поръ, пока будетъ въ немъ жить противникъ. Когда Попъ оставлялъ поле сраженія; Лорду Оксфорду надлежало много разъ посылать къ нему, и просить въ домъ къ себѣ.

Опасаясь, чтобы со временемъ бѣдность не довела его до зависимости отъ другихъ,

Попъ рѣшился привыкнуть къ бережливости. Рукописной переводъ Иліады свидѣтельствуетъ, что онъ писалъ на бѣлыхъ странцахъ получаемыхъ писемъ. Гостей своихъ кормилъ очень плохо; къ столу у него обыкновенно подавали по одной бутылкѣ вина, изъ которой выпивши двѣ или три рюмки, вставалъ и говорилъ гостямъ, сколько бы ихъ ни было: „Господа! кушайте вино; я „васъ оставлю!“ Однакожь иногда онъ угощалъ великолѣпно.

Достатокъ его, почти весь нажитой ученными трудами, приносилъ восемь сотъ фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу. Попу очень хотѣлось, чтобъ говорили о его великомъ богатствѣ; онъ старался наводить знакомыхъ на мысль сію не прямо, но сіороною; показывалъ, что презираетъ бѣдность; непріятели его виноваты и смѣшны были только потому, что не имѣли хорошаго достатка. Онъ изобличалъ ихъ въ долгахъ, и въ томъ, что имъ жить не чѣмъ. Повидимому онъ думалъ, вмѣстѣ со многими, что кто не имѣетъ денегъ, тотъ ничего не имѣетъ.

Пріятнѣйшее удовольствіе находилъ тщеславиться короткимъ знакомствомъ своимъ съ придворными, и хвастаться, что приобрѣлъ оное не подлымъ угожденіемъ.

Это и справедливо; не многіе стихотворцы, подобно Попу, могутъ тѣмъ похвалиться.

Письма его къ пріятелямъ обработаны съ великимъ тщаніемъ: это примѣтно. Попъ весьма часто изъявляетъ въ нихъ презрѣніе къ своимъ сочиненіямъ. Не понятно, чѣмъ другимъ онъ могъ еще гордиться, ежели не стихами! Онъ хочетъ увѣрить, будто занимался стихотворствомъ только тогда, когда не имѣлъ лучшаго дѣла; напротивъ того Свифтъ укоряетъ его, что онъ часто забывается въ разговорахъ, безпрестанно думая о стихахъ. Попъ ежедневно по утрамъ приказывалъ подавать чернильницу къ себѣ на постелю; горничная госпожи Оксфордъ разсказывала, что въ ужасную зиму 1740 года онъ четыре раза будилъ ее ночью, и требовалъ бумаги и чернильницы, боясь, чтобъ не забыть стиховъ, сочиняемыхъ на постелѣ.

Онъ также хочетъ казаться нечувствительнымъ къ критикѣ; напротивъ того всѣ знавшіе Попа увѣряютъ, что малѣйшая въ газетахъ статья, написанная противъ нашего стихотворца, доводила его до отчаянія. Ему чрезвычайно хотѣлось презирать критиковъ, и онъ думалъ, что въ самомъ дѣлѣ можетъ презирать ихъ.

Онъ еще показывалъ, что не заботится о Корольхъ, — потому что дворъ о немъ не заботился; однакожь когда Принцъ Валлискій потѣшилъ его тщеславіе, онъ не скрылъ своей признательности.

Еще въ письмахъ часто повторяетъ о неуваженіи своемъ ко мнѣнію общества. Кто же судитъ стихотворцевъ, ежели не общество? Можетъ ли стихотворецъ искренно увѣрять, что не уважаетъ мнѣнія своихъ читателей?

Изъ писемъ сихъ явствуетъ, что Попъ имѣлъ весьма высокое понятіе о своей особѣ. Ему кажется, что всѣ о немъ думаютъ, что всѣ имъ занимаются, и что онъ окруженъ завистниками и непріятелями. Онъ даже не смѣетъ писать свободно, боясь, чтобы на почтѣ не разпечатали писемъ его; безпрестанно подозрѣваетъ, что непріятели сговорились вдругъ напасть на него, и показываетъ, что онъ не боится ихъ, и презираетъ.

Вообще люди неохотно признаютъ множество отличныхъ качествъ въ одномъ человѣкѣ. Обнаруживая слабости, сію дань, которую великіе умы платятъ природѣ, мы думаемъ, что не уклоняемся отъ справедливости; но часто бываемъ слишкомъ строги-

Скажемъ что-нибудь о преимуществахъ Попа. Здравой смыслъ и даръ стихотворства рѣдко бываютъ вмѣстѣ. Попъ имѣлъ и здравой смыслъ, и вѣрной вкусъ, и быструю проницательность. Память твердая и точная всегда, въ случаѣ надобности, доставляла ему запасъ годныхъ матеріаловъ для воображенія. Попъ рѣдко былъ доволенъ своимъ сочиненіемъ; часто совѣтовался съ пріятелями; много разъ читалъ, перечитывалъ, выбрасывалъ, перемѣнялъ, потомъ уже печаталъ.

Стихотворство было важнымъ дѣломъ въ его жизни. Всякое удачное замѣчаніе, счастливое слово, новую мысль, которая могла къ чему-нибудь пригодиться, онъ тотчасъ записывалъ въ свою тетрадку. По смерти Попа найдено множество полустишій, стиховъ, двустишій, которыя ожидали своего мѣста. Умъ его постоянно стремился къ одной цѣли. Работа была для него первымъ удовольствіемъ. Онъ сперва бросалъ на бумагу мысли въ такомъ порядкѣ и видѣ, какъ онѣ представлялись ему; потомъ уже перемѣнялъ, вычищалъ и прилѣжно трудился надъ отдѣлкою.

Великою похвалою для Попа служитъ то, что онъ не писалъ стиховъ *случайныхъ*; всегда самъ выбиралъ содержаніе, достойное

своей Музы, и никогда не спѣшилъ издавать въ свѣтъ свои сочиненія. Увѣряютъ, что онъ ничего не печаталъ, не подержавши два года въ своей учебной сумкѣ.

Слѣдующій случай показываетъ, что Попъ хотя любилъ совѣтоваться съ пріятелями, однакожъ не перемѣнялъ хорошихъ мѣстъ въ своихъ сочиненіяхъ, чтобъ угодить *милостивцамъ*.

Иліада выходила въ свѣтъ по частямъ. Въ 1715 году вышло четыре части. Всѣ ожидали съ крайнею нетерпѣливостію окончанія поэмы. Каждому хотѣлось читать переводъ, которой надѣлалъ много шуму; каждой хотѣлъ хвастать своимъ сужденіемъ объ Иліадѣ. Лордъ Галифаксъ — который прежде самъ писывалъ стихи, и выдавалъ себя покровителемъ стихотворцовъ — просилъ Попа прочесть нѣкоторыя книги въ рукописи. Вотъ обстоятельства сего чтенія, описанныя самымъ стихотворцемъ:

„Славный Лордъ Галифаксъ хотѣлъ чтонибудь значить въ Словесности, не имѣя впрочемъ нужныхъ къ тому способностей. Когда я окончилъ три первые книги Иліады, онъ просилъ меня прочесть ему переводъ мой. Въ назначенной день приглашены были Аддиссонъ, Конгревъ и Гартъ. Лордъ Галн-

факсъ четыре или пять разъ останавливалъ меня при чтеніи: „Пожалуйте Г. Попъ не оскорбитесь — говорилъ онъ: вотъ здѣсь что-то не такъ; не поставить ли крыжикъ? замѣтьте; дома надосугѣ разсмотрите, поправьте.“

„Будучи обратно, я признался Доктору Гарту, которой сидѣлъ со мною въ каретѣ, что Лордъ удивляетъ меня своими критическими замѣчаніями; ибо сколько ни перечитываю стихи, которые не полюбились ему, право не вижу, что перемѣнить въ нихъ должно. — „Какъ! отвѣчалъ Гарій, засмѣ„явшись: развѣ вы не знаете его привычки? „не безпокойтесь. Черезъ нѣсколько недѣль „онъ забудетъ, какія мѣста совѣтовалъ „перемѣнить, и подумаетъ, что вы воспользовались его замѣчаніями.“ — Я послушался, и увидѣвшись съ Галифаксомъ благодарилъ его за полезныя наставленія. Лорду захотѣлось знать, какъ я переправилъ стихи свои. Я прочелъ ихъ точно какъ читалъ въ первой разъ, не перемѣнивъ ни слова. Вотъ видите! — кричалъ мой Лордъ, когда я оканчивалъ стихи, имъ замѣченные: теперь совсѣмъ иное вышло! какъ этого лучше! превосходно!“

(Изъ Брит. Библ.)

IV.

Bamm o.

Любители живописи долгое время съ восторгомъ удивлялись дарованіямъ Ватто; доказательствомъ тому служитъ великое множество счастливыхъ его подражателей. Искуснѣйшіе художники вырѣзали на мѣди изображенія лучшихъ картинъ его, и эстампы ихъ долго служили модными украшеніемъ кабинетовъ: но вкусъ перемѣняется; теперь почитаютъ за грѣхъ говорить о Ватто. Оставимъ молодыхъ художниковъ, которые презираютъ все, что не походитъ на произведенія ихъ учителя; пускай себѣ думаютъ они, что ихъ кумиры будутъ кумирами всѣхъ вѣковъ! Воздадимъ справедливую похвалу истинному дарованію, открывшему новыя удовольствія для любителей изящества; не боясь нареканія, поставимъ Ватто на ряду съ тѣми знаменитыми живописцами, которые были для другихъ образцами. Ватто отличается особливымъ родомъ предметовъ своихъ, и умною, тонкою, піитическою работою. Его мысли новы, богаты, непринужденны, представлены новымъ способомъ. Во многихъ мѣстахъ рисовка его слишкомъ *особиста* (*) въ мѣлочахъ; за то уже много истины

(*) Слово извѣстное живописцамъ.

въ движеніяхъ и цѣлости фигуръ, въ которыхъ всегда видно свойство лицъ, ими представляемыхъ. Краски его ярки и согласны. Иногда соединяетъ онъ блескъ Рубенсовъ съ очаровательностію Рембрандта; легкая, обильная, пламенная кисть его напоминаетъ Тенъера и Павла Веронеза. Ватто писалъ картины разныхъ родовъ; изображалъ войска на походѣ, и предметы священные; особенно же извѣстенъ по картинамъ любовнаго содержанія, надъ которыми болѣе трудился и съ лучшимъ успѣхомъ. Приключенія романическія, театральныя, пиршественныя, волокитства на балахъ и за кулисами, большею частію служили предметами для картинъ его.

Разумѣется, что въ лицахъ его не должно искать ни грознаго величія воиновъ, ни угрюмой важности Философовъ, ни добродушія мѣщанъ, ни милой простоты сельскихъ жителей; нѣтъ, онѣ въ точности представляютъ то, что видимъ въ любовныхъ герояхъ, въ людяхъ занимающихся веселостями, въ актерахъ, въ танцовщикахъ, вообще въ тѣхъ, которые жизнь свою проводятъ забавляя себя и другихъ, и которые сидятъ не въ тихомъ кабинетѣ при слабомъ свѣтѣ лампады, но среди многочисленнаго собранія, при яркомъ блескѣ множества свѣчь, при звукѣ громкихъ рукоплесканій.

Кто лучше Ватто умѣлъ представить тѣ щегольскія собранія, гдѣ оба пола взаимно спараются ослѣпить нарядами, гдѣ все, даже умъ и сердце, носитъ на себѣ признаки уборнаго столика, гдѣ думаютъ, что быть смѣшнымъ и быть злодѣемъ одно и тоже, гдѣ вся добродѣтель состоитъ въ искуствѣ нравиться?

Ватто прекрасно изображалъ одежды своего времени, праздничныя, пиршественныя и театральныя. Сіи одежды, почти вообще шелковыя, писанныя съ натуры, весьма возвышаютъ достоинство картинъ его. Художникъ умѣлъ выразить комическую веселость, принужденную тонкость, притворную чувствительность. На лицѣ человѣка, одѣтаго въ пиршественное платье, видите душу преданную шумнымъ удовольствіямъ. Смотря на картины Ватто, часто вспоминаете любезную философію, воспѣтую Шапелемъ, Лафаромъ и Шолье, которые за спаканомъ вкуснаго вина забывали краткость человѣческой жизни.

Веселую и живую поэзію картинъ его можно уподобить пѣснямъ Трубадуровъ. Видите то волокиту, идущаго съ мандолиною въ рукѣ на приступъ подъ окошко красавицы; то щедрыхъ любовниковъ, которые даютъ пышныя празднества въ честь непре-

клонныхъ богинь своихъ; то любовныхъ судей, которые съ важностїю рѣшатъ смѣшные споры. Иногда художникъ переноситъ васъ ко временамъ рыцарскимъ, когда честь повелѣвала искать приключенїй.

Въ сельскихъ видахъ его не вездѣ наблюдена строгая точность; они близко подходятъ къ театральнымъ декорацїямъ; не смотря на то, краски и предметы очаровательны. Сїи таинственныя убѣжища сладострастїя можно сравнивать съ творческимъ произведенїемъ благодѣтельныхъ волшебницъ, съ мѣстами, удовольствїямъ и веселїю посвященными.

Деревенскїя свадьбы и пиршества представляютъ смѣсь предметовъ сельскихъ, нравственныхъ и театральныхъ; здѣсь помѣщено то, что рѣдко бываетъ вмѣстѣ; но самое сїе сближенїе разнородныхъ идей заключаетъ въ себѣ много прекраснаго. Знаю, что люди строгїе не хотѣли бы видѣть поселянъ вмѣстѣ съ оперными пастухами; но знаю также, что новость и разнообразїе, доставляя удовольствїе зрителю, иногда получаютъ отъ него прощенїе художнику, нарушившему правдоподобїе.

Какъ милы путешествїя въ Цитеру! какой вкусъ въ уборѣ! какїя прелестныя

мѣстоположенїя! воздухъ, кажется, напитанъ Эротами, которые тутъ летаютъ! какъ искусно изображены взаимныя задирки! какое горячее усердїе одушевляетъ поклонниковъ и поклонницъ! Въ нихъ видите не тѣхъ грубыхъ, неопрїятныхъ путешественниковъ, которые лѣниво тащатся въ Компостелло; нѣтъ, догадливой зритель, взглянувъ на сїи пїитическія путешествїя, тотчасъ вспоминаетъ о поклонникахъ и поклонницахъ, которые въ старину пускались въ какое-нибудь мѣсто, извѣстное своею святостїю, и приходили — въ Цитеру.

Ватто прославился своимъ дарованїемъ въ молодости, когда другїе только еще начинаютъ работать; вѣроятно, что сїе обстоятельство помогло ему дать своему искуству особую физїогномїю. Вдохновенный юностїю пылкою и счастливою, Ватто успѣлъ положить печать ея на всѣхъ своихъ произведенїяхъ.

Самъ богъ любви проводилъ первыя черты, управлялъ кистїю, и довершалъ картины — не тотъ властителъ, томный и задумчивый, которой въ награду за постоянную страсть дозволяетъ *только* надѣяться, — не тотъ тиранъ, которому сопутствуютъ скука, смущенїе, подозрѣнїе, слезы, и за которымъ слѣдуютъ печаль, мука, отча-

янїе: но то любезное дитя, которое окружено смѣхами, которое пляшетъ съ Грацїями, которому сопутствуютъ утѣхи и наслажденїя, и за которымъ иногда слѣдуетъ . . . раскаяннїе.

Написавши множество картинъ, истощивши силы свои трудами и успѣхами, которыя изображалъ, Ватто умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ по себѣ громкую славу. Она съ нѣкотораго времени затихла; но благодарные внуки наши конечно вспомнятъ Ватто, и отдадутъ справедливость его заслугамъ.

Телассонъ.

V.

Амина и Эндимїонъ.

Амина, приунывъ, сидѣла надъ рѣкою.
Подходитъ къ ней Эндиміонъ.
Амина — говоритъ пастушкѣ нѣжно онъ:
Ты страждешь тайною тоскою!
Иль чувствуешь сію невѣдомую боль,
Души восторгъ и упоенье,
Съ которою ни что, ни что нейдетъ въ
сравненье,
Ни самый Божій рай? Любезная, позволь,
Невинности твоей неопытной въ спасенье,

Тебя, которою душа моя живетъ,
Заранѣ охранить отъ сей приманки лестной.
Зовутъ ее — любовь; подверженъ ей — весь
свѣтъ!
И ты съ душей твоей прелестной! —
„Безъ шутокъ? страхъ какой!
Скажижь, Эндиміонъ, что чувствуетъ больной?“
Мученье несравненно!
Мученье, рай души, предъ коимъ тронъ вселенной
Теряетъ весь свой блескъ, всѣ прелести свои:
Ты забываешься, ты въ сладостномъ волненьи;
Подъ сѣнію лѣсовъ мечтаешь въ упоеньи;
Глядишь ли въ тихія источника струи,
Ты видишь не себя, ты видишь образъ тайной,
Всегда присутственный, повсюду спутникъ твой,
Единственный, весь міръ украсившій собой.
Въ деревнѣ есть пастухъ: увидясь съ нимъ случайно,
Краснѣешь, страстный жаръ въ душѣ твоей горитъ;
Отъ имени его, отъ пламеннаго взора,
Отъ приближенія, улыбки, разговора,
Смущаешься! молчишь, но взглядъ твой говоритъ.
Не видясь съ нимъ, невольно унываешь!
Боишься встрѣтиться, и встрѣчи тайно ждешь;
Вздыхаешь — отъ чего, не зная — но вздыхаешь. —

„Такъ эту-то болѣзнь любовью ты зовешь?
Воскликнула Амина:
О, я знакома съ ней! прошедшею весной
Что ты ни говорилъ, точь въ точь сбылось со мной,
Когда узнала я Эсхина!“
Какъ быть, Эндиміонъ! Не рѣдкость, жребій твой!
Нашъ духъ желаніемъ ко счастію влечется,
Но счастіе другимъ при насъ же достается.

* *

VI.

Сурки и Кротъ.

(Басня.)

Свои намъ недостатки знать,
И въ недостаткахъ признаваться —
Какъ небо и земля: скорѣй отъ бѣдъ страдать;
Чѣмъ бѣдъ виною называться!
Въ примѣръ вамъ разскажу не басенку, а быль;
Чудна, но справедлива;
Я очевидѣцъ самъ такого дива,
И право не хочу пускать въ глаза вамъ пыль!
Однажды на лужокъ, лишь только солнце сѣло,

Проказники сурки
Сошлись играть въ бзду, въ гулючки, въ
уголки
И въ жмурки! — Да, и въ жмурки! Это дѣло
Такъ вѣрно, какъ я здѣсь, и вотъ какъ: осокой
Тому, кто ловитъ, завязывались глазки,
Концыжь повязки
Подъ морду въ узелокъ; а тамъ — бреди
слѣпой!
Слѣпой бредетъ! другіе же бѣсятся,
Кувыркаться, скакать кругомъ;
Тотъ подъ носъ шишь ему, тотъ въ задъ
его пинкомъ;
Тотъ на ухо свиститъ, а тотъ предъ нимъ
вертится,
Коверкаясь какъ бѣсъ!
Бѣдняжка, лапки вверхъ, хватъ, хватъ, ни
тутъ-то было!
И гдѣ поймать такихъ увертливыхъ повѣсъ!
Ловить бы до утра! но счастье пособило.
Возню услышавъ подъ землёй,
Изъ норки вылѣзъ кротъ, монахъ,
слѣпой;
Тудажъ играть съ сурками,
Разшѣлшился, катитъ и прямо брякъ въ силки.
Сурки
Сошлись и говорятъ: онъ слѣпъ, а мы съ
глазами!
Не лучше ли его.... ,, И братцы! что за
срамъ!
Ворчитъ надувшись кротъ: игра игрою!

Я пойманъ! мнѣ ловить, съ повязкой, какъ
и вамъ.“
Пожалуй! но съ твоей, пріятель, слѣпотою
Не будетъ ли намъ грѣхъ давить тебя узломъ? —

„О! это ужъ обидно!
Какъ будто и играть невмѣстно мнѣ съ
суркомъ!
Стяни, сударь! еще! еще стяни! мнѣ видно!“

В. Ж—ій.

VII.

Весна.

Все премѣнилось въ цѣломъ твореньи! —
Все оживаетъ къ радости вновь;
Май свѣтозарный, въ кроткомъ явленьи,
Дышетъ согласьемъ, славитъ любовь.

*

Съ юга зефиры тихіе вѣютъ;
Хоры пернатыхъ слышны въ лѣсахъ;
Рощи, долины вновь зеленѣютъ;
Весело овцы бродятъ въ лугахъ.

*

Ясно и чисто небо надъ нами;
Рѣки спокойно, мирно текутъ;
Яркими солнце грѣетъ лучами;
Травки, цвѣточки въ полѣ растутъ.

*

Лизанька! видишь — все обновилось,
Все, что скрывалось въ мракахъ зимы,
Снова въ одеждѣ злачной явилось; —
Такъ обновимся нѣкогда мы!

*

Вмѣстѣ проснемся къ радости вѣчной!
Наша отчизна — милая — тамъ!
Въ бѣдственной жизни сей скоротечной
Льститься не должно счастіемъ намъ!

*

Здѣсь не надолго ты разцвѣтаешь;
Вянетъ прелестной юности цвѣтъ.
Здѣсь на минуту, Лиза, блистаешь;
Тамъ перемѣны, тлѣнности нѣтъ.

*

Тамо не знаютъ бури несчастій,
Мирно проводятъ ясные дни;
Тамъ не встрѣчаютъ вѣчныхъ препятствій
Въ пламенной, нѣжной, Лиза, любви.

*

Тамъ передъ всѣми можешь признаться —
Смѣло, свободно — любишь кого;
Нужды не будетъ въ чувствахъ скрываться:
Мнѣнья людскія тамъ ничего! —

*

Другъ мой; утѣшься! — нѣкогда будешь
Въ оной блаженной, свѣтлой странѣ;
Горесть, мученье — все позабудешь;
Здѣсь мы проводимъ время во снѣ.

Съ Англійскаго — изъ Баллера.

Н. Грамматинъ.

VIII.

Мнѣніе Левекова о Русской словесности.

Пріятно знать мнѣніе умнаго и безпристрастнаго чужестранца о Россійской словесности. ЛевекЪ имѣетЪ право на общую признательность. Хотя его Исторія не удовлетворяетЪ строгаго критика; хотя ЛевекЪ не всегда умѣлЪ выбирать и составлять историческіе припасы; хотя довольно часто впадалЪ вЪ погрѣшности: однакожЪ не видно, чтобЪ онЪ хотѣлЪ клеветать, злословить и умышленно сплетать нелѣпыя сказки, подобно Леклерку, Шантро, и прочимЪ безстыднымЪ землякамЪ его (*).

(*) Искуство Леклерково извѣстно. Шантро написалЪ *Путешествіе философическое, политическое и ученое по Россіи въ* 1788 *и* 1789 *годахъ*. Покажемъ и его мастерство. На 112 страницѣ Шантро повѣствуетъ: „Lorsque ils (seigneurs) prennent le parti de les (eſclaves) vendre, ils les expoſent en place publique avec leurs femmes et leurs enfants, et chacun d'eux a ſur le front un écriteau qui en indique le prix et le ſavoir-faire.“ То есть: „Господа, захотѣвши продать своихъ людей, выводятъ ихъ на площадь съ женами и дѣтьми; у каждаго на лбу находится надпись, показывающая цѣну и способностти.“ На страницѣ 126 написано: „Les

„Россїяне — пишетъ Левекъ — имѣютъ ту выгоду, что говорятъ языкомъ, которой едва ли не прекраснѣе всѣхъ Европейскихъ. Онъ богатъ своими собственными словами, и можетъ обогащаться ежедневно, ничего не заимствуя изъ чужестранныхъ. Жаль только, что не было искусныхъ сочинителей, которые писали бы въ различныхъ родахъ и о разныхъ предметахъ. Сей древнїй языкъ до осмнадцатаго столѣтїя выражалъ только обыкновенныя житейскїя потребности и богословскїя истины.

„Языкъ Славенскїй въ началѣ одиннадцатаго столѣтїя былъ уже довольно богатъ и величественъ, и могъ въ вѣрномъ переводѣ представить возвышенныя картины Священнаго Писанїя, между тѣмъ какъ мы въ шестьнадцатомъ вѣкѣ на свой Француз-

---

seigneurs les plus qualifiés ne ſont point exempts des battoges, et s'en vengent ſur leurs malheureux vaſſaux.“ Переводъ: „Самые знатнѣйшіе Господа не изъемлются отъ наказанія батогами, и вымещиваютъ то на своихъ несчастныхъ крестьянахъ.“ — Вся одиннадцатая глава наполнена подобными клеветами. — Шантро, не ѣздивши въ Россію, могъ бы написать свое философическое путешествіе; но ему хотѣлось отвѣдать Русскаго хлѣба, и въ качествѣ очевидца получить право на довѣріе своихъ читателей.

ской не переводили, но выворачивали на изнанку пѣсни Давида и Пророковъ, едва издалека подражая имъ. И теперь еще Россіяне, которые хотятъ писать о предметахъ возвышенныхъ, стараются образовать слогъ свой по Библейскому. Никакой изъ Европейскихъ языковъ не перемѣнился въ теченіи многихъ столѣтій такъ мало, какъ Славенской."

Называя Русскія лѣтописи вообще сухими, написанными просто, Левекъ находитъ однакожь нѣкоторую силу и важность въ Степенной книгѣ, начатой Митрополитомъ Кипріяномъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ при Димитріѣ Донскомъ, и въ Кіевской исторіи Стольника Лызлова, жившаго въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Дарованіямъ и заслугамъ Ѳеофана Прокоповича онъ отдаетъ достодолжную справедливость; упоминаетъ о краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ его, похвальныхъ словахъ, историческихъ и стихотворныхъ сочиненіяхъ, и приписываетъ ему вину рожденія словесныхъ наукъ въ Россіи.

Далѣе говоритъ о заслужившемъ удивленіе отъ современниковъ Князѣ Кантемирѣ, о трудолюбивомъ Тредіаковскомъ, о выспреннемъ Ломоносовѣ, объ основателѣ

Россїйскаго театра Сумароковѣ; упоминаетъ о сочиненїяхъ; прилагаетъ переводы одной изъ славныхъ одъ Ломоносова (*Царей и царствъ земныхъ отрада*), нѣсколькихъ басень и послѣдней сатиры Сумарокова. Изъ второй пѣсни Россїады помѣщаетъ рѣчь Царицы Анастасїи, и отвѣтъ Царя Іоанна, предпринимающаго походъ противъ Казани.

„Хотя помѣщенныя здѣсь статьи — продолжаетъ Левекъ — не даютъ совершеннаго понятїя о состоянїи словесныхъ наукъ въ Россїи, по крайней мѣрѣ онѣ показываютъ, что Русскїе уже весьма далеки отъ невѣжества, въ которомъ часто упрекаютъ ихъ. По симъ статьямъ можно судить, какими будутъ Россїяне, когда отечественная словесность сдѣлается предметомъ общаго вниманія, и когда начнутъ постоянно ободрять ее. Но легко случится, что она погибнетъ, ежели за труды писателямъ станутъ платить не наградами, но уваженїемъ, но насмѣшками.

„Еслибъ Францискъ I., не ободряя въ отечествѣ своемъ раждающейся словесности, привязался къ дарованїямъ Италїянцевъ, отличнѣйшихъ писателей тогдашняго времени; то Французы, можетъ быть, до сихъ поръ оставались бы варварами. Переводчикъ

Амїотъ пользовался большимъ уваженїемъ, получалъ болѣе наградъ, нежели жившїе послѣ его люди, творческимъ умомъ одаренные: это и хорошо, ибо надлежало возбудить умы къ дѣйствїю. Ободряя Ронсара и грубыхъ его современниковъ, готовили умы писателей для вѣка Лудовика XIV; мы имѣемъ Британника, Федру, Аѳалїю можетъ быть потому только, что Расину въ молодости дали награжденїе за посредственную оду. Образцовыя произведенїя словесности суть плоды восторга; ни что такъ скоро не погашаетъ его, какъ холодное равнодушїе современниковъ, ни что такъ удобно не воспламеняетъ его, какъ награды, за которыми слѣдуетъ уваженїе, и по которымъ судятъ о важности дарованїй.“

IX.

Смѣсь.

Актеры одного Парижскаго театра (la Comedie Française) нѣкогда спорили между собою, кому какое лице представлять въ новой трагедїи; многїе не хотѣли твердить ролей, которыя для нихъ были назначены. Тщетно старался директоръ успокоить актеровъ. Старой Баронъ (*),

(*) Имя славнаго актера.

сидѣвшій въ то время на Мольеровыхъ креслахъ, вмѣшался въ споръ. Всѣ замолчали. „Послушайте господа — сказалъ Ба„ронъ: въ такомъ-то году мы готовились „представить трагедію, въ которой мнѣ „назначено было лицо второй степени; „слѣдственно не мое, ибо я представлялъ „первыя лица. Я сказалъ на отрѣзъ, что „не стану играть.“ — Актеры захлопали въ ладоши, и одобрили благородную рѣшительность знаменитаго художника. — „Господинъ Монсъ Домонъ, первый Камеръ„Юнкеръ Королевскій — продолжалъ Ба„ронъ — которой бралъ участіе въ траге„діи, и былъ тогда въ нашемъ собраніи, „сказалъ хладнокровно: Баронъ! вы буде„те играть. — Нѣтъ не буду! — Будете, „Баронъ; въ противномъ случаѣ насидитесь „подъ карауломъ. Знаете ли — продолжалъ „Баронъ — знаете ли господа, что я сдѣ„лалъ?“ Всѣ желали узнать конецъ, и слушали съ крайнимъ нетерпѣніемъ. — „Я.. „съигралъ, и — въ жизнь мою не игралъ „такъ удачно!“ — Актеры успокоились; каждой изъ нихъ взялся представлять лице, по назначенію директора.

⁂

Древніе имѣли понятія о благопристойности и опрятности, во многомъ не сходныя съ нашими. Мы, не боясь упрека въ невѣжествѣ, безъ зазрѣнія совѣсти отираемъ потъ

съ лица, или сморкаемъ носъ платкомъ, которой носимъ съ собою; насъ приучаютъ къ тому съ младенчества. Напротивъ того у древнихъ Грековъ и Римлянъ женщина по-срамила бы себя, еслибъ при посторонныхъ вынула платокъ и сталабъ имъ утираться. Правилу сему подлежали не однѣ женщины, но и мущины. Во храмахъ и въ театрахъ исполнялось оно со строжайшею точностію. Тацитъ и Свѣтоній согласно увѣдомляютъ, что Неронъ свято хранилъ сей обычай въ театрѣ, и не дерзалъ нарушать благопристойности. Сей Императоръ утиралъ потъ не платкомъ, но рукавомъ исподней одежды, и никто не замѣтилъ, чтобъ онъ когда-либо имѣлъ надобность плюнуть или высморкаться. Плевать и сморкать носъ въ храмѣ почиталось крайнимъ неуваженіемъ. Мущины, занимаясь дѣлами своими въ судилищахъ и на пиршествахъ, отирали потъ тонкимъ полотняннымъ платкомъ, которой у Римлянъ назывался fudarium; но никогда платокъ сей не былъ употребляемъ вмѣсто носоваго. Мущины, женщины и дѣвицы ежедневно мылись въ теплыхъ баняхъ, и такимъ образомъ выгоняли изъ тѣла своего всю нечистую влажность, которая выходила парами. Сверхъ того всегдашнее употребленіе бальзамовъ, благоухающихъ куреній и цвѣтовъ, носимыхъ на головахъ, способствовало изсушенію

тѣла, и предотвращало потребность сморкаться.

✠

Любители художествъ смотрятъ въ Парижѣ, въ рабочей г-на Дежу, гипсовой образчикъ статуи Генерала Дезе, которая воздвигнута будетъ на Площади побѣдъ. Художникъ — недовольный одеждою нынѣшнею, которая не трогаетъ воображенія, а Римскую одежду находя неприличною — рѣшился изобразить своего героя *нагимъ* съ саблею въ рукѣ. Многіе хвалятъ новую выдумку, какъ обыкновенно водится. Сіи господа увѣряютъ, будто художникъ внялъ гласу здраваго разсудка, вопіющаго, что *латные нынѣшняго времени сдѣлалось уже очень смѣшнымъ на статуѣ обыкновеннаго роста*, и что *колоссальной истуканъ, облеченный въ нынѣшнюю одежду, былъ бы несносенъ*. — Извѣстно, что древніе изображали одѣтыми героевъ, кромѣ причтенныхъ къ лику боговъ; въ семъ послѣднемъ случаѣ рѣзецъ повиновался творческому воображенію художника. Мы отнюдь не думаемъ; чтобы г. Дежу руководствовался языческими правилами; не думаемъ, чтобы онъ захотѣлъ причесть въ сословіе боговъ языческихъ Христіянскаго богатыря, которой поражалъ невѣрныхъ; не думаемъ, чтобы онъ впалъ въ языческія заблужденія, когда всѣ православные Французы *искренно* обратились къ вѣрѣ Ка-

толической!! ... — Это уже не первой памятникъ воздвигаютъ въ честь Генерала Дезе. Жаль только, что судьба немилосердо шутитъ надъ симъ героемъ. Онъ сражался въ песчаныхъ пустыняхъ, дождемъ никогда не орошаемыхъ; не смотря на то, въ первой разъ поставили истуканъ его при водомётѣ, а теперь изображаютъ его въ видѣ человѣка, выходящаго изъ бани.

X.

Россійскій Театръ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ на Театрѣ г-на Пашкова представљены три новыя комедіи. По долгу совѣстнаго наблюдателя не смѣю пропустить безъ замѣчанія, что въ театральныхъ объявленіяхъ начали припечатывать на *Французскомъ языкѣ* названіе представляемаго сочиненія — вѣроятно чтобъ угодить тѣмъ почтеннымъ любителямъ Россійскаго театра, которые, занимавшись высокими науками, не имѣли времени выучиться хорошо читать порусски. Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на объявленіе, и увидѣвъ слова: Magazin des modes, comedie en 3 actes, благовоспитанной Россіянинъ тотчасъ догадается, что будетъ представлена *Модная лавка*, и что сія комедія содержитъ въ себѣ три дѣйствія. Въ Парижѣ не печата-

ютъ на Русскомъ языкѣ театральныхъ объявленій: вольно же Французамъ не перенимать того, что у насъ дѣлается! Мы съ своей стороны правы; пускай грѣхъ остается у нихъ на душѣ!

Модная лавка сочинена г-мъ Крыловымъ. Множество приключеній связано для того только, чтобы Лестова, молодаго повѣсу, игрока, волокиту, человѣка совершенно сторонняго для зрителей, въ модной лавкѣ женить на Лизѣ, богатаго Курскаго помѣщика Сумбурова дочери, въ которой также никто не беретъ участія. Сумбурова хотѣли представить человѣкомъ благоразумнымъ, добрымъ но строгимъ супругомъ, попечительнымъ отцемъ и разсчетистымъ хозяиномъ; а на дѣлѣ выходитъ, что онъ готовился выдать за мужъ родную дочь свою отъ перваго брака противъ своей и ея воли, угождая женѣ, которая надѣялась *получить себѣ отъ зятя ложивку.* — Надобно знать, что Сумбуровы очень богаты! Онъ же, побоявшись подпасть гнѣву жены, дозволяетъ дѣвкѣ дурачить себя въ модной лавкѣ, и покупаетъ вовсе ненадобные товары. Сумбурова выставлена *скулою* и вмѣстѣ *растопительною* щеголихою, своенравною, неуступчивою и злою женщиною. Чтожь? сія *щеголиха*, которая страстно любитъ наряды, Французовъ и Француже-

нокъ, выросла въ деревнѣ, и говоритъ по крестьянски! сія *скупая* беретъ въ лавкѣ товары, и обѣщается платить все, чего/ни потребуютъ за нихъ; сія *злая* и неуступчивая безъ крайней надобности прячется въ шкапъ отъ мужа своего! Смѣшно смотрѣть, когда Сумбуровъ при дочери и новомъ зятѣ въ модной лавкѣ, вытаскиваетъ жену изъ шкапа; но смѣшно тому, кто не видѣлъ подобнаго явленія въ *Школѣ злословія*. Забавны взаимныя укоризны Француза Трише и Француженки Каре; но не для тѣхъ, которые слышали похожій разговоръ между Двуличинымъ и Вѣтраною въ Комедіи г-на Эмина: *Душею правъ, на дѣлѣ виноватъ*. — Есть хорошія мѣста. Напримѣръ, Сумбуровъ спрашиваетъ, великъ ли грѣхъ быть смѣшною у вертопраховъ, у вѣтрениць? Сумбурова отвѣчаетъ: „И вѣдомо мой батька — во „грѣхахъ-то мы передъ Богомъ въ отвѣтѣ, „а ужъ какъ смѣшонъ человѣкъ, такъ въ „люди не льзя показаться.“ Хорошо; но за чѣмъ богатую помѣщицу и щеголиху заставлять говорить симъ языкомъ? *мой батька!*

Въ одной Плавтовой Комедіи (Aulularia) скупой Эвкліонъ, подозрѣвая невольника въ кражѣ, осматриваетъ объ руки его, и говоритъ: *покажи перетью!* Въ *Модной лавкѣ* Сумбуровъ спрашиваетъ, кто станетъ за другою каретою? Антропъ отвѣчаетъ: *я*

одинъ за обѣими каретами стану! Въ той же комедіи у Плавта говорится о скупомъ Эвклїонѣ, будто онъ кричитъ *грабятъ*, когда видитъ дымъ, выходящій изъ трубы дома своего; будто на ночь кладетъ къ себѣ въ ротъ раздувальной мѣхъ, чтобы не терять дыханія; будто собираетъ и прячетъ обрѣзанные ногти и проч. Въ *Модной лавкѣ* Сумбурова говоритъ о женихѣ своей падчерицы, что „онъ сѣетъ и жнетъ по Нѣмецкому календарю, *да полно земля-то у насъ такая дурацкая, что когда ему надобно лѣто, тутъ-то какъ на слѣхъ и придетъ осень; разоренье да и все тутъ.*“ Видите ли, что мы начинаемъ подражать древнимъ? это доброй знакъ! — Въ комедіи Фонъ Визина Бригадирша *Акулина Тимофѣевна* говоритъ объ *Иванушкѣ*, что онъ былъ не только въ Парижѣ, но и во Франціи; въ *Модной лавкѣ* Сумбурова говоритъ о женихѣ своей падчерицы, что онъ *былъ въ Лондонѣ и Парижѣ, и завзжалъ въ Европу.* Акулина Тимофѣевна успѣла сказать прежде; ей честь и слава!

Если угодно, могу служить вамъ еще парою тупочекъ изъ *Модной лавки.*

ЛЕСТОВЪ. Госпожа Сумбурова, вторая его жена. . . .

МАША. Какъ, такъ на двухъ женятся?

ЛЕСТОВЪ. Какой вздоръ! онъ какъ порядочной человѣкъ напередъ овдовѣлъ.

МАША. А! а!

Ничего нѣтъ милѣе Антроповой пословицы. Сумбурова говоритъ о себѣ Лестову, что пріѣхала съ мужемъ, и что безъ своего Артамона Никифоровича не любитъ вдаль пускаться. „Не знаю — продолжаетъ „Сумбурова — долго ли пробудемъ.“ И вѣдомо боярыня — подхватываетъ простодушной слуга: ѣдешь на день, *а хлѣба запасай на недѣлю*! — Чего лучше? Довольно также поучителенъ двусмысленной разговоръ въ лавкѣ между Сумбуровымъ и Машею. Сумбуровъ приглашаетъ ее къ себѣ въ службу, обѣщая дать хорошее жалованье и приданое; а цѣломудренная Маша думаетъ, что ей говорятъ о томъ *хлѣбѣ*, *котораго*, по словамъ простодушнаго Антропа, *надобно запасать на недѣлю.*

Зрители довольны были игрою г-на Кавалерова, которой представлялъ Француза Трише.

Колень д' Арлевилю единодушно отдаютъ первенство между нынѣшними комическими стихотворцами во Франціи. Его сочиненія и у насъ читаютъ съ великимъ удовольствіемъ, и даже представляютъ въ благородныхъ обществахъ. Онъ имѣетъ свое собственное отличіе; за чистоту слога почитается классическимъ писателемъ; за

строгое наблюденїе правилъ благопристойности и нравственности, за нѣжную чувствительность, за милую простоту уважаются всѣми любителями изящныхъ произведенїй.

Воздушные замки, комедїя въ пяти дѣйствїяхъ, переведенная г-мъ Ильинымъ, принята зрителями весьма благосклонно. Хваля выборъ г-на Переводчика, не льзя въ тоже время не изъявить ему должной признательности за удовольствїе, которое онъ доставляетъ публикѣ удачною принаровкою подлинника къ мѣстнымъ обстоятельствамъ Россїи и къ нашимъ обычаямъ.

Содержанїе комедїи *Воздушные замки* есть самое простое, какимъ оно почти всегда бываетъ въ хорошихъ сочиненїяхъ. Мечталинъ, молодой путешественникъ и великой охотникъ бредить на яву, пріѣзжаетъ нечаянно въ сельской домъ Веселова, богатаго помѣщика Рязанскаго, въ ту самую пору когда здѣсь ожидали Пріятина, нареченнаго зятя. Веселовъ, будучи увѣдомленъ, что Пріятинъ намѣренъ пріѣхать къ нему въ домъ подъ чужимъ именемъ, принимаетъ Мечталина какъ жениха, а Мечталинъ, увѣренный въ своихъ достоинствахъ, не видитъ ничего страннаго въ семъ благосклонномъ приемѣ. Спустя немного,

является подлинный женихъ; но объ немъ не заботятся. Въ сей ошибкѣ состоитъ завязка и продолженіе комедіи. Наконецъ заблужденіе обнаруживается, и Пріятинъ получаетъ невѣсту.

Колѣнь д'Арлевиль не походитъ на обыкновенныхъ писателей и тѣмъ еще, что самъ судитъ свои сочиненія, и судитъ безпристрастно. Находя прочія обстоятельства очень правдоподобными, онъ спрашиваетъ: вѣроятно ли, чтобъ ошибка продолжалась такъ долго? каждое слово путешественниковъ не должно ли подать случая къ догадкѣ, къ подозрѣніямъ, къ открытію истины? похоже ли на правду, что подлинной женихъ такъ скоро уступаетъ невѣсту удалому волокитѣ, которой въ самомъ дѣлѣ и женился бы, еслибъ нечаянная мысль не объяснила ему страннаго приключенія? „Нѣтъ, нѣтъ — заключаетъ сочинитель — это далеко отъ правдоподобія. Разумъ не дозволяетъ, чтобы ошибка продолжалась чрезъ всѣ пять дѣйствій. Не смотря на то, она у меня продолжается; ее-то зрители одобрили, и нынѣ одобряютъ. Статься можетъ, что я погрѣшилъ; но къ чему же быть мнѣ болѣе строгимъ, нежели публика?“

Какая розница на театрѣ между переводомъ и удачнымъ подражаніемъ! Француз-

ской Дорланжъ вѣрно не позабавилъ бы насъ выдумками своими и описаніями столько, сколько забавляетъ Русской Мечталинъ; Викторъ затѣйнымъ своимъ разсказомъ, какъ со временемъ разбогатѣетъ, взявъ на откупъ мызу, не смѣшилъ бы столько Русскихъ зрителей, какъ смѣшитъ Егоръ, мечтающій о будущемъ блаженствѣ, когда сдѣлается богатымъ мѣльникомъ. Егоръ предорогой малой; но искуство г-на Сандунова дѣлаетъ его еще любезнѣе.

Публика давно уже привыкла видѣть въ г-нѣ Мочаловѣ прилѣжнаго, исправнаго и пріятнаго актера; онъ постепенно, часъ отъ часу болѣе заслуживалъ ея вниманіе. Но представляя Мечталина, вдругъ обнаружилъ такое искуство, за которое по справедливости надлежало изъявить ему отличное одобреніе. Это и сдѣлано. По окончаніи комедіи, г. Мочаловъ былъ потребованъ на сцену. Потомъ зрители вызвали г-на Переводчика, и громкимъ рукоплесканіемъ засвидѣтельствовали ему свою признательность.

Комедія *Говорунъ*, также г-мъ Ильинымъ переложенная, сперва на Французскомъ языкѣ написана была въ пяти дѣйствіяхъ; но какъ длинное пустословіе труднѣе слушать, нежели выдумывать, то г. Буасси гораздо сократилъ ее, и вмѣ-

стилъ въ одномъ дѣйствіи. Рѣчинъ, отставной Бригадиръ, отъ пристрастія къ неугомонному болтовству, теряетъ невѣсту, и губернаторство, котораго искалъ, и которое достается скромному Дѣлину. *Говоруна* слушаютъ охотно, потому что онъ болтаетъ о житьѣ-бытьѣ Русскихъ людей. Говоруньи Звонарева и Трещеткина суть лица не заморскія, но жительницы Москвы бѣлокаменной. То-то и хорошо! — Г. Кондаковъ представляетъ лицо неутомимаго Рѣчина весьма удачно. Г. Переводчикъ былъ вызванъ.

Н. Д — в.

ПОЛИТИКА.

I.

О политическомъ равновѣсіи.

Между тѣмъ какъ Французскія войска по пустому льютъ кровь свою на сѣверѣ, журналисты съ своей стороны нападаютъ на независимость Европы, чтобы не сидѣть безъ дѣла. Одинъ изъ нихъ объявилъ войну прекрасному сочиненію г-на Ансильйона, которой дерзнулъ доказывать пользу равновѣсія политическаго, или, какъ онъ выражаетъ, силъ противудѣйствующихъ.

Г. Ансильйонъ основывается на слѣдующемъ положеніи: Ежели государство можетъ дѣлать все, чего ни захочетъ; то оно не замедлитъ захотѣть всего, что только можетъ сдѣлать, и болѣе нежели должно хошѣть. Истина сего положенія ясно доказана событіями вездѣ, начиная отъ Вислы до Эбра. Критикъ отсылаетъ г-на Ансильйона и его правила ко временамъ Астреинымъ, и основывается на слѣдующихъ четырехъ вопросахъ:

1) Откуда пришла мысль о политическомъ равновѣсіи, установленномъ въ Европѣ по договору 1648 года?

2) Политическое равновѣсїе можетъ ли существовать въ Европѣ ?

3) Можно ли ожидать спасительнаго слѣдствїя отъ политическаго равновѣсїя ?

4) Можетъ ли Европа имѣть политическую систему ?

Надобно ли сказывать , что сочинитель предлагаетъ сїи четыре вопроса не для того чтобъ изслѣдовать пользу равновѣсїя , но чтобъ доказать невозможность онаго ? — Вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на первой вопросъ :

„Послѣ тридцатилѣтней войны , послѣ запутанныхъ , многотрудныхъ и весьма продолжительныхъ сношенїй, мирной договоръ , возвратившїй спокойствїе изнемогшей Европѣ , необходимо долженствовалъ казаться не только образцовымъ произведенїемъ ума и политики , чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ , но еще твердымъ памятникомъ , подъ сѣнїю коего государства отдохнули послѣ долговременнаго безпокойства , и въ которомъ находили они средства предотвратить новыя смятенїя. Сей договоръ утолилъ столько требованїй, согласилъ столько выгодъ противныхъ , прекратилъ столько распрь , обѣщалъ удержать столько честолюбивыхъ замысловъ , что всѣ думали , будто онъ

истребилъ даже сѣмена раздоровъ. Сочинители его были конечно люди умные, слѣдственно не тѣшили себя несбыточными мечтами; но современники ихъ удобно могли обманываться, ибо чаяніе продолжительнаго мира есть мечта весьма пріятная.

„Снова начавшіяся войны въ Европѣ не уничтожили выгоднаго мнѣнія о семъ договорѣ; другіе договоры, подписываемые по окончаніи военныхъ дѣйствій, все еще казались подтвердительными или изъяснительными его статьями. Въ продолженіе послѣднихъ ста пятидесяти лѣтъ каждой разъ при сношеніяхъ ссылались на славной договоръ Вестфальскій. Столь постоянное и почти набожное уваженіе, которое къ нему изъявляли, стараясь однакожь мало по малу ослабить его и уничтожить, могло бы почтено быть безполковою насмѣшкою, если бы общій порядокъ дѣлъ Германіи не поддерживался на основаніи сего памятника, ветхаго и развалившагося. Составленіе великой Имперіи въ самомъ средоточіи Европы необходимо долженствовало касаться до всѣхъ государствъ сосѣдственныхъ; онѣ не могли не уважать, по крайней мѣрѣ наружно, того закона, которой

охранялъ ихъ безопасность; и такъ не удивительно, что Вестфальской договоръ долгое время имѣлъ право на почтеніе всѣхъ кабинетовъ. Это самое нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ мнѣніе о *политическомъ равновѣсіи*, коего выгоды по привычкѣ относимы были къ договору 1648 года. Симъ договоромъ установлено равновѣсіе между разными исповѣданіями въ Германіи; отъ того начали вѣровать и въ политическое равновѣсіе между государствами, которыя, какъ казалось, защищали вѣро-исповѣданія. Чѣмъ болѣе распространяемъ мысли о семъ равновѣсіи, тѣмъ болѣе онѣ тѣшатъ нашу гордость; онѣ возвышаютъ человѣка въ собственномъ его мнѣніи, заставляя мечтать, что наконецъ онъ успѣетъ ввести въ нравственной мірѣ такое согласіе, какое Творецъ устроилъ въ мірѣ вещественномъ. Человѣкъ, обманутый ложнымъ мнѣніемъ, думаетъ, что всѣ народы Европейскіе готовы почитать себя членами одного семейства, и подавать другъ другу взаимную помощь противъ нарушителя спокойствія ихъ, чести, независимости. Какъ будто всѣ народы заключили между собою постоянной союзъ, чтобы защищать слабаго отъ нападковъ притѣснителя, мирить несогласія, и пред-

отвращать опасность отъ невинныхъ!!... Увы! всѣ сіи понятія принадлежатъ болѣе къ царствованію Астреи, нежели ко временамъ историческимъ; по несчастію, политика не походитъ на сію богиню. Ежели есть что-нибудь у нихъ общее, такъ это *мечъ*, а не *вѣсы*."

Такъ точно, мечь! Политика Французскаго правительства ни о чемъ болѣе и знать не хочетъ. Всякую погрѣшность въ Европейской политикѣ Сен-Клудской кабинетъ дѣлаетъ для себя правиломъ непремѣннымъ. Сказываютъ, что Фридрихъ II. велѣлъ положить на пушкахъ надпись: Ultima ratio Regis (послѣднее доказательство Королевское). У Наполеона это одно только и есть доказательство; оно и первое у него и послѣднее.

Критикъ не ошибся, сказавъ, что кабинеты уважали Вестфальской договоръ потому, что брали великое участіе въ бытіи Нѣмецкой Имперіи. Сіе-то самое участіе заставило Пруссію поднять оружіе.

„Какъ думать, будто можно установить точное равновѣсіе между силами разныхъ государствъ Европы? Кто въ состояніи точно взвѣсить силы каж-

даго государства? Какъ составить двѣ огромныя части, такъ чтобы каждая изъ нихъ состояла изъ равнаго числа меньшихъ частей? Кто удержитъ связь каждой части и равенство между обѣими? Кто дастъ имъ такое неподвижное положенїе, котсрое, не вредя внутренней силѣ, удерживало бы ея стремленїе дѣйствовать снаружи? Что помѣшаетъ одному изъ двухъ государствъ при удобномъ случаѣ нарушить миръ, и тогда что будетъ съ равновѣсїемъ?

„Сила государства состоитъ изъ тысячи стихїй, изъ коихъ почти всѣ подвержены измѣненїю, и самыя главныя не подлежатъ никакимъ выкладкамъ. Положимъ, что обширность земли остается по прежнему; но число жителей, промышленность, торговля, богатства, войска и другїя принадлежности всегда подвержены перемѣнамъ. Можно опредѣлить вѣсъ и цѣну силы физической; можно взвѣсить вещественную часть государства: но какъ опредѣлить цѣну тому, что даетъ жизнь нравственной силѣ? Какъ опредѣлить, чего стоитъ и что въ состоянїи сдѣлать народъ, котораго духъ, нравы и самыя свойства зависятъ отъ причинъ сторонннхъ? Какъ опредѣлить достоинство

и способности самыхъ начальниковъ ? Одинъ человѣкъ можетъ разстроить самые вѣрные разсчеты, самыя умныя выкладки: разумъ, дарованія, страсти суть не такія вещи, которыя можно было бы взвѣшивать. Въ тяжести менѣе силы находится, нежели въ рычагѣ, которой двигаетъ ею, а особливо въ рукѣ, которая управляетъ.

„Но положимъ, что силы государствъ, нравственныя и физическія, можно взвѣсить съ точностію; положимъ, что можно раздѣлить ихъ на двѣ равныя части; положимъ даже, что ни на той сторонѣ, ни на другой не явится человѣкъ, способный перетянуть противоположную силу; можно ли надѣяться, что вѣсы долго будутъ стоять въ одинакомъ положеніи? . . . Пусть только одно изъ сихъ государствъ ослабитъ пружины своего могущества, или дастъ имъ большую упругость!

„Правительства должны желать только своей безопасности, и ничего болѣе: однакожь они могутъ еще желать приращенія силы и благоденствія для народовъ, находящихся подъ ихъ попеченіемъ. Слѣдовательно ежели одно государство будетъ стараться о возвели-

ченїи себя, ежели одно только государство для очевидной пользы своей захочетъ присоединиться къ сторонѣ противоположной; равновѣсїе тотчасъ рушится. А если многїя государства будутъ одушевлены такимъ желаніемъ, то сколько родится хитростей, раздоровъ, соперничествъ? сколько обнаружится замысловъ, властолюбїемъ и жадностїю управляемыхъ? сколько затѣй, военныхъ дѣйствїй, договоровъ, подписываемыхъ по принужденїю, нарушаемыхъ по безсовѣстности? . . . Я упомянулъ только объ одной изъ тѣхъ причинъ, которыя могутъ нарушать равновѣсїе, если бы оно по чудесному случаю и могло когда-нибудь установиться: но причины сїи безчисленны въ такой системѣ, гдѣ сперва должно раздѣлить государства, потомъ водворить согласїе между ними. Чтобы сдѣлать возможнымъ сїе равновѣсїе, потребенъ распорядитель, которой предотвращалъ бы перемѣны, и преодолѣвалъ сопротивленїя. Для сихъ вѣсовъ потребна мощная рука, которая поддерживала бы ихъ; а можетъ быть надобно еще, чтобы рука сїя нашла такой упоръ для рычага, какого хотѣлъ Архимедъ."

То есть, просто сказать, потребна рука Наполеонова; а Францїя, въ которой

введено правленїе совершенно военное, должна служить упоромъ для рычага! Вотъ о какомъ распорядителѣ изволитъ говорить *мудрый* противникъ г-на Ансильйона! Сей-то распорядитель *предотвратитъ перемѣны и преодолѣетъ сопротивленїя*! Но равновѣсїе тогда только и существуетъ, когда нѣтъ такой сильной руки; польза равновѣсїя въ томъ именно и состоитъ, что одно государство не можетъ ничего своевольно дѣлать въ Европѣ; равновѣсїю одолжены мы нѣкоторою свободою въ мнѣнїяхъ, которая вездѣ господствуетъ, кромѣ Францїи, и которая тотчасъ изчезла бы подъ управленїемъ *великаго распорядителя*. Въ Римѣ при Императорахъ изгнанникъ только въ земной утробѣ находилъ себѣ пристанище. Подпавшїй гнѣву Государя скрывался въ каменоломняхъ, подземельяхъ и пещерахъ. Точно тоже увидѣли бы мы въ Европѣ, когда бы *великому распорядителю* удалось исполнить затѣи властолюбїя. Во Францїи уже не осталось ниже слѣдовъ свободы. Сенатъ заботится только о привѣтствїяхъ; сочинители только выдумываютъ нелѣпыя похвалы; сонмища толкователей переводятъ сїи похвалы; духовенство забавляетъ набожныхъ, а Жиды перелагаютъ на Еврейской языкъ всѣ сїи нелѣпости. Вообразимъ, что вся Европа представляла бы такое же позорище, и — тотчасъ увидимъ, что равновѣсїе должно быть цѣлью

политики, и что если не возможно достигнуть до нее, по крайней мѣрѣ надлежитъ стараться къ ней приближиться. Того требуетъ польза человѣческаго рода.

„Можетъ статься возразятъ мнѣ, что слово *равновѣсїе*, относительно политики, не должно быть принимаемо въ подлинномъ значенїи; что политическое равновѣсїе было цѣлїю, до которой государства старались достигнуть; что сїе намѣренїе ихъ было полезно; что постоянное стремленїе ихъ положило начало спасительному мнѣнїю, которое предотвратило многїе безпорядки, и что изъ сего мнѣнїя давно уже составилась политическая система Европы.... Г. Ансильйонъ поступитъ весьма благоразумно, когда начертаетъ намъ исторїю сей системы.

„Но допустимъ, что *совершеннаго* равновѣсїя никогда не можетъ быть, и что рано или поздо одна сторона необходимо должна сдѣлаться тяжелѣе; то и выдетъ, что равновѣсїе и сиспема политическая суть вещи невозможныя. Охотно соглашусь на часъ, что прилѣжное исканїе равновѣсїя въ политикѣ сходствуетъ съ изслѣдованїями въ другихъ наукахъ, и что сїе исканїе довело, если не до-

цѣли, по крайней мѣрѣ до нѣкоторыхъ полезныхъ открытій. Статься можетъ, что равновѣсіе государствъ то же самое значитъ въ Политикѣ, что философской камень въ Химіи, или что квадратура круга въ Математикѣ. Какъ многіе химики разорились, искавши средства дѣлать золото; какъ многіе геометры потеряли время свое искавши квадратуры круга: такъ многія государства истощились, желая установить равновѣсіе. Не должно однакожъ сравнивать вещи несходныя между собою. Погрѣшности химика и геометра только для нихъ убыточны; выкладки одного оканчиваются цыфрами и чертами; опыты другаго дѣлаются посредствомъ вещества маловажнаго. Но въ Политикѣ совсѣмъ иное: тутъ выкладки дѣлаются о людяхъ; тутъ опыты дорого стоютъ народамъ.

„Не спорю, что старанія наши открыть тайну равновѣсія были бы полезны, когдабъ могли мы надѣяться по крайней мѣрѣ подойти ближе къ своей цѣли; но успѣемъ ли въ этомъ, когда средства и цѣль совершенно противны между собою? Подъ цѣлью разумѣю миръ и безопасность; средства къ достиженію оной суть безпокойства,

осторожность, недовѣрчивость, забота уничтожить противные замыслы, оружїе, сила; словомъ — цѣль есть миръ, средство есть война.

„Я сказалъ уже, что силы вещественныя и умственныя каждаго государства по природѣ своей подлежатъ измѣненїю; что съ перемѣною страстей, дарованїй, замысловъ и ошибокъ въ правителяхъ неразлучно сопряжена и перемѣна силъ въ государствахъ, и что причины войны безпрестанно должны умножаться при безпрерывномъ соперничествѣ и безпокойствѣ. Всѣ народы безпрестанно стоятъ подъ ружьемъ, примѣчаютъ взаимныя дѣйствїя, часто нападаютъ другъ на друга, дерутся безъ милосердїя, и иногда достигаютъ до цѣли *равновѣсїя въ изнеможенїи* — а все для того, чтобъ не дать одному усилиться!“

Французской журналистъ увѣренъ, что подъ единоначалїемъ Корсиканскаго удальца свѣтъ наслаждался бы совершеннымъ счастїемъ! Эта проповѣдь годится теперь для Чиновъ Рейнскаго союза. Послушаемъ далѣе.

„Сказавъ, что война есть важное средство въ стремленїи къ цѣли равно-

вѣсїя, не утверждаю, будто переговоры ни къ чему не служатъ. О нѣтъ! куда годилось бы наше просвѣщенїе, когдабъ одна только сила управляла людьми, а разумъ вовсе уже не дѣйствовалъ бы? Переговоры иногда предотвращаютъ битвы; они часто прекращаютъ войну: но войска всегда служатъ самыми вѣрными, убѣдительнѣйшими доказательствами для министровъ. Благоразумїе усматриваетъ причины, которыя должны примирить враждующія стороны, показываетъ ихъ, связываетъ распоргнутый узелъ согласїя: но одно ли благоразумїе дѣйствуетъ? Оливная вѣтвь растетъ подъ рукою *вооруженной* Минервы; вотъ живой образъ удачныхъ переговоровъ! Побѣда и благоразумїе предписываютъ мирныя статьи. Побѣжденная сторона уступаетъ силѣ ихъ, склоняется на условїя, и хранитъ ихъ постоянно до тѣхъ поръ, пока не получитъ надежды — отмстить? нѣтъ, возстановитъ равновѣсїе . . . . Время отдыха по большей части бываетъ такъ непродолжительно, что начальники народовъ принуждены всегда имѣть войска въ готовности, привыкнувъ почитать себя въ безопасности только при безпрерывномъ напряженїи силъ своихъ.

„Защитники системы равновѣсія, можетъ быть, къ оправданію себя представятъ выгоду, по ихъ мнѣнію, самую очевидную, убѣдительнѣйшую; а именно, они скажутъ, что сія система не допустила чрезмѣрно разпространиться государствамъ, которыя грозили опасностію свободѣ народовъ, или по крайней мѣрѣ, что удержала намѣренія Карла V и Лудовика XIV, которые хотѣли быть основателями всемірной монархіи. — Очень вѣроятно, что сіи Государи никогда такъ далеко не простирали своего властолюбія. Если же правда, что они были намѣрены учредить всемірную монархію; то это самое уже служитъ доказательствомъ, что *въ ихъ время не вѣдали ни о политическомъ равновѣсіи, ни о системѣ.* Можетъ быть возразятъ, что сіе-то обстоятельство и заставило сдѣлать систему. Нѣтъ, системы ни отъ обстоятельствъ, ни отъ необходимости не возникаютъ.“

Развѣ можно доказать ничтожность равновѣсія намѣреніемъ разрушить оное? Напротивъ того всякой видитъ, что симъ намѣреніемъ доказывается бытіе равновѣсія. Кажется, Французскій журналистъ хочетъ вывести слѣдующее заключеніе: *Дайте намъ*

волю; мы на досугѣ выдумаемъ систему для Европы; а вамъ остается только слѣдовать ей.

„Когда слышу, что говорятъ о политической системѣ Европы, а особливо о перемѣнахъ ея; то всегда нахожу тутъ противорѣчіе. Положимъ, что въ системѣ политической не надлежитъ искать того совершенства, какое видимъ въ системѣ прочихъ наукъ; однакожь надобно по крайней мѣрѣ, чтобъ въ ней были *единство мыслей, соотвѣтственность намѣреній, постоянство правилъ, взаимное между частями отношеніе.* Какъ же можно искать сей соотвѣтственности, сего согласія тамъ, гдѣ выгоды и намѣренія двадцати правительствъ однѣ другимъ противуположны? Какъ можно искать гармоніи въ хаосѣ?

„Когда говорятъ мнѣ, что государство имѣетъ свою политическую систему, и что сія система подлежитъ перемѣнамъ отъ внѣшнихъ причинъ (ибо одно государство необходимо принимаетъ иной видъ, когда въ другихъ происходитъ перемѣна относительно мѣстнаго положенія, могущества, или поступковъ); въ этомъ не вижу ничего

страннаго: но понять не могу, какимъ образомъ двадцать государствъ единодушно одобрятъ общую политическую систему! Положимъ, что отъ нихъ зависитъ признать главное правило, а именно, *потребность не давать одному распространяться.* Если сочинитель подъ симъ однимъ правиломъ разумѣетъ цѣлую систему; такъ и она подвержена перемѣнамъ: а главное правило должно быть неизмѣняемо. Слѣдственно, когда г. Ансильйонъ говоритъ о перемѣнѣ политической системы въ Европѣ; то я имѣю причину сомнѣваться, понимаетъ ли онъ то, о чемъ пишетъ.

„Ежели, говоря о политической системѣ, г. Ансильйонъ разумѣетъ побужденіе зависти, которое заставляетъ многія государства заключать союзъ между собою, чтобъ унизить одно, сдѣлавшееся страшнымъ своею силою; такъ эта система началась не въ новѣйшія времена. Вся новость состоитъ только въ словѣ *равновѣсіе*, которымъ названа старинная идея. Эта система не уступаетъ міру своею древностію. Впрочемъ сіи союзы, сіи политическія соглашенія по большей части раждались не отъ заботы о независимости и счастіи народовъ, но

отъ страстей, недостойныхъ одобренія. Исторія подтверждаетъ справедливость моего мнѣнія: До сихъ поръ я не ссылался на историческія событія, совсѣмъ не потому, чтобы ихъ боялся; нѣтъ, онѣ благопріятствуютъ мнѣ, и я по доброй волѣ не упоминалъ о нихъ.“

До сихъ поръ противникъ г-на Ансильйона разсуждалъ о правилахъ общихъ, не опредѣленныхъ; вторая часть его критики гораздо яснѣе: Онъ прямо объявляетъ, что равновѣсіе государствъ есть благо мечтательное, что надобно выкинуть его изъ головы, и что горе тому, кто не видитъ пользы, которую могла бы найти Европа въ покровительствѣ сильнаго Монарха. Очень забавно смотрѣть на Французскихъ журналистовъ, которые вздумали отличаться на семъ новомъ поприщѣ. Посмотримъ далѣе.

„Прежде нежели подтвержу историческими доказательствами и событіями свое мнѣніе о системѣ политическаго равновѣсія, скажу нѣсколько словъ для тѣхъ людей, кои, привыкши всѣ свои выкладки направлять къ сему равновѣсію, находятъ страннымъ, что вдругъ хотимъ уничтожить долговременные труды ихъ. Они думаютъ, что по

уничтоженїи равновѣсїя политика перестаетъ быть наукою, что теряетъ правильность хода, и что подпадаетъ власти случаевъ, которыми сама должна бы управлять . . . . Будучи принуждены согласиться, что равновѣсїе не возможно, они спрашиваютъ: 1. какое зло въ томъ, что государства стараются достигнуть полезной цѣли? 2. Къ чему будетъ стремиться политика, когда отнимутъ у нее цѣль сїю?

„На первой вопросъ отвѣчаю, что по части наукъ, а особливо политики, заниматься мечтательнымъ благомъ есть само по себѣ зло. Путь заблужденїй никогда не можетъ быть путемъ къ добру. Обманчивые призраки въ системѣ равновѣсїя полезны для вѣроломныхъ правительствъ, коимъ помогаютъ дурачить другихъ. Но я уже далъ удовлетворительный отвѣтъ на сей вопросъ, показавъ противность между цѣлью и средствами въ системѣ равновѣсїя, коей слѣдуя, надобно убивать людей, чтобъ жить въ покоѣ!

„Что жъ касается до вопроса, къ какой цѣли будетъ стремиться политика по уничтоженїи равновѣсїя; то для людей, которые стали бы жалѣть о своей си-

системѣ, есть въ виду у насъ другая цѣль гораздо важнѣе. *Пускай политика старается соединить всѣ народы*: это будетъ полезнѣе, нежели раздѣлять ихъ на двѣ противныя части. Одно вѣрно не труднѣе другаго. Когда политика устремится къ сей новой цѣли; тогда уже не страшны будутъ ни неизбѣжныя ошибки въ опредѣленіи силъ, ни всегдашнія перемѣны, коихъ никакъ предотвратить не можно, ни соперничества и вражды, неразлучно соединенныя съ системою политическаго равновѣсія; тогда - то, можетъ быть, перестанутъ говорить о *природныхъ врагахъ*: одно уже сіе выраженіе служитъ сатирою на общественной порядокъ, и кажется нарочно выдумано для системы равновѣсія.

„Признаюсь, къ единству сему — къ которому должна стремиться политика, свободная отъ многихъ опасностей, съ системою равновѣсія неразлучныхъ — достигнуть также трудно, какъ и къ постоянному равновѣсію между народами. *Надобно умѣть отречься отъ понятій своихъ о свободѣ.*“

Отъ нихъ - то Европа не хочетъ отречься. Она не хочетъ, чтобы чужестран-

ные сыщики свободно во всѣхъ государствахъ могли ловить свои жертвы; не хочетъ, чтобы книгопечатаніе подлежало военной цензурѣ; не хочетъ отречься отъ своихъ понятій о свободѣ, и за нихъ-то сражается. Живучи въ Россіи, мы удалены отъ средоточія Наполеоновой политики; Французскимъ журналистамъ, которые пишутъ подъ непосредственнымъ руководствомъ правительства, она болѣе извѣстна: по сему только одному и любопытно читать листки ихъ; ибо всякой знаетъ, что умствованія ихъ не стоютъ опроверженій, и что Европейская система равновѣсія гораздо лучше системы Корсиканской, которую они выхваляютъ. Мы увѣрены, что читатели думаютъ съ нами одинаково, и потому прекращаемъ здѣсь выписку.

(*Съ Франц.*)

II.

Выписки изъ лѣтописей пятаго вѣка.

Для народовъ Исторія есть то, что память для стариковъ. Безъ Исторіи человѣческій родъ былъ бы неопытнымъ младенцемъ. — Кто ничего не видывалъ, тотъ всему удивляется. Мудрецъ сказалъ: *Ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ.*

Около половины пятаго вѣка на сѣверномъ берегу Дуная обитали многочисленныя орды варваровъ, управляемыхъ однимъ начальникомъ. Сей начальникъ былъ *росту небольшаго, широкъ въ плечахъ; лице имѣлъ цвѣта оливковаго; наружной видъ*, говорятъ лѣтописцы, *опкрывалъ его породу.*

Сперва онъ злодѣяніями распространилъ господство свое надъ окрестными народами.

„Тогда родилась въ немъ надежда по„коритъ всю землю . . . . Казалось, что „онъ родился для грабежей . . . . . Онъ „умѣлъ подавать о себѣ страшное мнѣніе, „которое поражало людей ужасомъ . . . . „У него была поступь гордая . . . . Онъ „обращалъ глаза свои на всѣ стороны, что„бы показать свое могущество . . . . Былъ „скоръ въ движеніяхъ . . . Любилъ войну, „но умѣлъ удерживать жаръ свой въ бит„вахъ“ . . . . По словамъ полковниковъ послѣднія слова значатъ, что *онъ охотнѣе подвергалъ опасностямъ чужую жизнь, нежели свою собственную.*

„Онъ имѣлъ на себя твердую надежду. „Никто не могъ сказать рѣшительно, какую „онъ исповѣдывалъ вѣру — если положить, „что онъ во что-либо вѣровалъ; однакожь, „извѣстно, что онъ былъ суевѣръ; совѣто„вался съ колдунами, и умѣлъ искусно рас-

„пускать о себѣ выгодную молву. Онъ „утверждалъ о себѣ, что нашелъ мечь Мар- „совъ, отъ котораго зависѣла судьба его.“

Нѣтъ надобности изъяснять, что я говорю объ Аттилѣ I, сынѣ Мундзуга.

Захотѣвъ объявить войну Визиготамъ, онъ сперва постарался поссорить ихъ съ Римлянами, къ которымъ написалъ, что онъ не противъ нихъ воевать хочетъ, но только противъ Ѳеодорика, Короля Визиготовъ. *Заключеніе письма состояло изъ устивыхъ выраженій, которыми тогда удавалось обманывать.* Потомъ онъ тоже самое написалъ къ Ѳедорику, совѣтуя ему разорвать союзъ съ Римлянами, и напоминая неправедныя войны, которыми Римляне безпокоили Ѳеодорика. „Сей коварный чело- „вѣкъ обыкновенно пытался дѣйствовать „хитростію, прежде нежели начиналъ яв- „ную войну.“

Это не мои слова; любопытный читатель все сіе найдетъ у Іорнанда.

Онъ завелъ войска свои на равнины Шампаніи, лежащія въ пяти или шести стахъ миляхъ отъ его владѣній, зная, что между непріятелями господствуетъ несогласіе. Но сіи непріятели — случай рѣдкой, однакожь не безпримѣрной! — начали дѣйствовать единодушно, и овладѣли Орлеа-

номъ, мѣстомъ весьма важнымъ, которое уже обѣщано было Аттилѣ. Сіе произшествіе привело его въ крайнее замѣшательство; онъ переставалъ надѣяться на свои силы; боялся вступить въ сраженіе, но боялся и отступить, ибо *отступленіе казалось ему несноснѣе смерти.*

Онъ произнесъ рѣчь къ войску, потому что до изобрѣтенія книгопечатанія не возможно было сочинять ни *бюллетиновъ*, ни *дневныхъ приказовъ*. „Сраженіе было преждестокое, преупорное, и такое, какого „прежде не видано.“

Аттила, бывъ разбитъ, съ остаткомъ войска возвратился въ станъ свой. Визиготы хотѣли еще сражаться; но Римскій полководецъ, опасаясь, чтобъ они не усилились совершенно истребивъ Гуновъ, посовѣтовалъ имъ возвратиться домой. „Такимъ „образомъ — говоритъ Іорнандъ — люди, „по слабости своей вдаваясь въ пустыя по„дозрѣнія, теряютъ случаи совершить важ„ные подвиги.“ Аттила нетерпѣливо желалъ сего раздѣленія. Тогда онъ отважился на новыя завоеванія; направилъ шествіе въ Италію, которую опустошилъ; приблизился къ Риму, но остановился по прозьбѣ Папы Льва.

Подобное тому произшествіе случилось послѣ, съ тою только разницею, что Папа

Пій избавилъ Римъ не прозьбою, но деньгами, заплативъ тридцать милліоновъ.

„Надѣясь родствомъ съ Государями при-
„обрѣсть новыя права, онъ требовалъ у
„нихъ дочерей въ замужство себѣ и своимъ
„приближеннымъ.“

Господство его было двоякаго рода: нѣкоторыми народами онъ управлялъ непосредственно, почитая ихъ главнымъ орудіемъ своего могущества; надъ прочими власть его дѣйствовала черезъ другихъ; онъ возводилъ царей на престолы, и низлагалъ ихъ; мѣшалъ чуждые народы съ своими, чтобы удобнѣе грабить и присвоивать новыя области. — Онъ называлъ себя *Царемъ Царей*; посвѣщенные народы именовали его *бичемъ Божіимъ*.

Имѣя многочисленныя войска, онъ ужасалъ даже тѣхъ, которыхъ не могъ ни покорить, ни удержать подъ своею властію, и налагалъ на нихъ чрезмѣрныя подати.

Корыстолюбіе увеличивало въ немъ природную жестокость: тоже корыстолюбіе иногда заставляло его быть кроткимъ.

Онъ требовалъ, чтобы присылали къ нему послами людей, произшедшихъ отъ знатнаго рода; а самъ къ другимъ отправлялъ грубыхъ невѣждъ, и приказывалъ имъ

оскорблять Государей грубыми отзывами. Онъ же давалъ оскорбительныя названія Государямъ, своимъ современникамъ.

Онъ вездѣ содержалъ тайныхъ наблюдателей, и зналъ самыя сокровенныя намѣренія Государей.

Требовалъ подарковъ для себя, для женъ своихъ, для министровъ, для придворныхъ. Сей древній Азійскій обычай былъ оставленъ; но теперь возобновляется.

Онъ отправлялъ отъ себя посольства часто и на короткое время. „Любилъ безпрестанно подвергать новымъ испытаніямъ Римскую щедрость, и потому выдумывалъ пустые и смѣшные предлоги посылать своихъ приближенныхъ, которымъ хотѣлъ оказать благодѣяніе.“

Онъ искалъ случаевъ придираться къ сосѣдамъ, требуя отъ нихъ выдачи перемѣтчиковъ, которыхъ приказывалъ явно хватать. Сіи перемѣтчики по видимому были то, что въ наше время *эмигранты* и *конскрилты*, не имѣющіе пропускныхъ писемъ. Онъ требовалъ, чтобы Римляне не держали у себя его подданныхъ.

„Аттила сошелъ съ ума отъ успѣховъ; „не оказывалъ ни малѣйшаго уваженія „справедливости, и давалъ отвѣты, какіе въ голову ему приходили.“ О семъ

говаривали въ его передней, и довольно громко. Приск слышалъ сіи слова отъ самаго Рустиція.

Одинъ очевидный свидѣтель увѣряетъ, что „пиршественная веселость не произво-„дила въ лицѣ его ни малой перемѣны; не „обнаруживала въ немъ ниже слѣдовъ кро-„тости и ласки.“

Читатели! мудрецъ сказалъ: *Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.*

Аттила царствовалъ двѣнадцать лѣтъ. Онъ опустошилъ пространство ста тысячь квадратныхъ миль на поверхности земнаго шара; могущество его не досталось наслѣдникамъ; послѣ четырнадцати столѣтій слава его вмѣщается въ двадцати строчкахъ.

E. S.

Примѣчаніе. Сія статья подаетъ случай дѣлать остроумныя сравненія, и находить во многихъ чертахъ точное сходство между Аттилою Гуновъ и Аттилою Корсиканскимъ. Однакожь надлежитъ замѣтить, что между ними есть и различіе: 1, древній Аттила былъ сынъ Царскій; въ противномъ случаѣ онъ не царствовалъ бы надъ Гунами, а еще болѣе, не властвовалъ бы надъ Государями Готескими, которые гордились своею кровію и славою

предковъ; 2. Аттила чистосердечно сказывалъ о себѣ, что онъ бичь на землѣ, и опустошая страны, не старался выдавать себя за благодѣтеля человѣческаго рода; 3. Аттила, бывъ разбитъ близъ Шалона, не скрывалъ своей неудачи, и не выдавалъ пустыхъ выдумокъ за истину. Онъ велѣлъ сдѣлать костеръ изъ Скиѳскихъ сѣделъ, и намѣренъ былъ броситься въ огонь, когда непріятели погонятся за нимъ. Непріятели не погнались, и Аттила живъ остался. Воину не стыдно претерпѣть пораженіе; онъ чрезъ то не лишается правъ своихъ на знаменитость: но кто оскорбляетъ истину; тому никто не будетъ удивляться, и никто, кромѣ наемныхъ льстецовъ, не назоветъ его великимъ.

(*Съ Франц.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Англійскомъ министерствѣ произошла перемѣна. Вотъ имена новыхъ Министровъ: Лордъ Камбденъ, Предсѣдатель совѣта; Герцогъ Портландъ, первый Лордъ казначейства; Лордъ Мюльгравъ, первый Лордъ Адмиралтейства; Г. Каннингъ, Министръ иностранныхъ дѣлъ; Лордъ Гаке-

сбури, Министръ внутреннихъ дѣлъ; Лордъ Кастельраг, Министръ военный; Г. Персиваль, Канцлеръ казначейства.

Еще одинъ *великій* мужъ появляется на позорищѣ мира. Буръ, Полковникъ Американскихъ соединенныхъ областей, собравши 7000 человѣкъ, предпринялъ завоевать новой *Орлеанъ*, гдѣ уже приготовились къ оборонѣ. Пишутъ изъ Нантеса, что онъ намѣренъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ Кентуки, Флориды, Луизіаны и Мексики. Генералъ Вилькинсонъ и Докторъ Кларкъ, Депутаты Ново-Орлеанскіе, пристали къ сторонѣ Бурра. Первой изъ нихъ былъ начальникомъ корпуса Американцевъ на границѣ Испанскихъ владѣній. Полковникъ Буръ, заблаговременно купивъ себѣ землю въ Луизіанѣ, собралъ множество оружія, подъ предлогомъ защищенія своихъ помѣстьевъ противъ Испанцевъ. Жители Кентуки чрезвычайно къ нему привязаны. Американское правительство приготовилось уничтожить пагубныя затѣи сего мятежника.

Въ Швеціи, съ безпримѣрнымъ усиліемъ дѣлаются приготовленія продолжать войну; Министры неусыпно работаютъ въ своихъ кабинетахъ; Король повелѣлъ набирать людей для военной службы. Союзъ съ Англіею, котораго всѣ Шведы желаютъ нетерпѣливо, безъ сомнѣнія будетъ имѣть спасительныя слѣдствія для ихъ отечества.

Всѣ увѣрены, что однѣ только великія пожертвованія охранятъ честь, имущество и самое бытіе благоустроенныхъ народовъ отъ насильства неистовыхъ варваровъ. — Праведныя начинанія Шведовъ удаются счастливо, съ тѣхъ поръ какъ они дѣйствуютъ наступательно. Баронъ Эссенъ вытѣснилъ Французовъ изъ Шведской Померанїи. Послѣднія извѣстія о военныхъ произшествіяхъ простираются по 5 число Апрѣля. Шведы вступили въ Мекленбургскую область.

Бонапарте разсердился на Швейцаровъ за ихъ медленіе нести животъ свой на жертву неслыханнымъ его затѣямъ. Онъ грозился разорвать союзъ свой съ Кантонами, если Швейцарія не выставитъ шестьнадцати полковъ къ 1 числу Мая. Въ окружномъ письмѣ къ правительствамъ сей республики написано отъ Бонапарте, что онъ *знаетъ навѣрное, что лятъ изъ шести частей Швейцаровъ хотятъ служить ему*, и что *медленность сія должна быть слѣдствіемъ злыхъ намѣреній.*

Генералъ Лагранжъ, Губернаторъ Гессенскаго Курфиршества, въ объявленіи своемъ говоритъ жителямъ: „Не надѣйтесь на вашего Государя; онъ и Домъ его перестали царствовать; я уже сказывалъ вамъ объ этомъ; теперь еще разъ повторяю.“ Это значитъ, что для Мюрата мало Гер-

цогства Бергскаго, и что ему надобно Королевство.

Заграничныя газеты Нѣмецкія наполнены совершеннымъ вздоромъ. Издатели одинъ другаго стараются превзойти многословными доказательствами, что Французы выиграли сраженіе подъ Прейсишь-Эйлау, и что всѣ кабинеты, всѣ Государи въ Европѣ ослѣплены и обмануты. Мѣста, остающіяся въ газетахъ послѣ лживыхъ *бюллетиновъ* и безтолковыхъ примѣчаній къ нимъ, наполнены извѣстіями о достопослaвныхъ дѣяніяхъ Раввиновъ Парижскихъ, которые приказываютъ Жидамъ отспаться отъ лихоимства и записываться въ военную службу. Нелѣпыми разсказнями о подвигахъ богатыря забавляютъ праздныхъ читателей, между тѣмъ какъ онъ самъ, окопавшись въ одной Прусской деревнѣ, хочетъ предписывать законы вселенной, беретъ подъ свое покровительство Персидскаго Императора, котораго нѣтъ на свѣтѣ, и охраняетъ Оттоманскую Порту, которая не имѣетъ никакой надобности въ его оборонѣ, — а все это дѣлается, чтобъ пріобрѣсть Королевство для Мюрата, который, лѣтъ за пятнадцать передъ симъ, былъ слугою въ трактирѣ.

11 *Мая.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ, 1807.

№ 11.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Изящныя искуства.

Кто первой назвалъ сіи искуства изящными; тотъ конечно примѣтилъ, что *польза* и *пріятность* составляютъ существо ихъ, и что онѣ *украшаютъ* вещи, простымъ ремесломъ изобрѣтенныя. Начала ихъ должно искать въ природной склонности нашей давать пріятнѣйшій видъ всему, что служитъ для ежедневнаго употребленія въ жизни. Прежде найдены средства строить жилища самыя простыя; прежде изобрѣтены слова для именованія самыхъ обыкновенныхъ вещей; потомъ уже воздвигнуты пышные чертоги по правиламъ зодчества, и языкъ сдѣлался богатымъ, доброгласнымъ.

И такъ врожденная отличныхъ душъ склонность къ нѣжнымъ чувствованіямъ

произвела всѣ искуства. Пастухъ, которой прежде всѣхъ посоху своему или кубку далъ пріятнѣйшую наружность, вырѣзавъ на нихъ разныя прикрасы, былъ изобрѣтателемъ ваятельнаго искуства; дикарь, которой въ счастливую минуту вздумалъ построить правильную хижину, сохранивши надлежащую соотвѣтственность въ частяхъ ея, былъ изобрѣтателемъ зодчества. Кто первой порядочно и пріятно выразилъ мысли свои словами; тотъ былъ виновникомъ краснорѣчія между своими соплеменниками.

Въ семъ-то украшеніи всѣхъ вещей, потребныхъ въ жизни для человѣка, должно искать начала изящныхъ искуствъ, а не въ подражаніи природѣ, какъ многіе утверждаютъ.

Сѣмена изящныхъ искуствъ хранились въ нѣдрѣ природы. Разумъ человѣческій постоянными тщаніемъ мало по малу возрастилъ величественныя деревья, и дождался плодовъ прекраснѣйшихъ. Вообще искуства подобны всѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніямъ. Часто бываютъ онѣ дѣломъ случая, и сперва польза ихъ едва ощутительна; время и труды наконецъ возводятъ ихъ на степень высокую. Землемѣрство сперва было не иное что, какъ простое межеванье; звѣздочетство получило свое начало отъ любопытства:

праздныхъ людей. Прилѣжныя изслѣдованія довели обѣ сіи науки до той степени совершенства, на которой онѣ теперь находятся, щедро изливая благодѣянія свои на родъ человѣческій.

Соглашаемся, что изящныя искуства при началѣ своемъ были только опыты, служившіе для увеселенія глазъ и другихъ чувственныхъ орудій; однакожь не хотимъ искать главной цѣли ихъ въ одной забавѣ. О достоинствѣ человѣка должно судить не по младенчеству его, но по зрѣлому возрасту.

Теперь надлежитъ разсмотрѣть вопросъ, въ чемъ состоитъ сущность искусствъ, и чѣмъ онѣ могутъ быть полезны для человѣка? Люди слабые и легкомысленные говорятъ намъ, что искуства служатъ только для забавы, и что онъ сотворены только увеселять чувства и воображеніе. Посмотримъ, не найдетъ ли въ нихъ разумъ чего-нибудь гораздо важнѣйшаго; посмотримъ, какую пользу благоразуміе можетъ находить въ сей врожденной склонности давать всему пріятнѣйшій видъ, и въ способности плѣняться изяществомъ.

Для достиженія предположенной цѣли, намъ не нужно входить въ глубокія,

многотрудныя изслѣдованїя. Сама природа укажетъ намъ кратчайшую дорогу. Она есть первая художница; въ чудесныхъ ея распоряженїяхъ открываемъ все, что искусствамъ человѣческимъ даетъ высшее совершенство.

Всѣ творенїя показываютъ намъ, что глаза и прочїя орудїя чувственныя способны принимать со всѣхъ сторонъ пріятныя впечатлѣнїя. Каждая вещь, которая служитъ для нашего употребленїя, доставляетъ намъ не одчу пользу, но и удовольствїе. Даже тѣ вещи, въ которыхъ не имѣемъ надобности, плѣняютъ насъ красивымъ видомъ своимъ и цвѣтомъ.

Нѣтъ сомнѣнїя, что природа, щедро осыпая насъ пріятными дарами своими, хотѣла смягчить сердца наши; она хотѣла, чтобы грубость, излишнее самолюбїе и сильныя страсти растворяемы были ощущенїемъ удовольствїя. Пріятности сїи соразмѣрны природной нашей чувствительности, которая безпрестанно раздражаясь отъ впечатлѣнїй, производимыхъ въ насъ цвѣтами, видами и голосами, содержитъ во всегдашней бодрости нашу душу, даетъ работу уму и сердцу; отъ того не однѣ только грубыя, плотскїя ощущенїя постоянно въ насъ дѣйствуютъ, но и благороднѣйшїя духовныя. Симъ отличаемся мы отъ прочихъ тварей. Дѣятельность наша увеличивается отъ того,

что многія вещи привлекаютъ на себя наше вниманіе; всѣ силы въ насъ движутся; мы возносимся изъ праха, и сближаемся съ высшими существами. Видимъ, что природа печется не только объ удовлетвореніи плотскихъ нуждъ нашихъ, но еще доставляетъ намъ благороднѣйшія наслажденія, и возвышаетъ бытіе наше.

Природа не удовольствовалась тѣмъ, что украсила вообще всѣ творенія; нѣтъ, сія нѣжная мать преимущественно дала пріятность тѣмъ вещамъ, которыя необходимо нужны для нашего счастія. Она красоту дала въ удѣлъ добру, безобразіе злу, чтобы мы не могли ошибаться, принимая одно за другое: добро облечено въ пріятнѣйшую наружность, чтобы привлечь любовь нашу; зло силою своею производитъ въ насъ отвращеніе. Для достиженія ко счастію, къ сей цѣли высокаго назначенія, что человѣку нужнѣе общественнаго союза съ другими людьми, коихъ взаимное удовольствіе соединяетъ? а особливо что нужнѣе того союза, которой одинокаго человѣка соединяетъ съ подругою, раздѣляющею съ нимъ всѣ наслажденія, участіемъ своимъ увеличивающею радости, уменьшающею печали, облегчающею труды? Не на лицѣ ли человѣческомъ природа напечатлѣла пріятность, болѣе нежели гдѣ-либо, напечат-

лѣла для того, чтобы крѣпче связать сердца взаимною нѣжностїю?

Замѣтимъ также, что природа всему вредному сообщила способность возбуждать въ насъ отвращенїе. Глупость, пагубная для ума, и строптивость сердца на человѣческомъ лицѣ напечатлѣны столь же ясно, хотя омерзительными чертами, какъ и добрыя свойства. Природа двоякимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце наше: привлекаетъ къ добру, и отвращаетъ отъ зла.

Сїе распоряженїе мудрой природы совершенно открываетъ намъ свойство и употребленїе изящныхъ искусствъ. Человѣкъ, украшая свои изобрѣтенїя, слѣдуетъ примѣру; ибо и природа украшаетъ свои творенїя.

Слѣдственно изящныя искуства должны украшать произведенїя рукъ человѣческихъ точно съ тѣмъ намѣренїемъ, съ какимъ природа украсила свои творенїя. Онѣ должны помогать природѣ, и украшать всѣ вещи, изобрѣтенныя для нуждъ нашихъ. Онѣ должны обогащать пріятностями жилища наши, сады, домашнїе приборы, а особливо языкъ, важнѣйшее изъ всѣхъ изобрѣтенїе; ибо природа положила печать красоты на всемъ, что сотворила для насъ; должны, говорю, украшать не для суетна-

го удовольствїя, какъ многїе ложно думаютъ, но для того, чтобы производя въ насъ ощущенїя красоты и приличности, дать уму нашему и сердцу благородное направленїе.

Но всего важнѣе, что изящныя искусства, по примѣру мудрой природы, существенное добро, отъ котораго непосредственно зависитъ счастїе человѣческой жизни, представляютъ намъ въ лучезарномъ сїянїи красоты, чтобы вдохнуть въ насъ непреодолимую любовь къ нему. Цицеронъ пишетъ (*), что онъ желалъ бы представить добродѣтель въ образѣ видимомъ, чтобы поселить въ сынѣ своемъ страстную любовь къ сей благодѣтельницѣ рода человѣческаго. Изящныя искусства могутъ оказать намъ сїю услугу. Истинѣ и добродѣтели, симъ благамъ, необходимо нужнымъ для счастїя жизни, онѣ даютъ прелестную наружность, которая волшебною силою своею умы и сердца наши покоряетъ.

Изящныя искусства подражаютъ великой наставницѣ своей и въ томъ еще, что всему вредному даютъ наружность отвратительную; злодѣйство, порокъ, все противное благонравїю, должны быть представляемы въ такомъ видѣ, чтобы мы взирая на нихъ чувствовали омерзѣнїе. Природа умѣла

(*) De Officiis Lib. I.

ознаменовать порокъ и злодѣйство. Не съ одинакимъ ли любопытствомъ смотримъ на дурнаму въ лицѣ развратнаго человѣка, и на изящество добродѣтели въ лицѣ праведника? Наставница художниковъ желала, чтобы мы не прежде отвращали взоры свои отъ злодѣйства, какъ уже въ то время, когда оно произведетъ въ насъ совершенное омерзѣнїе.

Въ сихъ примѣчанїяхъ заключается все, относящееся до сущности, до цѣли, и до пользы изящныхъ искуствъ. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ производятъ въ насъ впечатлѣнїя пріятныя и непріятныя; ихъ цѣль есть трогать душу; ихъ польза состоитъ въ томъ, что онѣ возвышаютъ умъ нашъ и сердце. Сїи три статьи достойны подробнѣйшаго разсмотрѣнїя.

Что изящныя искуства по существу своему производятъ въ насъ сильное впечатлѣнїе, то доказывается каждымъ *художественнымъ* произведенїемъ, достойнымъ сего названїя. Отъ чего простыя слова дѣлаются краснорѣчїемъ? отъ чего простая походка становится пляскою? какимъ образомъ начертанїе получаетъ имя живописи? какъ обыкновенные звуки составляютъ сладость пѣнїя? какъ хижина превращается въ пріятное зданїе? Все сїе тогда только почитается произведенїямъ изящныхъ искуствъ, ког-

да художникъ силою красоты плѣняетъ наше воображенїе. Дѣписатель разсказывать произшествїе, какъ оно случилось; стихотворецъ разсказываетъ такимъ способомъ, какой признаетъ удобнѣйшимъ произвести въ насъ сильнѣйшее впечатлѣнїе. Рисовщикъ представляетъ намъ свой предметъ въ совершенномъ сходствѣ съ образцомъ; живописецъ изображаетъ свои предметы такъ, чтобъ они сильно дѣйствовали на внѣшнїя и внутреннїя чувства зрителя. Обыкновенной человѣкъ безъ намѣренїя выражаетъ свои чувствованїя походкою и тѣлодвиженїями; танцовщикъ симъ самымъ тѣлодвиженїямъ, сей походкѣ даетъ красоту и порядокъ. Слѣдственно изящныя искуства имѣютъ бытїе свое.

Споль же очевидно, что цѣль изящныхъ искуствъ есть трогать душу. Того не довольно, что онѣ представляютъ намъ вещь предъ глаза, даютъ намъ ясное о ней понятїе; нѣтъ, онѣ еще приводятъ въ движенїе умъ нашъ и сердце. Каждое произведенїе свое представляютъ въ прїятнѣйшемъ видѣ для чувствъ и для воображенїя. Даже и тогда, когда хотятъ сдѣлать въ душѣ болѣзненное впечатлѣнїе, онѣ плѣняютъ ухо доброгласїемъ, око прекрасными видами, прїятнымъ смѣшенїемъ свѣта съ тѣнью и блескомъ красокъ. Онѣ

и тогда улыбаются, когда изливаютъ горечь на сердце наше. Вотъ почему противъ нашей воли дѣлаютъ въ насъ впечатлѣнїе, и берутъ душу подъ власть свою. Никто не можетъ противуборствовать пѣнїю сихъ Сиренъ доброгласныхъ.

Но сїя власть надъ сердцами подчинена другому высшему намѣренїю, которое тогда совершается, когда волшебная сила изящныхъ искуствъ бываетъ направлена къ полезной цѣли. Безъ того Музы были бы только соблазняющими прелестницами. Кто можетъ усомниться, что природа сообщила душѣ нашей способность плѣняться изящнымъ не для забавы только, не для скотскаго наслажденїя? Ежели ни одинъ человѣкъ не осмѣлится думать, будто мы получили отъ природы способность ощущать непріятности единственно для того, чтобъ мучиться; то вѣрно никто также не будетъ утверждать, что пріятныя ощущенїя даны намъ для ничтожнаго, минутнаго удовольствїя. Однѣ только слабыя головы не видятъ, что все въ природѣ стремится къ дѣятельности, къ совершенству. Одни только легкомысленные художники думаютъ, что уже все сдѣлали, когда произвели въ душѣ пріятное впечатлѣнїе, не заботясь о благороднѣйшей цѣли своего искуства.

Прежде замѣтили мы, на что природа употребляетъ прелесть изящества. У нее красота вездѣ служитъ знакомъ добра, приманкою добродѣтели. Точно такимъ же образомъ изящныя искуства силою своею направляютъ наше вниманіе на добро, и возбуждаютъ въ насъ любовь къ добродѣтели. Въ семъ только отношеніи онѣ полезны для человѣческаго рода; по сему только одному онѣ достойны вниманія мудрецовъ, и заслуживаютъ ободреніе отъ государей. Попеченіемъ мудраго правителя изящныя искуства могутъ сдѣлаться наилучшимъ орудіемъ для устроенія блага народовъ.

Представимъ себѣ государство, въ которомъ изящныя искуства находятся на высокой степени возможнаго совершенства, и введены во всеобщее употребленіе; разсудимъ, какія выгоды отъ нихъ изливаются на весь народъ. На что ни посмотримъ, къ чему ни обратимъ вниманіе, все ознаменовано печатію изящности. Тамъ жилища людей, всѣ издѣлія потребныя для жизни, а особливо превосходнѣйшее, необходимѣйшее средство взаимно сообщать мысли свои и чувствованія, все обработано силою ума и вкуса, все доведено до совершенства; нѣтъ вещи, которая не производитъ въ душѣ понятія о правильности, порядкѣ, приличности; все возбуждая въ умѣ охоту замѣ-

чать, въ тоже время сообщаетъ ему полезныя наставленія; все производя въ сердцѣ пріятныя впечатлѣнія, въ то же время раждаетъ въ немъ нѣжныя, сладостныя чувствованія. Что природа творитъ въ прекраснѣйшихъ странахъ на земномъ шарѣ; то творятъ изящныя искуства тамъ, гдѣ онѣ являются въ неиспорченномъ своемъ украшеніи. Чѣмъ чаще умъ и сердце имѣютъ случаи трогаться и плѣняться совершенствомъ; тѣмъ скорѣе душевныя способности зрѣютъ и укрѣпляются. Тупость и безчувствіе мало по малу исчезаютъ; дикой звѣрь превращается въ человѣка, любезнаго по уму и по качествамъ сердца.

Хотя не всѣми еще признано за истину, однакожь весьма справедливо, что внутреннее достоинство человѣка отъ изящныхъ искуствъ во многомъ зависитъ. Удивляюсь отважности и благоразумію древнихъ цинических философовъ, которые видѣвъ, до какого злоупотребленія доведены изящныя искуства среди народа роскошнаго, изнѣженнаго, возвратились къ первобытному состоянію грубой природы; но не одобряю неблагодарности ихъ къ изящнымъ искуствамъ. Діогенъ! кто научилъ тебя остроумно насмѣхаться надъ дурачествами твоихъ согражданъ? кто далъ тебѣ способность быстро узнавать нелѣпость, покры-

тую благовидною одеждою мудрости? какъ могъ ты захотѣть среди Аѳинъ, среди Коринѳа жить въ первобытномъ, естественномъ состоянїи? не противорѣчишь ли самъ себѣ, захотѣвши сдѣлаться циникомъ тамъ, гдѣ изящныя искуства утвердили престолъ свой? Прежде надлежало бы тебѣ въ сердцѣ и умѣ изгладить всѣ черты, изящными искуствами напечатлѣнныя: но тогда ты уже не оспался бы въ Грецїи; тогда покатилъ бы свою бочку къ ордамъ Скиѳскимъ, водворился бы въ дикихъ степяхъ, жилъ бы и мыслилъ по своимъ правиламъ. А ты, о мудрецъ удивленїя достойный, чудесный Руссо! для чего не возвратилъ Музамъ даровъ ихъ, прежде нежели произнесъ на нихъ свои жалобы? Тогда конечно никто не сталъ бы слушать тебя. Сердце твое не чувствовало, сколь много долженствовалъ ты благодарить богинь, коихъ навсегда хотѣлъ послать въ заточенїе.

До сихъ поръ мы разсуждали вообще о дѣйствїи изящныхъ искуствъ относительно образованїя ума и вкуса. Это одно уже должно бы подвигнуть сердца людей къ вѣчной благодарности; это одно уже достойно храмовъ и олтарей въ честь Музамъ. Народъ, имѣющїй понятїе о вкусѣ и объ изящности, стоитъ на высшей степени, нежели тотъ, которому незнакомы ни то, ни другое.

Однакожь сія драгоцѣнная власть изящныхъ искусствъ есть только приготовленіе къ важнѣйшей пользѣ; онѣ приносятъ прекраснѣйшіе плоды, но только на такой землѣ, которая удобрена тщаніемъ хорошаго вкуса. Для счастія народа потребны во-первыхъ законы, соотвѣтствующіе обстоятельствамъ его и пространству земли, на которой обитаетъ: они суть дѣло разума. Далѣе, надобны общія чувствованія, которыя подкрѣпляли бы истинной духъ и свойство народа, и которыя каждый гражданинъ долженъ носить въ сердцѣ, чтобы всегда гордиться могъ своимъ отличіемъ. Случается не рѣдко, что лѣность или слѣпое пристрастіе, вопреки должности, ослабляютъ сіи полезныя чувствованія. Гдѣ искать помощи? въ изящныхъ искусствахъ. Онѣ имѣютъ тысячи способовъ пробуждать и подкрѣплять общее чувствованіе; только онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда сердца заблаговременно приготовлены къ чувствительности, могутъ силою своею удержать гражданъ въ предѣлахъ ихъ должности; только онѣ могутъ каждую добродѣтель, каждое чувствованіе добраго сердца, каждой благодѣтельной поступокъ представить въ прелестномъ видѣ. Какая нѣжная душа можетъ противиться имъ? Когда изящныя искуства очаровательнымъ могуществомъ своимъ изобра-

жаютъ злодѣйство, порокъ, дурной поступокъ во всей мерзости ихъ: кто осмѣлится сказать о себѣ, что картина сія ни мало не трогаетъ его?

Ежели человѣкъ имѣетъ воображеніе, приготованное наслаждаться изящностію; ежели сердце его настроено для чувствительности: то съ помощію изящныхъ искуствъ можно изъ него сдѣлать все, къ чему только онъ способенъ. Пускай философъ передастъ художнику открытыя имъ истины; пускай основатель государства сообщитъ ему свои законы; пускай другъ человѣчества увѣдомитъ его о своихъ предначертаніяхъ; пускай доброй правитель откроетъ ему свои намѣренія споспѣшествовать общему благу: любимецъ Музъ, какъ новый Орфей, употребитъ пріятную власть свою, и заставитъ противъ воли каждаго дѣлать то, что нужно для общаго блага.

Такъ! изящныя искуства суть спутницы и помощницы самой мудрости, пекущейся о благѣ человѣчества. Она знаетъ, чѣмъ человѣкъ быть долженъ; показываетъ путь, ведущій къ совершенству, и слѣдовательно ко счастію: но не можетъ дать силъ, которыя часто бываютъ нужны, чтобы взойти на крутую гору. Изящныя искуства углаживаютъ путь сей, усыпаютъ

его прекрасными цвѣтами, и маня пріятнымъ благоуханіемъ, нечувствительно доводитъ путешественника до желаемой цѣли.

Будемъ чистосердечны. Плѣняющая сила искусствъ отъ злоупотребленія легко можетъ сдѣлаться вредною. Изящныя искусства подобны райскому древу, приносящему плоды добра и зла; неосторожное наслажденіе ими вовлекаетъ людей въ пропасть бѣдствій. Изнѣженная чувствительность бываетъ весьма опасна, когда разумъ не управляетъ ею. Странности влюбленныхъ, бредни помѣшавшихся въ умѣ отъ пристрастія къ какимъ-либо толкамъ, изступленіе цѣлаго народа что есть иное, какъ не изнѣженная чувствительность, оставленная разумомъ? Въ ней должно искать начала той слабости Сибаритской, которая людей дѣлаетъ презрѣнными тварями. Одна и таже чувствительность творитъ героевъ и глупцовъ, праведниковъ и злодѣевъ.

Сила изящныхъ искусствъ, сей цѣлебной составъ, въ рукахъ измѣнника превращается въ смертоносную отраву тѣмъ удобнѣе, что самому пороку можно дать любезную наружность добродѣтели. Обманутый человѣкъ неосторожно стремится въ объятія соблазнительницы, и погибаетъ. Потому-то изящныя искусства должны быть

подъ непремѣннымъ надзираніемъ и руководствомъ разума.

По причинѣ великой пользы, отъ изящныхъ искуствъ проистекающей, надобно желать, чтобы правительства старались поддерживать ихъ, ободрять и распространять на всѣ гражданскія сословія; тѣ же самыя правительства должны заботиться, чтобы злоупотребленіе не усилилось. Польза и вредъ отъ хорошаго и худаго вкуса такъ важны, что законодательная власть поступила бы весьма благоразумно, запретивъ гражданамъ портить общій вкусъ неприличнымъ, глупымъ, прихотливымъ украшеніемъ домовъ и садовъ своихъ внутри и снаружи. Никакому художнику не надобно дозволять работать для общества до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ образцовъ своего искуства, которые служили бы доказательствомъ его знанія и добрыхъ намѣреній. Законодатель повиненъ пещися, чтобы не только общественные памятники и зданія, но даже всѣ ремесленныя произведенія имѣли на себѣ отличіе хорошаго вкуса; равно какъ въ благоустроенныхъ государствахъ наблюдается, чтобы не только деньги, но вообще всѣ издѣлія имѣли на себѣ признаки чистаго металла. Благоразумной правитель заботится, чтобы полезное дѣйствіе изящныхъ искуствъ простиралось на общественныя празднества

и народные обычаи, даже на домашнїя праз-
днества и обыкновенїя.

Болѣе же всего языкъ, сїе важное оруд-
дїе, коимъ всѣ дѣла совершаются, заслу-
живаетъ особливое вниманїе блюстителей
народнаго благосостоянїя. Весь народъ под-
вергается стыду, и терпитъ великїя невы-
годы, когда языкъ его бѣденъ, грубъ, не
удобенъ выражать нѣжныя чувствованїя и
острыя мысли. Чѣмъ ближе къ совершен-
ству языкъ, тѣмъ пространѣе область
ума и вкуса; ибо языкъ есть не что иное,
какъ разумъ и вкусъ, превращенные въ зна-
ки вещественные. И такъ должно ли тер-
пѣть, чтобы драгоцѣнность сїя предоста-
влена была случаю, или произволу голов
безтолковыхъ? Ежели справедливо, какъ го-
ворятъ, что славная Парижская Академїя
учреждена единственно съ тѣмъ намѣре-
нїемъ, чтобы посредствомъ языка распро-
странить славу Французскаго народа; то
основатель смотрѣлъ на предметъ свой не
съ надлежащей точки. Кромѣ суетной сла-
вы и ничтожнаго блеску была польза гора-
до важнѣйшая, а именно разширенїе предѣ-
ловъ ума и вкуса въ народѣ (*). Почти всѣ

(*) Нерадѣнїе Нѣмецкихъ правителей о сей
важной части превосходитъ вѣроятїе.
Они небрегутъ о томъ, чѣмъ отличает-

искуства дѣйствуютъ совокупно на театръ. Вотъ вѣрнѣйшій способъ возвысить умы гражданъ къ благородству! Жаль, что во многихъ мѣстахъ зрѣлища служатъ не къ исправленію вкуса и нравовъ, но къ пагубѣ ихъ. Для чего законы не преслѣдуютъ поддѣлывателей изящныхъ искуствъ, какъ преслѣдуютъ они дѣлателей ложной монеты? Можно ли ожидать, чтобы искуства достигли до истинной цѣли своей, когда всякому глупцу дозволяется дѣлать изъ нихъ, что хочетъ?

Ежели искуства по существу своему суть средства, служащія къ распространенію счастія между людьми; то необходимо слѣдуетъ, что и смиренныя хижины гражданъ должны быть для нихъ открыты, и что правительство въ предначертаніе сво-

---

ся человѣкъ отъ безсловесныхъ тварей! Безтолковымъ головамъ дозволяютъ въ вѣдомостяхъ, календаряхъ, еженедѣльныхъ листкахъ, книгахъ и проповѣдяхъ болтать сущій вздоръ предъ народомъ. Даже въ повелѣніяхъ, издаваемыхъ отъ лица Монарховъ, отцовъ отечества и народа, господствуетъ языкъ нескладный, показывающій крайній недостатокъ въ хорошемъ вкусѣ и разсудительности. *Прим. Сочин.*

ихъ дѣйствій долженствуетъ включить статью о распространеніи художествъ. Имъ принадлежитъ часть казны государственной, наполняемой народнымъ трудолюбіемъ.

Знаемъ, что сіи предложенія мнимымъ политикамъ покажутся странными, и что найдутся даже мудрецы, которые все это назовутъ бреднями. Въ самомъ дѣлѣ это несбыточныя мечты, ежели предположить, что духъ многихъ нынѣшнихъ узаконеній пребудетъ непремѣннымъ. Гдѣ внѣшняя сила, богатство и способы къ увеличенію того и другаго почитаются единственнымъ благомъ государственнымъ, тамъ къ чему заботиться объ изящныхъ искусствахъ? Вмѣстѣ съ Римскимъ Стихотворцемъ воскликнемъ:

O! cives, cives, querenda pecunia primum est,
Virtus post nummos!

Не безполезно будетъ начертать краткую исторію изящныхъ искусствъ и картину нынѣшняго ихъ состоянія, чтобы практическую часть сравнить съ теоретическою.

Не должно думать, будто изящныя искуства, подобно нѣкоторымъ другимъ изобрѣтеніямъ, найдены посредствомъ счастливаго случая или глубокихъ изслѣдова-

нїй, и будто онѣ изъ мѣста рожденїя своего распространились по другимъ странамъ. Нѣтъ, изящныя искусства суть такїя растенїя, которыя, не требуя чрезвычайныхъ усилїй, могутъ разводиться на всякой землѣ, гдѣ только умы людей очистились; надлежитъ однакожь замѣтить, что онѣ, подобно плодамъ земнымъ, бываютъ различны, и что различїе сїе зависитъ отъ климата и присмотра; въ странахъ дикихъ онѣ приносятъ плоды мѣлкїе, нестоющїе особливаго вниманїя.

Какъ въ наши времена всякой народъ, вышедшїй изъ дикаго состоянїя, имѣетъ свою музыку, пляску, краснорѣчїе и стихотворство; точно такъ было и въ древнїе вѣки. Нѣтъ надобности добираться до глубокой древности свозь мракъ вѣковъ, чтобы увидѣть грубыя начала художествъ; онѣ были нѣкогда у Египтянъ и Грековъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ видимъ ихъ у Гуроновъ. Наблюдателю человѣческаго разума извѣстна общая всѣмъ словеснымъ тварямъ склонность украшать вещи, дѣлающїя впечатлѣнїе въ чувствахъ.

Имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства, что не только главныя вѣтви изящныхъ искуствъ, но даже особенныя отрасли ихъ находятся у народовъ, которые едва ли ко-

гда-либо жили во взаимномъ сообщеніи между собою. Извѣстно, что у Китайцевъ есть своя комедія и трагедія; даже Перувіанцы имѣли у себя то и другое, и представляли въ трагедіяхъ дѣянія Инковъ, а въ комедіяхъ произшествія въ общежитіи случающіяся. Высокомѣрные Греки, любившіе хвастать (*), изобрѣтеніе всѣхъ искуствъ себѣ приписывали; однакожь Страбонъ, одинъ изъ умнѣйшихъ Грековъ, весьма справедливо замѣчаетъ, что древніе писатели ихъ во многомъ ошибались (**). Вѣроятно, что не Греки прежде всѣхъ упражнялись въ изящныхъ искуствахъ; ибо они еще питались желудями, когда другіе народы наслаждались уже выгодами общежитія.

Объявивъ свое мнѣніе, что изящныя искуства суть самородныя растенія, всѣмъ землямъ свойственныя, прибавимъ, что между первыми случайными опытами и правильнымъ, постояннымъ въ нихъ упражненіемъ, когда онѣ сдѣланы методическою наукою, разстояніе весьма велико; слѣдственно опять можно предложить вопросъ: какой народъ прежде всѣхъ сдѣлалъ художества правильною наукою?

(*) Graeci omnia ſua in immenſum tollunt. Macrob. Sat. L. I. c. 24.

(**) Въ книгѣ осьмой онъ говоритъ, что древніе писатели, слѣдуя баснословнымъ преданіямъ, весьма часто обманывались.

Къ сожалѣнію, не льзя рѣшительно отвѣчать на вопросъ сей; до насъ дошло очень мало извѣстій о началѣ, объ учрежденіяхъ и объ искуствахъ древнихъ народовъ. Вообще полагаютъ, хотя впрочемъ безъ вѣрныхъ доказательствъ, что Халдеи, а иногда Египтяне, были первые изъ народовъ, которые по правиламъ науки упражнялись въ изящныхъ искуствахъ. Извѣстно, что у сихъ народовъ и у Гетрусковъ художества процвѣтали уже въ тѣ времена, которыя въ нашей истинной исторіи покрыты мракомъ. Ваятельное искуство уже возникало въ Халдеѣ при Авраамѣ; зодчество процвѣтало въ Египтѣ въ царствованіе Сезостриса, современнаго Іудейскому законодателю Моисею.

Не льзя точно опредѣлить различія между искуствами сихъ народовъ и Грековъ. У Египтянъ и Персовъ были зданія и сады, превосходившія все, что послѣ Греки ни имѣли въ семъ родѣ, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ великолѣпіемъ и пространствомъ. Отъ Іудейскаго народа остались превосходные образцы краснорѣчія и стихотворства; они старѣе произведеній Греческой словесности.

Кажется, что въ Грецію, собственно такъ называемую, изящныя искуства дошли черезъ ея селенія, разсѣянныя въ Іоніи и Италіи. Вѣроятно, что Іонія получила ихъ

отъ сосѣдственной Халдеи, а великая Грецiя также отъ сосѣдственной Гетрурiи (*). Остатки древнѣйшаго Греческаго зодчества, въ Пестумѣ находящiеся, показываютъ вкусъ Египетскiй. Въ древнихъ сочиненiяхъ видны слѣды, что стихотворство приходило въ Грецiю отъ запада, отъ востока и даже отъ сѣвера.

Хотя искуства принесены были въ Грецiю изъ странъ чуждыхъ; однакожь здѣсь, подъ яснымъ небомъ, тщанiемъ чудеснаго ума Грековъ, доведены до той степени изящества и вкуса, до которой онѣ ни прежде, ни послѣ нигдѣ не достигали. Вообще всѣ отрасли изящныхъ искуствъ въ Грецiи процвѣтали въ продолженiе многихъ столѣтiй; можно доказать тысячью примѣровъ, что онѣ долгое время направляемы тамъ были къ истинной ихъ цѣли. Потому - то Грецiя почитается отечествомъ художествъ.

Когда Греки лишились вольности, и подпали владычеству Римлянъ; тогда искуства унизились. Духъ Римлянъ — послѣ покоренiя Греческихъ областей — сряду нѣсколько вѣковъ бывшихъ господствующимъ народомъ въ мiрѣ, не къ тому стремился, что-

---

(*) Statuas Thuſci primum in Italia invenerunt. Caſsiod.

бы удержать изящныя искуства на степени совершенства. Предавшись властолюбїю, никогда не могли они имѣть той удивительной проницательности, которою Греки отличались. Упражненїе въ изящныхъ искуствахъ зависѣло отъ случая, и было совершенно постороннимъ дѣломъ главному ихъ намѣренїю. Музы имѣли въ Римѣ прибѣжище, какъ гонимыя странницы, но никогда не были приглашаемы съ почестїю.

Августъ принялъ ихъ подъ свое покровительство; однакожь времена неблагопрїятствовали возстановленїю Греческой изящности; граждане болѣе думали о потерянной свободѣ, нежели объ искуствахъ; дѣятельность ума обращена была на другїе предметы. Господствующая сторона заботилась о способахъ удержать при себѣ владычество; негодующїе на самовластїе помышляли о средствахъ низвергнуть его; а третьи, простые зрители, старались о своемъ спокойствѣ, о своей безопасности при столь смутныхъ обстоятельствахъ. Отъ сихъ людей зависѣли успѣхи искуства. Тѣ, которые не твердо еще держали въ рукахъ своихъ захваченную власть, подкупали художниковъ — и самовластїе представляемо было подъ прелестною наружностїю; по ихъ велѣнїю вниманїе народа было отклоняемо отъ свободы, и обращаемо на веселости.

Изъ того необходимо слѣдовало, что искуства не только удалились отъ истинной цѣли своей, но даже начала ихъ, отъ коихъ зависитъ самое совершенство, повредились.

Съ тѣхъ поръ онѣ мало по малу клонились къ упадку, въ которомъ пребывали сряду много вѣковъ, и еще теперь не вознеслись до прежней точки.

Въ сіе время упадка вкуса художники скрылись, а размножились ремесленники. На развалинахъ языческихъ великолѣпныхъ божницъ воздвигнуты смиренные храмы христіянскіе; изображенія кроткихъ праведниковъ и мучениковъ заступили мѣста боговъ и героевъ; музыка изъ театровъ перенесена въ церкви; витійство досталось проповѣдникамъ догматовъ. Ни одно искуство не уничтожилось; но всѣ мало помалу увядали до тѣхъ поръ, пока снова обращено на нихъ вниманіе.

Объ искуствахъ можно сказать тоже, что о нѣкоторыхъ празднествахъ, съ начала весьма важныхъ и значительныхъ, потомъ измѣнившихся и мало помалу уклонившихся отъ прежняго своего назначенія. Что нынѣ кавалерскіе ордены въ сравненіи съ прежними рыцарскими, то искуства сред-

нихъ вѣковъ были въ сравненїи съ древними; отъ орденовъ остались только внѣшнїе знаки: ленты и звѣзды. Потому-то въ художественныхъ произведенїяхъ недоставало ни внѣшней изящности, ни внутренней силы.

Нѣкоторые писатели думаютъ, что искуства совершенно были забыты. Исторїя доказываетъ противное. Отъ временъ Августа до Папы Льва не было ни одного столѣтїя, которое не имѣло бы своихъ стихотворцовъ, живописцовъ, ваятелей, гранильщиковъ, музыкантовъ и актеровъ. Даже иногда являлись художники, которыхъ удачные опыты напоминали прежнее изящество (*); но дѣйствїе трудовъ ихъ не далеко простиралось. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и

(*) Сочинитель сей статьи пишетъ о себѣ, что видѣлъ въ Гервордент у диплома Императора Генриха IV, въ 11 вѣкѣ живаго, печать, на которой голова сего Монарха изображена такъ искусно, какъ будто при первыхъ Цезаряхъ. На старинныхъ церковныхъ книгахъ, отъ временъ Карла I и послѣдовавшихъ, находятъ иногда камни съ рѣзьбою довольно хорошею. Венды, народъ Славянскаго племени жившій въ Померанїи, имѣлъ у себя искуства. Изъ

послѣ развращенность нравовъ простиралась до невѣроятности; и такъ не удивительно, что изящныя искуства употребляемы были не на то, къ чему онѣ служить должны. Церковныя книги тогдашняго времени и разныя вещицы, которыми украшали храмы и каѳедры, по нынѣшнему понятїю не могутъ быть терпимы благопристойностїю. Впрочемъ, вѣроятно такое злоупотребленїе никому не вредило; ибо въ изображенїяхъ нѣтъ красоты астетической.

Однакожь среди общаго мрака иногда появлялись лучи хорошаго вкуса. Уже въ шестьнадцатомъ вѣкѣ снова насталъ ясный день, и свѣтъ озарилъ весь кругъ изящныхъ художествъ. Передъ тѣмъ за нѣсколько времени Италїянскїя вольныя области, обогатившись посредствомъ торговли, обратили вниманїе свое на искуства. Нѣкоторыя издѣлїя зодчества и ваянїя принесены изъ Грецїи въ Италїянскїе города, а особливо въ Пизу, Флоренцїю и Генуу; тогда начали плѣняться изяществомъ, и подражать ему. Но еще сильнѣе подѣйствовали произведенїя стихотворства

четырехъ храмовъ, находившихся въ Штетинѣ, одинъ отличался удивительными украшенїями рѣзнаго художества.

и краснорѣчія, принесенныя Греками, которые искали убѣжища въ Италіи. Такимъ образомъ вкусъ очищался, просвѣщеніе распространялось; начали отыскивать другіе остатки древняго искуства. Нѣкоторые художники прославились, сдѣлавъ удачное подражаніе древнимъ, и воспламенили ревность въ своихъ товарищахъ. Искуства опять вознеслись изъ праха, распространились въ Италіи, по всему западу и на сѣверъ. Замѣтивъ, что произведенія древнихъ служили образцами, начали по нимъ обработывать всѣ изящныя искуства. Благоразумныя правительства, утвердивши спокойствіе государствъ на прочномъ основаніи, возбудили еще сильнѣйшую любовь къ изящности; наконецъ искуства достигли до того состоянія, на которомъ нынѣ ихъ видимъ.

(*Окончаніе въ слѣд. нум.*)

II.

Похороны Львицы.

Въ лѣсу скончалась львица.
Тотчасъ ко всѣмъ звѣрямъ повѣстка. Дворъ
и знать
Стеклись послѣдній долгъ покойницѣ отдать.

Усопшая царица
Лежала посреди пещеры на одрѣ,
Покрытомъ кожею звѣриной;
Въ углу, на олтарѣ
Жгли ладанъ, и Потапъ съ смиренной образ-
зиной —
Потапъ мартышка, вишь знакомецъ — въ
косъ гнуся,
Съ запинкой, заунывнымъ тономъ,
Молитвы бормоталъ. Всѣ звѣри, принося
Царицѣ скорби дань, къ одру, съ земнымъ
поклономъ,
По очереди шли и каждый въ лапу чмокъ,
Потомъ поклонъ царю, который надъ женою
Какъ каменной сидя, и давъ свободный токъ
Слезамъ, кивалъ лишь молча головою
На всѣ поклонниковъ привѣтствія отвѣтъ.
Потомъ и выносъ. Царь вылъ голосомъ, ка-
тался
Отъ горя по землѣ, а дворъ за нимъ во
слѣдъ
Ревѣлъ, и такъ ревѣлъ, что гуломъ возму-
щался
Весь дикой и обширный лѣсъ;
Ещежь свидѣтели съ божбой насъ увѣряли,
Что суслико-каммергеръ безъ чувствъ упалъ
отъ слезъ,
И что лисицу съ часъ мартышки оттира-
ли!

Я дворъ зову страной, гдѣ чудный родъ
людей:
Печальны, веселы, привѣтливы, суровы;
По виду пламенны, какъ ледъ въ душѣ своей,
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народъ хамелеонъ;
Монарха обезьяны;
Ты скажешь, что во всѣхъ единый духъ
вселенъ;
Не люди, сущія органы:
Завелъ — поютъ; забылъ завесть — мол-
чатъ.
И такъ, за гробомъ всѣ и воютъ и мы-
чатъ,
Не плачетъ лишь олень. Причина? Львица
сѣла
Жену его и дочь. Онъ смерть ея считалъ
Отмщеніемъ небесъ. Короче, онъ молчалъ.
Тотчасъ къ царю лиса-лестюха подлетѣла,
И шепчетъ, что олень, безсовѣстная тварь,
Смѣялся подъ рукою.
Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ
царь!
А какъ былъ царь и левъ; онъ гривою гу-
стою
Затрясъ, хвостомъ забилъ,
„ Смѣяться — возопилъ —
Тебѣ, червякъ? Тебѣ! надъ ихъ стенаньемъ!
Когтей не посрамлю преступника тер-
заньемъ;

Къ волкамъ его! къ волкамъ!
Да вмигъ распоргнется ругатель по частямъ;
Да казнь его смиритъ, въ обителяхъ Плу-
тона,
Царицы оскорбленной тѣнь!“
Олень,
Который не читалъ Пророка Соломона,
Царю въ отвѣтъ: Не сѣтуй, государь,
Часы стенаній миновались!
Да жертву радости положимъ на олтарь!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣри соби-
рались,
И я за ними въ слѣдъ бѣжалъ,
Царица предъ меня въ сіяньи вдругъ пред-
стала;
Хотъ былъ я ослѣпленъ, но вмигъ ее узналъ.
„ Олень! — святая мнѣ сказала —
„ Не плачь! я въ области боговъ,
„ Бесѣдую въ кругу звѣрей преображенныхъ!
„ Утѣшь со мною разлученныхъ!
„ Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему го-
товъ!“
И скрылась. — „Чудо! откровенье!“
Воскликнулъ хоромъ дворъ.
А царь, осклабя взоръ,
Сказалъ: „ Оленю въ награжденье
Даемъ два луга, чинъ и лань!“
Не правда ли, что лесть всегда пріятна дань?

В. Ж — ій.

III.

Восточная словесность.

Г. Лангле, Профессоръ восточныхъ языковъ, служащій при Парижской библіотекѣ, издалъ Словарь Манджурскаго языка. О семъ Словарѣ знаютъ уже въ Китайской Татаріи, и удивляются исправности его, а особливо связи и начертанію буквъ. Одинъ Манджурской чиновникъ, пребывающій въ Шингопаѣ, въ Зюнгаріи, едва могъ повѣрить тому, что слова языка его составлены изъ подвижныхъ буквъ. Онъ читалъ ихъ безъ труда. Желательно, чтобы г. Лангле въ дополненіе своего Словаря издалъ указательную роспись, и прибавилъ бы Манджуро-Латинскіе разговоры, почерпнутые Аміотомъ изъ Грамматики, называемой *Син-вен-ки-монгъ.*

Г. Гажеръ издалъ въ Парижѣ два списка съ Китайской надписи, приписываемой Императору *Ю*, родоначальнику поколѣнія *Гіа* (въ 23 столѣтіи до Р. Х.). Есть переводъ сихъ надписей, начертанный Китайскими знаками не столь древними; но г. Гажеръ, по видимому, сомнѣвается въ исправности сего перевода, ссылаясь на несходство въ знакахъ стариннаго письма и новѣйшаго. Г. Клапротъ, Членъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, которой

трудится надъ Исторіею Китайскаго письма, разобралъ знаки надписей Императора Ю, сравнилъ ихъ со знаками письма *Тащуенъ* и *Лїаотшуенъ* (отъ 800 лѣтъ предъ Р. Х. до 200 года послѣ начала нашего лѣтосчисленія), и удостовѣрился, что всѣ сіи знаки имѣютъ одинъ источникъ, и что вѣренъ смыслъ и переводъ надписи, сдѣланной за 2278 лѣтъ до Р. Х.

Ивенъ-гурунъ-и-судери, то есть древняя Исторія Ивеновъ или Мунгаловъ, первоначально сочинена на Китайскомъ языкѣ, переведена потомъ на Манджурской, когда еще Государи сего народа жили въ Мукденѣ, и напечатана въ Пекинѣ 1648 года по Р. Х. Г. Владыкинъ, переводчикъ языковъ Китайскаго и Манджурскаго, перелагаетъ *Ивенъ-гуруни* на Россійской. Г. Клапротъ прибавитъ къ сему переводу Географическія примѣчанія, почерпнутыя изъ *Ивенъ-су-мои-бїенъ*, или Исторіи Ивеновъ, напечатанной въ Пекинѣ 1707 года съ картою географическою и историческою. Ученые любители восточной словесности узнаютъ, что труды г-на Дегинье, впрочемъ полезные и достойные уваженія, уже недостаточны при нынѣшнемъ состояніи Китайской словесности въ Россіи. Этому и удивляться не должно; ибо Академія Наукъ имѣетъ у себя превосходное собраніе книгъ

Китайскихъ и Манджурскихъ; сверхъ того Россійскіе переводчики учились въ Пекинѣ, гдѣ нынѣ молодые Китайцы также учатся порусски.

Въ С. Петербургѣ получены два Словаря, одинъ Койбальскаго языка, другой Мотторскаго. Сіи народы живутъ въ горахъ Саянскихъ и Алтайскихъ, лежащихъ между Сибирью и Китайскою Татаріею. Нравы ихъ сходны съ Татарскими и Монгольскими. Вѣра состоитъ въ почитаніи единаго Бога. Каждой отецъ семейства сзываетъ въ кибитку своихъ домочадцовъ; всѣ поднимаютъ руки въ верхъ, и такимъ образомъ молятся въ молчаніи Упомянутые Словари весьма тщательно составлены г-мъ Спаскимъ, Ассессоромъ, служащимъ въ городѣ Бійскѣ. Оба языка имѣютъ сходство съ Самоѣдскимъ.

Вышло въ Вильнѣ сочиненіе Графа Чацкаго о Е-реяхъ, весьма важное для восточной словесности. Книга сія писана на Польскомъ языкѣ, и называется: Rozprawa o Zydach. Она можетъ служить прекраснымъ руководствомъ какъ для прилѣжныхъ изслѣдователей Раввинской словесности, такъ и для государственныхъ особъ, которыя хотѣли бы заняться поправленіемъ гражданскаго состоянія Евреевъ. Графъ Чацкій при глу-

бокихъ наблюденіяхъ своихъ имѣлъ въ виду цѣль полезную, слѣдственно достойную общаго уваженія и признательности.

(*Изъ Сѣв. Журн.*)

IV.

О трагедіи Славено-Сербской.

Различныя нарѣчія древняго Славенскаго языка часъ отъ часу болѣе измѣняются, и становятся несходными между собою. Поляки, Богемцы, Далматы и прочіе народы по нуждѣ исказили языкъ свой, будучи въ зависимости отъ Римскаго Первосвященника, и принявъ съ азбукою множество словъ Латинскихъ. У Россіянъ, Сербовъ, Иллирійцовъ и другихъ, держащихъ вѣру Греческаго исповѣданія, нарѣчія отъ времени и обстоятельствъ сдѣлались между собою несходными; но языкъ общій одинъ и тотъ же. Житель города Архангельска, научившись читать по Азбукѣ, Часослову и Псалтырѣ, можетъ обо всемъ разговаривать и переписываться съ Черногорцемъ, обитающимъ на берегу Адріатическаго залива. Такова польза отъ языка книжнаго! Всѣ прочія племена Славенскія живутъ подъ чуждымъ игомъ; они по неволѣ должны учиться языку повелителей, и мало по малу забывать свой

собственной. Мы одни только имѣемъ господствующую вѣру въ великомъ и славномъ нашемъ отечествѣ; мы одни имѣемъ всѣ способы распространять языкъ нашихъ праотцовъ, и съ благоговѣнїемъ хранить чистоту его. При столь важныхъ преимуществахъ вознерадимъ ли о собственномъ благѣ своемъ? отречемся ли добровольно отъ чувства своего достоинства? — Поводъ къ сему замѣчанїю подала мнѣ Славенская книжка, напечатанная въ *Будимѣ* (Офенѣ) при Королевскомъ Университетѣ 1798 года. Статься можетъ, что ея названїе разсмѣшитъ господъ остроумцевъ; однакожь я не краснѣясь помѣщаю его: *Трагедїя, сирѣчь печальная повѣсть о смерти послѣдняго Царя Сербскаго Уроша пятаго, и о паденїи Сербскаго царства.* Любители правильнаго театра еще больше позабавятся, когда скажу, что *Трагедїя о паденїи Сербскаго царства* содержитъ въ себѣ ровно *девять* Дѣйствїй; что въ ней помѣщены *прологъ* и *эпилогъ*; что Дѣйствїе продолжается почти *сто пятьдесятъ* лѣтъ; что начинаютъ трагедїю предки, а оканчиваютъ потомки; и что наконецъ вмѣстѣ съ историческими лицами дѣйствуютъ въ человѣческомъ образѣ *Сербїя*, *Благочестїе*, *Минерва*, *Исторїя*, *Ангелъ*, *Вражда* и проч.: но надобно знать, что она писана въ 1733 году, когда у насъ извѣстны были такїя же трагедїи, то есть

когда еще не имѣли мы ни Семиры, ни Дмитрїя самозванца.

Любители отечественныхъ обычаевъ и старины знаютъ, что прежде построенія театровъ представляли въ духовныхъ нашихъ училищахъ драмы историческаго и нравоучительнаго содержанїя. *Трагедїя о паденїи Сербскаго царства*, написанная Россїяниномъ Мануиломъ Козачинскимъ, Ректоромъ и учителемъ Риторики Карловицкихъ школъ въ Австрїйской Сербїи, представлена была въ томъ же 1733 году знаменитыми учениками. Архимандритъ Іоаннъ Раичъ, извѣстный сочинитель Славено-Сербской Исторїи, почитая память Козачковскаго, издалъ въ свѣтъ его Трагедію, раздѣливъ ее на явленїя, прибавивъ нѣчто отъ себя, и выбросивъ нѣкоторыя посторонніе дѣйствїя; ибо въ сей Трагедїи о смерши Уроша вплетены еще были повѣсти о Мытарѣ и Фарисеѣ, о Богатомъ и Лазарѣ и другїя. Г. Раичъ, посвящая трудъ свой православному Епископу Петру Темишварскому, объявляетъ причину изданїя. Она прекрасна. „Волкъ же „ испинный папрїоипъ — пишетъ Г. Раичъ — „ иако да реку, естественно одолжается „ честнымъ и возможнымъ образомъ возвели„ чити и прославити отечество свое въ „ знакъ благодарности мѣсту тому, въ „ немъ же свѣтъ сей увидѣ, и согражданинъ „ сотворися.“

Трагедію сію можно бы назвать сокращенною исторіею Сербскаго народа, еслибъ не было въ ней стихотворныхъ вымысловъ. Въ прологѣ, которой обыкновенно служилъ вмѣсто введенія у древнихъ, Провозвѣстникъ увѣдомляетъ зрителей, что дѣйствующія лица намѣрены,

Кацы бяху Царіе во Сербскомъ народѣ,
Показати явственно: и како скончася,
Како бяще подъ Турки, и како поддася
Подъ милостивѣйшую Римскую державу,
Ей же до днесь смиренно преклоняетъ
главу,
Воспомянути токмо. . . .

Стефанъ Неманъ, первовѣнчанный Король Сербскій, повѣствуетъ о своемъ родѣ, и о полученіи вѣнца Королевскаго, которой присланъ ему отъ тестя его, Греческаго Императора Исакія Ангела Комнина (1190 г.). Достойно примѣчанія, что Императоръ въ тоже время далъ Стефану титло *Мега-Жулана*, что значило, какъ видно, *великаго господина*. Словомъ Жупанъ въ старину назывались владѣтели; теперь на Польскомъ языкѣ и на Малороссійскомъ нарѣчіи оно значитъ почти тоже, что кафтанъ, или одежду человѣка достаточнаго. Скажемъ вообще, что изслѣдователь отечественныхъ древностей найдетъ много любопытнаго въ сей Трагедіи. Стефанъ Неманъ доводитъ повѣ-

ствованіе до своего времени, и идетъ, какъ самъ говоритъ, отдохнуть. Вмѣсто его является Провозвѣстникъ, и разсказываетъ главныя произшествія до 1336 года, то есть до Короля Стефана Душата. Здѣсь опять замѣтимъ, что между Королевскимъ достоинствомъ и Царскимъ было великое различіе въ понятіи Славенскихъ народовъ, и что Царь былъ равенъ Императору. Провозвѣстникъ говоритъ, что Стефанъ Душатъ при вступленіи на престолъ и вѣнчаніи принялъ титло Короля, и что распространивъ свои владѣнія,

Титлу Краля премѣни, Императоръ сталсяПовелитель многихъ странъ и Царемъ назвался.

Сіе обстоятельство показываетъ, что Петръ Великій былъ не первый Императоръ Всероссійскій.

Царь Стефанъ Душатъ, уже состарѣвшись, раздѣляетъ Князьямъ своимъ области для управленія, до возраста малолѣтнаго сына своего Уроша, котораго поручаетъ Князю Вукашину. По смерти Стефана, сей вельможа, забывъ долгъ свой и клятву, вознамѣрился присвоить себѣ Царство, и лишить жизни Уроша. Младый Царь, оплакивая свое состояніе, изображаетъ нравъ и поступки злаго притѣснителя.

Похити бо, похити Вукашинъ жестокій,
Весь каменный нечувствненъ, къ то-
мужъ ярокій,
Страховидный истинно, и аки звѣрь
дивый,
Клятвопреступникъ оный зѣло горде-
ливый.
Ни отъ Царска, ни Княжя произиде рода,
Но и львовой яростни и тигрова плода.
Поправъ совѣсть и клятву разори зло-
вѣрный,
Весь же сталася напыщенъ, воспріятъ
ядъ звѣрный.
Изгна соборъ, ни блага слушаетъ совѣта,
Аки вервіимъ нѣкіимъ связался на лѣта.
Ни что иное другое отъ него не чути,
Токмо не дамъ, пакъ не дамъ, тако
сталася лютый.

Какое поразительное сходство между злымъ Вукашинымъ и хищникомъ престола Бурбоновъ!

По совершенїи цареубійства, Вукашинъ мучимый совѣстїю призываетъ волхва, которому велитъ истолковать сновидѣнїе. Въ отвѣтѣ волхва блистаютъ искры стихотворства:

Азъ двигнухъ мертвыхъ адскихъ, воз-
душныхъ и водныхъ,
Соберу духовъ, къ тому звѣрей много-
родныхъ.

Совокупно пріидутъ, зміи страховидны
Гады, скопы, ползяща, скорпіи,
ехидны.
Совлеку солнце съ неба, помрачу свѣтила,
День въ нощь претворю, явѣ будетъ
моя сила.

Сербія тужитъ о разореніи церства своего и о порабощеніи онаго Турками. Сивиллы и Патріархъ Арсеній Чарноевичь предвѣщаютъ ей благоденствіе подъ скипетромъ Римскаго Цесаря. Сербія воспѣвая отходитъ въ Цесарію, бесѣдуетъ съ Минервою, и созвавъ чадъ своихъ, совѣтуетъ имъ упражняться въ наукахъ.

Таковы были всѣ драматическія произведенія, когда еще не понимали, въ чемъ состоитъ истинное достоинство искуства. Не смотря на всѣ недостатки въ *Трагедіи о паденіи Сербскаго царства*, она драгоцѣнна для любителя изящныхъ художествъ, а еще болѣе для любителя языка отечественнаго. Первой съ удовольствіемъ увидитъ усилія человѣческаго ума открывать для себя новыя, благородныя забавы; сравнитъ прежнее состояніе искуства съ нынѣшними его успѣхами, и увидитъ, какое великое пространство лежитъ между ними. Другой найдетъ пріятную пищу для своего любопытства, и сердечно порадуется, что отдаленные народы, при всѣхъ невыгодахъ своего положенія, блюдутъ древній языкъ, на которомъ

Меѳодїй и Кириллъ младенчествующимъ во христїянствѣ Славянамъ вѣщали спасительныя истины. При удобномъ случаѣ постараюсь что-нибудь написать о достойной любопытства *Исторїи разныхъ Славенскихъ народовъ*, *наипаче Болгаръ*, *Харватовъ и Сербовъ*, сочиненной упомянутымъ выше Архимандритомъ Іоанномъ Ранчемъ, и напечатанной хорошими буквами гражданскими въ *Вѣнѣ* 1794 года, въ привиллегированной Славено-Сербской, Валахиской и восточныхъ языковъ типографїи г-на Новаковича.

N.

V.

О книгѣ подъ названїемъ Г-жа. Ментенонъ, и объ историческихъ сказкахъ.

Въ Вѣстникѣ упомянуто было о послѣднемъ сочиненїи г-жи. Жанлисъ, когда оно вышло въ свѣтъ на Французскомъ языкѣ, и о томъ, какъ приняли его Парижскіе журналисты. На Россїйскомъ языкѣ напечатано уже два или три изданїя *Г-жи Ментенонъ*; это значитъ, что книга многимъ понравилась. Тѣмъ охотнѣе сообщаемъ умныя замѣчанїя людей безпристрастныхъ. Мы нашли ихъ во *Французскомъ Меркуріѣ* и *Пересмотрѣ*.

Пусть не удивляются, — пишутъ Французскïе журналисты — что мы отзываемся невыгодно о женщинѣ и притомъ любимой писательницѣ. Мы очень помнимъ, что прежнïя сочиненïя г-жи Жанлисъ доставляли намъ много удовольствïя; знаемъ, что она первая умѣла сказкѣ дать полезное направленïе; признаемъ охотно, что всегда держалась правилъ благонравïя и вкуса, даже въ то время, когда не безопасно было говорить объ истинахъ очевиднѣйшихъ. Многïя хорощïя сочиненïя г-жи Жанлисъ прославили ея имя; слѣдственно сама справедливость налагаетъ на насъ долгъ объявить ошибки, чтобы вывести изъ заблужденïя тѣхъ читателей, которые довѣряютъ молвѣ болѣе, нежели своему разсудку. И такъ скажемъ откровенно, что послѣднее сочиненïе ея принадлежитъ къ числу самыхъ плохихъ; ибо сама г-жа Жанлисъ называетъ его историческою сказкою. Ежели разсматривать ее какъ обыкновенную сказку, и тогда откроется въ ней одно изъ самыхъ слабыхъ сочиненïй г-жи Жанлисъ.

Что значитъ историческая сказка? Она есть сочиненïе, въ которомъ смѣсь истины и вымысла помрачаетъ всѣ познанïя, изъ исторïи почерпнутыя, и которое смѣшиваетъ различныя понятïя въ памяти, печатлѣя въ ней выдумку вмѣстѣ съ истиною, съ

тою разницею, что первая врѣзывается глубже. Въ обыкновенной сказкѣ сочинитель даетъ баснѣ прелестную наружность истины; въ исторической сказкѣ онъ старается истину помрачить баснями: ибо ежели вымыслы сказочника не связаны съ историческою истиною, ежели онѣ будутъ примѣтны; то сочинитель много теряетъ. Онъ можетъ похвалиться тогда только, когда читатель не распознаетъ истины съ выдумкою. Какое жь изъ того слѣдствїе для молодаго человѣка? Такое, что онъ никогда не узнаетъ исторїи, читая историческїя сказки.

Намъ скажутъ, что общество, для котораго печатаются книги, думаетъ иначе, и что историческая сказка о г-жѣ Лавальеръ служитъ надежною порукою въ достоинствѣ сказки о г-жѣ Ментенонъ. Не споримъ; ибо знаемъ, что сочиненїя г-жи Жанлисъ всегда читаются охотно; знаемъ, что о нихъ объявляютъ въ вѣдомостяхъ мѣсяца за три до напечатанїя, и что въ одинъ день раскупается цѣлое изданїе. Но такое усердїе не рѣдко бываетъ слѣдствїемъ только привычки, и удовольствїе при чтенїи книги не всегда соотвѣтствуетъ ревностному желанїю купить ее. Впрочемъ г-жа Жанлисъ сама знаетъ, что общество раздѣляется на двѣ части: одна состоитъ изъ людей легкомысленныхъ, которые ничего

кромѣ сказокъ не читаютъ, и требуютъ только, чтобъ ихъ чѣмъ-нибудь забавляли, другая не обольщается тѣмъ, что книгу хорошо раскупаютъ, но разбираетъ, какъ написано сочиненїе; первая оспается весьма довольною, когда извѣстной писатель ежегодно выдаетъ по два или по три тома, написанные слогомъ вразумительнымъ, и слѣдственно отличнымъ отъ того, какимъ пишутся дюжинныя сказки; другая произноситъ справедливой приговоръ свой, и приговоръ сей рѣшитъ судьбу книги. Мы думаемъ, что половина эта не совсѣмъ одобрила сказку о Г-жѣ Лавальеръ.

Какъ бы то ни было, сїя послѣдняя сказка гораздо сноснѣе. Безпокойная жизнь Г-жи Лавальеръ не имѣетъ никакой связи съ исторїею славнаго вѣка Лудовикова, и сочинительница могла украшать ее своими вымыслами, изображая всѣ мученїя любви, ея мечты, ея отчаянїе. Но какую имѣетъ связь исторїя Г-жи Лавальеръ съ исторїею Г-жи Ментенонъ, и почему послѣдняя названа продолженїемъ первой? Если такъ, то правленїе Дюка Орлеанскаго можетъ служить продолженїемъ сказки о Г-жѣ Ментенонъ, и такъ далѣе; основываясь на семъ, можно будетъ описать въ сказкахъ всю исторїю послѣднихъ двухъ столѣтїй!

Г-жа Ментенонъ родилась въ тюрьмѣ, выросла въ бѣдномъ состоянїи, была за му-

жемъ за посредственнымъ стихотворцемъ (Скаррономъ), потомъ вознеслась на верхъ почестей, и на пятидесятомъ году возраста своего сдѣлалась супругою великаго Монарха: такая чрезвычайная перемѣна достойна пера дѣписателя и нравоучителя, а не сказочника. Приключенія, представленныя въ истинномъ видѣ своемъ, удовлетворили бы любопытство читателя, вмѣсто того что онѣ, будучи прикрашены вымыслами, теряютъ цѣну. Вымыселъ помрачаетъ истину. Случай не обыкновенной, но справедливой нравится въ исторіи; напротивъ того въ сказкѣ онъ совсѣмъ не у мѣста.

VI

Письмо къ Издателю.

Священный долгъ благодарности доставляетъ мнѣ пріятнѣйшій случай порадовать добрыхъ соотечественниковъ, объявивъ имъ о благородномъ поступкѣ почтеннаго моего родственника *Григорія Богдановича Глинки*, отставнаго Ротмистра.

По смерти родителей моихъ, опредѣленъ я былъ въ Кадетской Корпусъ, откуда вступилъ въ военную службу. Во все время моего пребыванія въ Корпусѣ и четы-

рехъ-лѣтней службы, сей рѣдкой родствен-никъ прилагалъ всевозможное раченіе о не-большемъ моемъ имуществѣ, не по званію опекуна, даже и не по убѣжденію моему, но единственно по влеченію благородной сво-ей души и по любви родственной. Не только не употребляя способовъ тягостныхъ, но забо-тясь объ участи крестьянъ, которыхъ Княж-нинъ справедливо называетъ *попечительными питателями смертныхъ рода* — благоразум-нымъ и неусыпнымъ попеченіемъ онъ при-велъ въ лучшее состояніе хозяйство ихъ, и снабжая меня изъ доходовъ, присовокупилъ еще часть къ моему имуществу.

Сердечно желаю, чтобы всѣ, подобно мнѣ, лишившіеся попечительныхъ родите-лей, находили такихъ родственниковъ! Гдѣ искать примѣровъ истиннаго великодушія, гдѣ искать семейственныхъ добродѣтелей, ежели не среди народа, всегда готоваго жер-твовать жизнію и достояніемъ своимъ Рѣ-рѣ, Царю, Отечеству? — Имѣю честь и проч.

Федоръ Глинка, отставной Порутчикъ
Смоленской Губерніи,
Духовскаго уѣзда
село Сутоки.
6 Маія 1807.

Сіе изъявленіе благодарности сообщено при письмѣ отъ Сергѣя Николаевича *Глинки*,

трудами своими извѣстнаго любителямъ Россійской словесности. Онъ пишетъ между прочимъ къ Издателю Вѣстника: „Почтенный нашъ родственникъ благотворилъ брату моему въ самое то время, когда собственное сердце его поражено было двумя люпѣйшими ударами: смертію любимаго брата, и кончиною нѣжнѣйшей, незабвенной супруги! . . . . Изящныя только души могутъ, забывая свои горести, помогать ближнему.

„Мы видимъ, страждетъ здѣсь не рѣдко добродѣтель;
Но другъ добра, людей, несчастныхъ благодѣтель,
Лишась всего, въ чемъ жизнь, въ чемъ счастье полагалъ,
Еще не вовсе связь со свѣтомъ разорвалъ.
На стонъ страдальца онъ къ страдальцу поспѣшаетъ;
Съ нимъ слезы лья, его онъ слезы отираетъ . . . .
И утѣшеніе лишь въ томъ находитъ самъ!“

VII.

Къ М. Ф. К — ой.

Въ день ея именинъ 1 го Апрѣля, при подаркѣ розъ.

Поэты съ розами красавицъ всѣхъ равняютъ!
У васъ значеніе онѣ перемѣняютъ.
Не служатъ вамъ сіи прелестные цвѣты
Эмблемою одной наружной красоты,
Очаровательной и тлѣнной;
Но вмѣстѣ красоты и нѣжности душевной.

В — ъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Отъ Наполеона Буонапарте хранительному Сенату.

„Сенаторы! Мы повелѣли Нашему Министру внѣшнихъ дѣлъ сообщить вамъ договоры, заключенные нами съ Королемъ Саксонскимъ и разными владѣтельными Князьями, къ дому его принадлежащими.

„Саксонскій народъ лишился вольности своей 14 Октября 1756 года, и обратно получилъ ее въ 14же день Октября 1806. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, Саксонія, обезпеченная Познаньскимъ договоромъ, перестала быть Прусскою провинціею.“

Тутъ никакого нѣтъ смысла. Правда, что Саксонское войско сдалось по договору 15 Октября 1756, оставивши свой станъ подъ Пирною; однакожъ тогда Саксонія отнюдь не лишилась свободы, и Прусской Дворъ не имѣлъ власти надъ Дрезденскимъ. Великій мужъ, повинуясь влеченію души своей, безъ нужды изрыгаетъ ядъ злобы. Къ чему

служитъ напоминать Саксонцамъ несчастное произшествіе, случившееся за пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ и уже всѣми забытое!

„Герцогъ Саксенъ - Веймарскій, безъ предваритeльнаго объявленія, прилѣпился къ сторонѣ нашихъ непріятелей. Участь его должна служить наставленіемъ для *милыхъ* Князей, кои, не будучи соединены узами прочныхъ законовъ, мѣшаются въ дѣла великихъ народовъ; но мы не восхотѣли противиться нашему желанію примириться со всѣмъ домомъ Саксонскимъ, безъ исключенія.

„Князь Саксенъ - Кобургскій умеръ. Мы повелѣли наложить опись на владѣніе сына его, которой находится теперь въ непріятельскомъ войскѣ.“

Все это написано для того, чтобы чѣмъ-нибудь извинить разхищеніе Веймара. Злодѣйскіе поступки, сдѣланные въ семъ городѣ, *должны служить наставленіемъ для милыхъ Князей.* Все посланіе наполнено нелѣпыми выраженіями; но слова *малые Князья* превосходятъ все нелѣпое. Человѣкъ благовоспитанной не скажетъ простолюдиму, вышедшему въ знать: *вы сынъ малаго стрялчаго.* Если *стрялчаго* не прилично называть

малыхъ; то пристойно ли говорить: *милой Князь*?

„Мы также повелѣли предложить вамъ на разсмотрѣніе донесеніе нашего Министра внѣшнихъ дѣлъ объ опасностяхъ, грозящихъ Оттоманской Портѣ. Съ юныхъ лѣтъ бывъ зрителемъ бѣдствій войны, мы полагали счастіе наше, славу и честолюбіе въ покореніи областей и въ пріобрѣтеніи мира. Но важность нынѣшнихъ обстоятельствъ достойна всего нашего вниманія и попечительности. Надлежало пятьнадцать лѣтъ съ ряду побѣждать, чтобы доставить Франціи удовлетвореніе за раздѣлъ Польши, которому помѣшать могъ бы одинъ походъ, предпринятый въ 1778 году.“

Раздѣлъ Польши случился 1772; какимъ же образомъ въ 1773 году можно было бы помѣшать сему раздѣлу? но дѣло состоитъ не въ хронологіи. Въ теченіе ста лѣтъ, предшествовавшихъ раздѣлу Польши, Франція пріобрѣтала постепенно Франшъ-Конте, Алзацію, Лотарингію, три Епископства, часть Фландріи и Корсику. Вотъ чемъ она заблаговременно себя удовлетворила. Но къ чему тутъ говорить о Франціи? Миръ между Европою и Франціею былъ бы заключенъ очень скоро: Европа ведетъ войну

не противъ Франціи, но противъ Наполеона и его сообщниковъ.

„Ахъ! кто въ состояніи вычислить продолженіе войны и походы, которые надлежало бы нѣкогда предпринять для отвращенія бѣдствій, могущихъ произойти отъ завоеванія Константинополя, если бы изнѣженность и забавы взяли верхъ надъ мудрою предусмотрительностію? Мы оставили бы внукамъ нашимъ въ наслѣдство войну и несчастія. Греческая Тіара, вознесшаяся и торжествующая отъ моря Балтійскаго до Средиземнаго, могла бы то сдѣлать, что мы увидѣли бы толпы варваровъ и фанатиковъ стремящіяся къ нашимъ провинціямъ. Если бы просвѣщенная Европа, отъ медленнаго сопротивленія, погибла; то потомство имѣло бы справедливую причину обвинять наше равнодушіе, и мы помрачили бы себя въ Исторіи.“

Сочинитель сего посланія ежели начинаетъ войну, то дѣлаетъ это не по пустому, но чтобы отмстить обиды, нанесенныя народамъ лѣтъ за пятьдесятъ передъ симъ; или же для предотвращенія бѣдствій, которыя могли бы случиться впредь за пятьдесятъ лѣтъ. Но когда тотъ же сочинитель несетъ чепуху, то въ самой безпол-

ковщинѣ его какое-нибудь скрывается намѣреніе. Здѣсь, напримѣръ, хочетъ увѣрить, что на берегахъ Вислы онъ сражается съ *толпами фанатиковъ и варваровъ!*

„Императоръ Персидскій (котораго безпокоитъ политика Петербургскаго Кабинета, какъ безпокоила она Польшу цѣлые шестьдесятъ лѣтъ, и какъ уже двадцать лѣтъ безпокоитъ Турцію) одушевленъ тѣми же чувствами, какими Порта; онъ принялъ такія же намѣренія, и самъ идетъ къ горѣ Кавказу, защищать свои предѣлы.“

Мудрено рѣшить, что утомительнѣе въ семъ періодѣ, длинная вставка между вмѣстительными знаками, или плохой слогъ, или злонамѣренность — сіи обыкновенныя отличія всего, что ни вытекаетъ изъ пера великаго мужа!

Вопервыхъ надобно знать, что въ Персіи никогда не бывало Императоровъ. Въ семъ Государствѣ господствуютъ двѣ стороны Занова и Кежіарова. Нынѣ послѣдняя имѣетъ превосходство. Правители областей обѣихъ сторонъ признаютъ одного между собою начальникомъ, но иначе не называютъ его какъ Ханомъ, и самъ начальникъ принимаетъ сіе титло.

Петръ I вступилъ въ Персію, чтобъ защитить царствовавшій домъ Софіевъ отъ хищничества Авгановъ. Съ того времени Россія уже не вмѣшивалась во внутреннія дѣла Персіи. Въ 1795 году евнухъ Ага Магомметъ Ханъ напалъ на Грузію, и захватилъ въ неволю 30,000 жителей. Сіе произшествіе подало случай къ пограничной неважной войнѣ, которая продолжается до сихъ поръ.

Ежели Французское правительство надѣется на сильной отводъ со стороны Персіи, то очень ошибается. Кавказъ обитаемъ народами дикими и воинственными. Россія обыкновенно держитъ тамъ 22,000 человѣкъ войска строеваго, и 36,000 нестроеваго; слѣдственно Персы не страшны для Россіи даже и тогда, когда имѣли бы надъ собою Французскихъ Генераловъ.

„Уже честолюбіе нашихъ непріятелей унижено: ихъ ополченіе разбито при Пултускѣ и при Голымин, и у трашенные ихъ баталіоны бѣгутъ при появленіи нашихъ орловъ (т. е. знаменъ).“

Здѣсь и приличности въ разсужденіи слога и историческая истина равно нарушены. Сочинитель сего посланія на постыдномъ бѣгу своемъ отъ мѣста сраженія къ Яблон-

ной уже очень поздно узналъ, что Россійское войско двигнулось съ мѣста. Великой мужъ иногда можетъ быть принужденъ направить лыжи; но не похвально, когда великой мужъ подвергаетъ себя уличенію въ явной лжи.

„При такихъ обстоятельствахъ надобно, чтобы миръ былъ порукою въ совершенной независимости обѣихъ великихъ Имперій; тогда только онъ будетъ для насъ проченъ. Если же неправда и чрезмѣрное властолюбіе нашихъ непріятелей еще продлитъ войну; то наши народы усиліями своими и любовію къ нашей особѣ всегда явятъ себя достойными того высокаго назначенія, которымъ труды наши увѣнчаются: тогда только миръ твердый и продолжительный сдѣлаешъ, что дни славы уступятъ мѣсто днямъ счастія и тишины для нашего народа. 29 Января 1807.“

Итакъ сочинитель сего посланія заключитъ миръ только тогда, когда Порта останется при своей независимости, которой никто у нее и не отнимаетъ. Судя по участію, которое г. Бонапарте, или правильнѣе Буонапарте, принимаетъ въ Персіи, думаемъ, что ему пріятно будетъ узнать имя Госу-

даря, котораго онъ называетъ Императоромъ. По сей причинѣ пользуемся благопрїятнымъ случаемъ, и извѣщаемъ Наполеона, что любимецъ его называется не *Фатъ-Али-Шахъ*, какъ именуютъ его всѣ подъ смотрѣнїемъ Французскаго правительства издаваемыя газеты, но что имя его есть *Баба-Ханъ-Сердаръ*. Сердаръ не значитъ ни Императора, ни Короля, но просто начальника. Въ Турцїи даютъ сїе имя начальникамъ крѣпостей.

(*Изъ Journ. du Nord летат. въ С. Петерб.*)

II.

Донесенїе Министра Талейрана.

„Россїя перестала притворяться. Она уже сбросила личину, подъ которою до сихъ поръ скрывалась. Войска ея вступили въ Молдавїю (23 Ноября) и въ Валахїю (Декабря въ первыхъ числахъ).

„Онѣ осадили крѣпости Хотинъ и Бендеры. Немногочисленныя охранныя войска, надѣявшїяся на вѣрность договоровъ, при внезапномъ нападенїи должны были уступить превосходству. Обѣ крѣпости заняты Россїянами.

„Все, что почитается людьми за священное, попрано ногами. Кровь человѣческая лилась, между тѣмъ какъ Россiйскiй Посланникъ, коего присутствiе долженствовало быть порукою и доказательствомъ мира, все еще находился въ Константинополѣ, и не переставалъ увѣрять Его Султанское Величество въ дружбѣ къ нему своего ГОСУДАРЯ. Порта не знала, что на нее напали; она узнала о томъ изъ манифеста Генерала Михельсона, которой имѣю честь при семъ поднести В. В. (*). Ужасно и странно! когда Порта получила сей манифестъ, Посланникъ Россiйскiй, утверждая, что отъ Двора своего не имѣетъ никакого о томъ предписанiя, и что онъ не вѣритъ, будто началась война, по видимому не одобрялъ издаваемыхъ полководцами объявленiй, и сомнѣвался о вступленiи Россiйскихъ войскъ въ Оттоманскую Имперiю.“

Поступокъ Россiйскаго Министра ни страненъ, ни ужасенъ. Онъ очень зналъ, что ГОСУДАРЬ его вовсе не намѣренъ былъ начинать войну съ Оттоманскою Портою. Благоразумная осторожность требовала обез-

(*) То есть Наполеону Буонапарте.

печить берега Дуная Развѣ Себастіани не грозился ввести Французовъ черезъ Далматію? Порта была на его сторонѣ. Французское правительство хотѣло усыпить ее, чтобы открыть пространное поле для хищнической своей дѣятельности. Пускай Французы жалуются на своего Буонапарте, что, для сопротивленія имъ, нарушается спасительной обрядъ, наблюдаемый Государствами при взаимныхъ отношеніяхъ. Пока Французы будутъ управляемы безпокойною головою: до тѣхъ поръ установленные обряды не могутъ быть полезными. Берега Дуная и крѣпости заняты войсками Россійскими для собственной безопасности, которая не могла терпѣть ни малѣйшаго замедленія.

„Чему подвергнется Европа, если судьба ея зависѣть будетъ отъ прихотей Кабинета, которой безпрестанно перемѣняетъ мысли, въ которомъ противуборствуютъ разныя мнѣнія и страсти, и которой, по видимому, не знаетъ или не признаетъ чувствованій, дѣяній и должностей, споспѣшествующихъ просвѣщенію народовъ?“

Кабинетъ С. Петербургскій не перемѣняетъ мыслей, и не можетъ перемѣнять ихъ, потому что онъ исполняетъ повелѣ-

нїя такого ГОСУДАРЯ, который не любитъ перемѣнять мысли Свои, и который посяно противуборствуетъ хищенїю и насильству.

„Оттоманская Порта уже давно знала, что Князь Ипсиланти, Господарь Валлахскїй, измѣнялъ ей. Отъ Князя Музуси, Господаря Молдавскаго, она также не ожидала ничего лучшаго. По праву своего самодержавства, низложивъ обоихъ, она возвела на ихъ мѣста Князя Суццо и Князя Каллимахи. Сей поступокъ не понравился Россїи. Посланникъ ея объявилъ 29 Сентября, что онъ выѣдетъ изъ Константинополя, ежели прежнїе Господари не будутъ возстановлены. Въ сїе самое время *нелонятная* война между Францїею и Пруссїею готова была возгорѣться.“

Въ словѣ *нелонятная* скрывается ядъ, которой будетъ обнаруженъ. Симъ словомъ хотятъ показать, будто Буонапарте самъ не вѣдаетъ, какъ и для чего ведетъ войну, которая начата будто бы по старанїю С. Петербургскаго Кабинета. Въ самомъ же дѣлѣ Буонапарте лучше всѣхъ знаетъ, что *нелонятная* война вспыхнула отъ того, что онъ хотѣлъ за Сицилїю отдать тотъ самой Ганноверъ, которой уже отданъ былъ Пруссїи.

„Устрашенная Порта, видя несогласіе между двумя государствами, которыя наиболѣе пеклись объ ея безопасности, возчувствовала, сколь полезна можетъ быть вражда сія природному ея непріятелю.“

Оттоманская политика никогда не простиралась до столь отдаленныхъ догадокъ. Портѣ конечно непріятно, что Россія господствуетъ на Черномъ морѣ, которое нѣкогда было заперто для всѣхъ кораблей Европейскихъ; Порта не можетъ забыть побѣдъ, одержанныхъ Румянцовымъ и Суворовымъ. Сіи обстоятельства необходимо раждаютъ въ Туркахъ болѣзненныя чувствованія. Кто сильно желаетъ; тому кажется, что получитъ желаемое; потому-то Султанъ въ фирманѣ своемъ начальствующему на берегахъ Дуная Мустафѣ-Агѣ написалъ: *Россія приближается ко времени своего упадка.* Вся надежда Порты была основана на словахъ Себастіани. Вотъ что подвигло ее къ непріязни, а отнюдь не размышленія о *непонятной* войнѣ.

„Англійской Адмиралъ, приплывъ съ эскадрою 12 Октября объявилъ, что Англія возметъ сторону Россіи, ежели прежніе Господари не получатъ мѣстъ своихъ. Порта, принужденная согла-

ситься, отвела грозившую опасность, и 15 Октября возстановила Господарей, которыхъ прежде объявила измѣнниками, низложивъ особъ, коихъ сама избрала. Это должно бы удовлетворить Россїю. Англїя увидѣла, что получила болѣе, нежели надѣялась.

Безъ сомнѣнїя; Россїя удовлетворилась бы, еслибъ, между тѣмъ какъ она требовала возстановленїя обоихъ Господарей, Порта не явила новыхъ доказательствъ преданности своей г-ну Себастїани. Сей Посолъ грозился ввести Французскїя войска черезъ Далматїю. Строгая необходимость заставила Россїю расположить войска свои въ Валахїи; ибо надлежало предотвратить опасность.

„Порта думала, и должна была думать, что въ награду за снисхожденїе свое насладится миромъ, купленнымъ столь дорогою, столь несносною цѣною. Не много спустя въ С. Петербургѣ получено извѣстїе о войнѣ, Пруссїею объявленной, и о начавшихся непрїятельскихъ дѣйствїяхъ. Россїя внутренно обрадовалась, видя ссору между двумя союзными Государствами, къ которымъ одинакую вражду питала.“

Ядъ начинаетъ обнаруживаться. Россія не радовалась внутренно; ибо до сихъ поръ не имѣла она причины скрывать своихъ чувствованій. — Россія не питала вражды противу Франціи; она только ненавидитъ хищника, и вообще всѣми хищеніями гнушается. — Россія не питала вражды противу Пруссіи. Но посмотримъ далѣе:

„Франціи и Пруссіи надлежало хранить постоянной союзъ между собою, чтобы препятствовать намѣреніямъ Россіи въ отношеніи къ Имперіи Оттоманской. Россія, увидѣвъ, что онѣ поссорились, отважилась на все. Она отправила повелѣніе къ Генералу Михельсону о вступленіи въ Молдавію, и уже мысленно пожирала добычу, на которую давно съ алчностію взирала, и которая до сихъ поръ была защищаема союзомъ Франціи съ Пруссіею.“

Какой подлой, площадной языкъ! только хищники съ алчностію взираютъ на добычу свою, и мысленно пожираютъ ее. Нѣкоторые люди обыкновенно предполагаютъ въ другихъ свои собственныя склонности.

„По счастію, для Турціи Прусская война окончилась весьма скоро. Между тѣмъ какъ Россійскія войска собирались

надъ Днѣстромъ, Французы пришедши къ Вислѣ заставили ихъ поспѣшно отступить назадъ, и идти туда, гдѣ надлѣжало защищать предѣлы отъ нашествія.“

Войска, назначенныя въ Молдавію, дѣйствительно вступили туда, и всѣ остаются на мѣстахъ своихъ. Ни одинъ полкъ не отозванъ.

„Оттоманская Порта снова оживилась надеждою; она разсмотрѣла и увидѣла, какую глубокую пропасть вырыло для нее собственное снизхожденіе; признала чудесной случай своего спасенія, и подняла оружіе, съ тѣмъ чтобъ навсегда остаться вѣрною союзницею Франціи, безъ которой прежде ежеминутно угрожала ей опасность погибели.“

Буонапарте три раза предлагалъ Россіи завоевать Константинополь; теперь тотъ же Буонапарте хочетъ показать, что не безразсудность завела его на правой берегъ Вислы, но причины справедливыя. Въ истокъ горячей любви его къ Портѣ Оттоманской, которую онъ будто бы защищаетъ, когда никто не намѣренъ нападать на нее; ибо необходимая осторожность заставила ввести Россійскія войска въ Валахію.

„Декабря 29 Россійской Посланникъ выѣхалъ изъ Константинополя со всѣми своими чиновниками и купцами. Всѣ

они могли свободно и безпрепятственно удалиться, тогда какъ Французской Консулъ, находившійся въ Яссахъ, отведенъ въ плѣнъ въ Россію, не смотря на то, что сами же Русскіе дали ему пропускной видъ для отъѣзда въ Австрію.

Г. Рейнгардъ былъ задержанъ; однакожь онъ немедленно получилъ свободу, лишь только узнали о томъ въ С. Петербургѣ. Никто не вѣдаетъ, почему Французы называютъ г-на Рейнгарда дипломатическимъ Агентомъ. По качеству генеральнаго Консула онъ безъ сомнѣнія состоитъ подъ защитою права народнаго; но что значитъ генеральный Консулъ при Губернаторѣ провинціи? Французское правительство почитаетъ Господарей Турецкими Губернаторами; слѣдственно г. Рейнгардъ не могъ быть дипломатическимъ Агентомъ. Какъ бы то ни было, повторимъ еще, что Правительство Россійское, увѣдомясь о задержаніи г-на Рейнгарда, немедленно предписало отпустить его.

„30 Числа въ Константинополѣ провозглашено объявленіе войны. Мечь и шуба знаки верховнаго начальства, посланы къ великому Визирю. Военные вопли раздались во всѣхъ мечетяхъ Всѣ Оттоманы единодушно и торжественно признались, что оружіе остается един-

ственнымъ средствомъ предохранить Имперію отъ властолюбія непріятелей.

„Не много было народовъ, которые съ такою хитростію, съ такимъ постоянствомъ исполняли свои намѣренія, какъ Русскіе. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ они употребляли противъ Польши то хитрость, то насильство; теперь симъ же оружіемъ дѣйствуютъ противъ Оттоманской Имперіи.“

Цѣлая половина вѣка назадъ! Поводъ къ нынѣшней войнѣ подали хищенія, сдѣланныя за два года передъ симъ, а не за шестьдесять лѣтъ.

„Россія, употребляя во зло власть свою надъ Молдавіею и Валахіею, въ послѣднія войны приобрѣтенную, изъ средины сихъ провинцій повсюду раздуваетъ огонь безпокойства и мятежей; она ободряла возмутившихся Сербовъ противъ Турціи, пересылала къ нимъ оружіе, и отправляла офицеровъ своихъ для управленія ими.“

Для сей статьи довольно одного замѣчанія, а именно, что въ ней все до единаго слова солгано.

„Пользуясь природною жестокостію Черногорцовъ и склонностію къ грабительству, она подвигла ихъ къ мятежу и вооружила . . . .“

Черногорцы никогда не были подданными Оттоманской Порты, и съ давняго времени имѣли связи съ Россіею. Что же касается до природной ихъ жестокости и склонности къ грабительству, то Французамъ не было надобности приходить издалека испытывать на себѣ слѣдствія сей жестокости. Французы въ области Черногорской для угожденія честолюбію шайки Корсиканцовъ!! Вотъ война, которую по справедливости можно назвать непонятною!

„Такимъ же образомъ для будущихъ своихъ предпріятій Россія тайно вооружила Морею, прежде устрашивъ ее мнимыми опасностями, о которыхъ умѣла искусно распустить слухи.“

Сочинитель сего донесенія по крайней мѣрѣ долженъ бы сказать намъ, какія именно разумѣетъ онъ *мнимыя опасности*, или какія причины заставили его быть здѣсь скромнымъ, вовсе не къ стати.

„Наконецъ Россія подъ пустыми предлогами заняла Корфу и другіе острова Іонійскаго моря, которые и признаны ею независимыми.“

Россіяне имѣютъ законное право содержать войска на островахъ Іонійскихъ. Доказательствомъ тому служитъ пятая статья Константинопольскаго договора 1800 года Марта 21 дня.

„Россія всѣми средствами хитрости приготовила исполненіе своихъ намѣреній, искусно воспользовалась случаемъ войны между Франціею и Пруссіею, и явно устремилась къ своей цѣли съ тѣмъ насильствомъ, которое не знаетъ или не уважаетъ никакого права.

„Столь важныя обстоятельства заставляютъ меня напомнить вашему в. (*то есть вамъ г. Буонапарте*) поступки прежняго Французскаго правительства, и открыть причины настоящихъ событій. Изъ числа всѣхъ ошибокъ его, самая пагубная, слѣдственно ни чемъ не извинительная, состояла въ томъ, что оно съ непонятною оплошностію допустило совершиться первому раздѣлу Польши, которому легко могло положить препоны. Безъ сего перваго раздѣла не было бы втораго и третьяго. Польша и теперь существовала бы; уничтоженіе оной не оставило бы пустаго мѣста, и Европа избѣгла бы потрясеній и безпокойствъ, которыя безпрестанно мучили ее въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія.“

Извѣстно, что Буонапарте присылалъ въ Мемель предложенія о мирѣ; въ наставленіи для сихъ безплодныхъ переговоровъ написаны были слѣдующія достойныя примѣчанія слова: Ц. И. и К. В. (*то есть*

Буонапарте) пріѣхалъ въ Польшу нарочно для того „чтобъ увидѣть страну сію, и „теперь увѣрился, что она не можетъ „быть государствомъ независимымъ.“ — Буонапарте увѣрился въ томъ не прежде, какъ уже по окончаніи сраженія подъ Прейсишь-Эйлау! Министрамъ его, кажется, надлежало бы помнить Венецію, и быть поскромнѣе, когда говорятъ о раздѣлѣ.

— „Версальскій кабинетъ увеличилъ сію ошибку еще тѣмъ, что оставилъ одну Порту сражаться съ Россіею, и допустилъ ее до болѣзненныхъ пожертвованій, когда могъ предотвратить ихъ, когда удобно могъ помочь ей или въ 1783 году послѣ заключенія мира, или спустя потомъ пять лѣтъ, то есть при началѣ войны, окончившейся бѣдственнымъ миромъ 1791 года. Отъ сего небреженія о выгодахъ Франціи и всей Европы теперь для обѣихъ настали бы новыя пагубнѣйшія слѣдствія, если-бы ваше в. (*то есть надлежало бы сказать: вы*) не уничтожили оныхъ.

„Но ваше в. (*то есть: вы*) сдѣлали все, чтобы заставить непріятелей вашихъ желать мира; вы еще приготовили всѣ способы заключить миръ; ибо не льзя думать, чтобы Россія отвергла всѣ благодѣянія мира, и не захотѣла бы дать обѣщанія, котораго

ваше в. (*то есть: вы*) требуете отъ нее, а именно удержаться отъ покушенїй противъ южныхъ сосѣдственныхъ ей Государствъ, покушенїй, дѣлаемыхъ ею уже тридцать лѣтъ, и нынѣ возобновляемыхъ."

Забота о благосостоянїи сосѣдственныхъ Россїи южныхъ государствъ открываетъ преобширное поле для дѣятельности Французскаго правительства; ибо *во первыхъ* граница между Россїею и Китаемъ на югѣ въ длину простирается на 1,150 Французскихъ миль, полагая ихъ въ градусѣ 25; *во вторыхъ* южная Россїя сопредѣльна съ малою и среднею Киргизскими ордами, и черта раздѣляющая ее отъ сихъ народовъ простираетъся на 850 миль; *наконецъ* земли Кавказскихъ народовъ, прикосновенныя къ южной Россїи, простираются на 350 миль. Можно утвердительно сказать, что Французской Министръ не знаетъ даже имень сихъ южныхъ народовъ, для которыхъ г. Мантель въ своей Географїи потрудился выдумать особливыя названїя. Люди, которые говорятъ о томъ, что имъ вовсе неизвѣстно, обыкновенно впадаютъ въ пустословїе; для того мы думаемъ, что Французской Министръ самъ не ожидаетъ важныхъ слѣдствїй отъ сего ходатайства за южныя государства, и приступаемъ къ окончанїю донесенїя.

„равнымъ образомъ признать ненарушимость и независимость Оттоманской Имперіи, необходимую связь имѣющія со благомъ Франціи и спокойствіемъ всего міра. Варшава. 29 Января 1807.

Подписано:

К. Мавр. Талейранъ, Кн. Бенев.

Хотя сіе донесеніе подписано Талейраномъ; однакожь солдатской тонъ, Ипалійскія выраженія, колкія и несправедливыя укоризны, грубое ругательство, словомъ, все обнаруживаетъ, что самъ великой мужъ написалъ его. Онъ, какъ видно, хотѣлъ доказать, что въ немъ нѣтъ ни крошки властолюбія, и что напротивъ того другіе питаютъ страсть сію!

(*Оттуда же.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Откладываемъ до слѣдующей книжки *Посланіе въ сенатъ отъ Буонапарте* и принадлежащее къ нему *Донесеніе военнаго Министра Александра Вертье*; теперь скажемъ только, что въ нихъ уже не упоминается ни о *Греческой тіарѣ*, ни объ *устрашенныхъ батальйонахъ*. Читатели найдутъ и

намъ очень много нелѣпостей; но также найдутъ, что врагъ человѣческаго рода начинаетъ уже говорить другимъ тономъ. Онъ чувствуетъ, что гордость его унижена; видитъ, что крѣпости смѣютъ сопротивляться ему, и что храбрыя войска готовы съ нимъ сражаться.

Имѣя полное упованіе на Промыслъ, поборающій истинѣ и правдѣ, не льзя не ожидать счастливыхъ слѣдствій. Будущее покрыто тмою неизвѣстности; по крайней мѣрѣ уже достовѣрно можно сказать, что Россіи и вѣрнымъ союзницамъ ея не предстоитъ опасность, и что усилія и пожертвованія народовъ для общаго блага не потеряны.

Французское правительство какъ ни старается прикрыть злыя свои намѣренія; однакожь всякой знаетъ, что оно единственно заботится о средствахъ посадить Корсиканцевъ на всѣхъ престолахъ Европейскихъ; всякой также знаетъ, что Всемилостивѣйшій нашъ ИМПЕРАТОРЪ напрягши всѣ силы единственно печется о средствахъ сохранить престолы для законныхъ Государей. Одни только законные Государи, одни только Отцы своего народа могутъ царствовать; а Корсиканскіе выходцы иначе не властвуютъ какъ посредствомъ насилія, наемныхъ доброхотовъ, сырой полиціи, темничныхъ оковъ и казней.

Война, которая теперь продолжается надъ Вислою, есть брань между Монархїею и Тираннїею. Здѣсь слово *Тираннїя* употреблено въ истинномъ его значенїи; ибо древнїе называли Тираннами государей, которые по своему роду не имѣли права царствовать. Тираннїя до сихъ поръ ужасала Европу, угрожая ей погибелїю; нынѣ друзья Монархїи ободрились.

*

Находимъ весьма справедливое замѣчанїе въ одномъ Нѣмецкомъ листкѣ, напечатанномъ въ Ригѣ. Издатель пишетъ: Французской Генералъ Буонапарте — ибо срокъ его консульства давно уже минулъ — дерзаетъ у старинныхъ, законныхъ государей отнимать престолы; дерзаетъ объявлять уничтоженными королевства и республики, въ службѣ коихъ онъ быть недостоинъ; дерзаетъ раздаривать ихъ своимъ братьямъ. Для чего ни одинъ изъ дворовъ, которые по договорамъ, уже давно нарушеннымъ, признали его и братьевъ государями, для чего до сихъ поръ не уничтожилъ сего признанїя? Думали прежде, что Буонапарте будетъ честнымъ и благомыслящимъ человѣкомъ; теперь вышло противное; слѣдственно и признанїе само собою уничтожается. Однакожь торжественное, подкрѣпленное доказательствами отреченїе было бы рѣшительнѣе. Не больно ли законнымъ государямъ, что

онъ себя и братьевъ своихъ равняетъ съ ними? Притомъ же въ самой Франціи почитаютъ его монархомъ только потому, что нѣкоторые законные государи признали его въ семъ достоинствѣ. Какъ скоро они отнимутъ у него типло, то и народъ Французской вспомнитъ, какимъ образомъ ввели его въ обманъ подложными списками при собираніи голосовъ; тогда исчезнетъ мечтательный блескъ въ глазахъ народа; вѣнчаніе хищника явится тѣмъ, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ, то есть политическою игрушкою, и вѣнецъ его превратится въ обыкновенную шапку разбойника.

Въ томъ же листкѣ находимъ статью, показывающую, что въ Буонапарте и сообщникахъ его видны признаки намѣренія исправиться, и что сіи удальцы наконецъ вспомнили, какое почтеніе они повинны воздавать законнымъ государямъ. Вся Европа знаетъ, сколь неистовыя ругательства изрыгалъ онъ въ публичныхъ листкахъ Парижскихъ и вообще печатаемыхъ подъ его покровительствомъ. Теперь губернаторъ его въ Байрейтѣ запретилъ издавать выходившую тамъ газету, по той причинѣ, что „въ ней находились статьи, оскорбитель„ныя для вѣнчанныхъ главъ.“ Очень похвально, — ежелибъ только Буонапарте себя и своихъ братьевъ выключилъ изъ числа особъ вѣнчанныхъ!

Новѣйшія извѣстія показываютъ, что Буонапарте съ войскомъ своимъ двигнулся назадъ къ Маріенбургу (вѣроятнѣе къ Маріенвердеру), началъ отступленіе сіе тѣмъ, что зажегъ городъ Либштадтъ, и запретилъ тушить огонь. Причина? Семь тысячь больныхъ его солдатъ лежало въ Либштадтѣ! Холодной потъ выступаетъ на лицѣ честнаго человѣка при одной мысли о семъ злодѣйствѣ. Щадя собственное сердце, можно сомнѣваться въ истинѣ. Но положимъ, что извѣстіе о пребываніи больныхъ въ Либштадтѣ недостовѣрно; за чемъ зажигать городъ неукрѣпленной, неопасной, давно уже ограбленной? Какъ назвать поступокъ сей, ежели не злодѣйскимъ зажигательствомъ и убійствомъ? „Убійца и зажигатель!“ вопіютъ тысячи жителей мѣстъ, которыя онъ оставляетъ. „Убійца и зажигатель!“ вопіютъ несчастные, къ которымъ онъ приближается.

Пишутъ, что Генералъ Лефевръ умеръ отъ Прусскаго ядра, вылетѣвшаго изъ Данцигской башареи; по другимъ извѣстіямъ видно, что онъ не могъ перенести ядовитыхъ упрековъ отъ Буонапарте за неудачную осаду, и — застрѣлился. Ежели Генералъ Лефевръ заслужилъ упреки, что не могъ взять укрѣпленнаго Данцига; то чего достоинъ Генералъ Буонапарте, со стыдомъ отступившій отъ неукрѣпленнаго Кенигсберга. —

онъ, которой донесъ своему сенату, что непремѣнно вступишъ въ сей городъ? За это одно заслуживаетъ онъ по крайней мѣрѣ быть лишенъ начальства и посаженъ въ крѣпость.

Изъ Мессины увѣдомляютъ, что война продолжается въ Калабріи, но что разныя обстоятельства до сихъ поръ препятствовали высадить войска на твердую землю. Восемь пѣхотныхъ полковъ Англійскихъ, два эскадрона конницы и двѣ роты артилерійскія съ Генералами Фразеромъ, Кулемъ и Митомъ отправились на корабляхъ изъ Сициліи — неизвѣстно куда; съѣстныхъ потребностей взято на шесть недѣль, сверхъ того нѣкоторое количество извести, кирпичей и строеваго лѣсу. Думали, что войска сіи поплыли къ Египту. Въ новѣйшихъ листкахъ пишутъ, что Генералъ Фразеръ уже овладѣлъ Александріею; очень вѣроятно: ибо извѣстно, что Беи Египетскіе рѣшительно отказались повиноваться Султану. Между тѣмъ въ Сициліи стараются неусыпно объ устроеніи войска и земскаго ополченія, и готовятся, какъ видно, въ скоромъ времени послать ихъ въ Калабрію, куда также спѣшитъ и Бертье Французской Генералъ, ибо Массена призванъ къ большой арміи въ Прусскую Польшу.

Увѣряютъ, что Англійскія войска, назначенныя дѣйствовать въ сѣверной Германіи, уже отплыли къ берегамъ Балтій-

ckаго моря. — Изѣѣстно, что Адмиралъ Дуквортъ, которой прибытіемъ своимъ ко стѣнамъ сераля привелъ въ ужасъ Диванъ и всѣхъ жителей Константинопольскихъ, возвратился-было на Средиземное море. Французскіе газеты гласятъ, что Турецкой флотъ *преслѣдуетъ* его. Какъ будто Англичане боятся встрѣтиться съ Турками! Гораздо вѣроятнѣе, что Дуквортъ, какъ слышно, опять намѣренъ пуститься къ Босфорскому проливу. — Пушечной громъ возвѣстилъ въ Лондонѣ о взятіи приступомъ Испанской крѣпости Монте-Видео. Губернаторъ съ 2000 человѣкъ войска достался въ плѣнъ побѣдителю, Англійскому Генералу Акмути. Прочіе Испанцы ушли на лодкахъ. Убито ихъ на приступѣ 800, ранено 500 человѣкъ. Монте-Видео гораздо крѣпче Буэносъ-Айреса, противъ котораго Англичане намѣрены опять послать войска.

Число Испанскихъ войскъ, которыя должны присоединиться къ Французской арміи собранной въ Фріулѣ; и назначенной дѣйствовать въ Турціи, простирается до двадцати пяти тысячь По другимъ извѣстіямъ видно, что Испанцы идутъ къ Эльбѣ для усиленія большой Французской арміи.

Іеронимъ Буонапарте, начальствующій въ Силезіи, велѣлъ срыть Бресласкую и Швейдницкую крѣпости до основанія. Нейсе и другія укрѣпленныя мѣста содержатся

въ осадѣ. Прусское войско въ Силезіи простирается до 17,000; жаль только, что не всѣ люди вооружены, какъ бы надлежало.

Императоръ Францъ II. пріѣзжалъ изъ Офена въ Вѣну на самое коротkое время, по случаю кончины Императрицы, его супруги. Е. В. скоро отправился обратно въ Венгрію; гдѣ собранъ Сеймъ для важнѣйшихъ дѣлъ государственныхъ. — Е. В. Король Шведскій прибылъ въ Штралзундъ съ тридцатью тысячами свѣжаго войска. Не даромъ Мортье поспѣшилъ - было заключить со Шведами перемиріе, котораго однакожь Король не подтвердилъ.

Бѣлградъ и Сабачь въ рукахъ Сербовъ. Черный Георгъ покорилъ почти всю Боснію.

Нѣмцы, потерявъ почти все, чѣмъ доро-жить можно на землѣ, рѣшились искать добычи на небѣ, и открыли двѣ новыя планеты. Одна, между Марсомъ и Юпитеромъ находящаяся, наименована *Вестою*; другая, между Сатурномъ и Ураномъ бѣгъ свой совершающая, получила названіе *Тифона*. Г. Олберсъ замѣчаетъ, что первой изъ сихъ планетъ дано весьма приличное названіе; ибо „Веста почиталась богинею непорочныхъ „нравовъ, чистой добродѣтели и домашняго „счастія.“ Долго надобно ломать голову, чтобы добраться, какую имѣютъ связь непорочные нравы, чистая добродѣтель и до-

машнее счастіе съ новооткрытымъ небеснымъ тѣломъ, плавающимъ вокругъ солнца въ неизмѣримомъ пространствѣ!

Г. Шатобріанъ, извѣстный писатель, 30 Марта приплылъ въ Алжезиразъ отъ береговъ Варварійскихъ. Онъ путешествовалъ по Греціи, посѣщалъ Константинополь, Іерусалимъ, Египетъ и развалины древней Карѳагены. До возвращенія во Францію, ему захотѣлось побывать въ Гренадѣ и Мурціи, и взглянуть на памятники Мавританскіе.

Г. Лаландъ, славный Астрономъ и великой затѣйникъ, недавно умеръ въ Парижѣ. Онъ просилъ, чтобы по смерти его тѣло рознято было по частямъ, и положено въ Музеумъ натуральной исторіи. Въ завѣщаніи его написано: „Желаю, чтобы тѣло мое „пригодилось для анатомическаго раздробленія; болѣе ни къ чему оно служить не „можетъ.“

Трибунъ Карїонъ Низасъ умеръ отъ ранъ. Читатели спросятъ, какая нужда знать о Трибунѣ Карїонѣ Низасѣ? О, великая! это самой тотъ, которому хотѣлось, чтобы всѣ народы Европейскіе присылали депутатовъ плясать вокругъ истукановъ богатыря Наполеона и праведницы Женевьевы.

27 Мая.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ, 1807.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Изящныя искусства.

(Окончаніе.)

Выше сказано, что изящныя искусства, при совершенствѣ своемъ, служатъ наилучшимъ средствомъ вдохнуть въ сердца людей привязанность ко всему изящному, ко всему доброму, — что истинѣ даютъ случай и возможность дѣйствовать, и самую добродѣтель облекаютъ въ прелестную наружность, — что побуждаютъ людей къ добру, и удерживаютъ ихъ отъ зла, — и что наконецъ, когда человѣкъ руководствуясь разумомъ найдетъ путь къ истинной пользѣ своей, подкрѣпляютъ силы его въ семъ теченіи.

Нельзя утвердительно сказать, чтобъ изящныя искусства когда-либо находились

на сей высочайшей степени своего совершенства; однакожь нѣтъ сомнѣнія, что было время, когда онѣ возносились очень высоко и приближались къ послѣдней точкѣ. Греки имѣли надлежащее понятіе объ изящныхъ искуствахъ, которыя служили у нихъ наукою благонравія, подпорою философіи и даже самой вѣры. И такъ не удивительно, что почести, слава и другія награды были удѣломъ Греческихъ художниковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ витіи занимали первыя мѣста государственныя. Законодатели и правители почитали стихотворцовъ людьми отличными, людьми, которые могли давать большій вѣсъ законамъ. Гражданскіе и военные чиновники, и вообще граждане, почитали Гомера лучшимъ наставникомъ своимъ и совѣтникомъ. Потому-то Ликургъ, бывши на островѣ Критѣ, собралъ пѣсни сего стихотворца. Онъ привезъ въ Спарту пѣвца Ѳалеса, чтобы легче совершить великой подвигъ законодательства. „Древніе думали — говоритъ Страбонъ — что стихотворство есть нѣкоторымъ образомъ первая философія, съ младенчества показывающая намъ дорогу къ правильной жизни, научающая насъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать; а наши философы (Пиѳагорейцы) только стихотворца истинным мудрецомъ почитаютъ.“ Въ самомъ дѣлѣ Греки учили дѣтей своихъ прежде всего

стихотворству. Сїе искуство служило у нихъ не для забавы только, но и для образованїя разума. Равнымъ образомъ мусикїйскїе художники почитались наставниками благонравїя; Гомеръ называетъ пѣвцовъ учителями. Вообще о Грекахъ съ большимъ приличїемъ можно сказать тоже самое, что одинъ Римлянинъ говоритъ о своихъ предкахъ, а именно что у нихъ всѣ искуства употребляемы были для пользы общественной (*).

О почестяхъ, о славѣ, о великихъ наградахъ, коими въ Грецїи истинные художники пользовались, нѣтъ надобности говорить подробно; сочиненїя древнихъ представляютъ множество тому примѣровъ.

Всѣ торжественныя празднества, всѣ общественныя дѣйствїя и учрежденїя подкрѣпляемы были изящными искуствами. Совѣтованїя правителей, слова въ честь воиновъ и гражданъ, скончавшихъ жизнь свою въ служенїи отечеству, памятники въ воздаянїе знаменитыхъ подвиговъ, набожныя празднованїя съ многоразличными обрядами, зрѣлища, которыя иногда составляли часть упомянутыхъ празднованїй, и для которыхъ

*) Nullam majores noftri artem eſſe voluerunt, quae non aliquid reipublicae commodaret. Servius ad Aeneid. L. VI.

правительство не щадило ни стараній, ни издержекъ — все сіе доставляло случай художникамъ работать умомъ и способностями, а изящнымъ искуствамъ дѣйствовать на умы гражданъ. Были изданы законы, служащіе къ распространенію хорошаго вкуса, и къ пресѣченію злоупотребленій.

Гетруски не менѣе старались распространить власть изящныхъ художествъ. Хотя мы немного знаемъ о гражданскомъ устройствѣ сего народа, Римлянами уничтоженнаго; однакожь различные остатки Гетрускихъ издѣлій достаточно свидѣтельствуютъ, что изящныя искуства имѣли у нихъ ближайшую связь со всѣми вещами, въ жизни употребляемыми. Изъ того заключаютъ, что всякой гражданинъ куда ни обращалъ взоры, что ни бралъ въ руки свои, вездѣ находилъ случай воспоминать о богахъ, о мужахъ знаменитыхъ, о вѣрѣ, о благородныхъ поступкахъ.

Таково было употребленіе изящныхъ искуствъ въ златые дни Греческой и Гетрурійской свободы. Но когда мало по малу исчезли благородныя понятія о благѣ общественномъ, когда правители и вельможи отдѣлили свою частную пользу отъ государственной, когда любостяжаніе и роскошь ослабили души; тогда изящныя искуства

перестали оказывать услуги всему обществу, стали употребляемы быть какъ средства пышности, и лишились своего достоинства. Слѣдующій примѣръ показываетъ, до какого злоупотребленія изнѣженные Греки довели изящныя художества. Выпишемъ слова Англичанина Темпля Станіана изъ его Греческой исторіи: „Аѳиняне, избавившись отъ опаснаго своего непріятеля (Эпаминонда), предались забавамъ, и думали только о празднествахъ и позорищахъ. Склонность сія доходила до чрезвычайности; страсть ко зрѣлищамъ останавляла производство дѣлъ государственныхъ, и подавляла чувствованія славы. Стихотворцы и дѣйствующіе на позорищахъ исключительно пользовались вниманіемъ и уваженіемъ народа, такимъ уваженіемъ, на которое имѣли право только люди, защищавшіе свободу отечества, подвергая опасности жизнь свою. Сокровища, назначенныя для содержанія войска и кораблей, расточаемы были на зрѣлища. Плясуны и пѣвицы утопали въ роскоши, между тѣмъ какъ полководцы терпѣли нужду, и на корабляхъ своихъ едва довольствовались хлѣбомъ, сыромъ и лукомъ. Издержки для зрѣлищъ были таковы, что представленіе одной только трагедіи Софокловой или Эврипидовой, по свидѣтельству Плутарха, стоило дороже войны противъ Персовъ. Для позорища употреблена казна

общественная, которая за нѣсколько времени передъ тѣмъ отложена была на самыя необходимыя нужды, не смотря на законъ, грозившій смертною казнію тому, кто дерзнулъ бы предложить о другомъ назначеніи сокровища.“

И такъ, что при началѣ своемъ служило способомъ привязать людей къ ихъ должности, то послѣ обращено для праздности и для истребленія благородныхъ чувствованій. Скоро потомъ богачи стали держать при себѣ художниковъ, какъ прежде поваровъ держали. Искуства, которыя прежде составляли крѣпительныя, цѣлебныя лѣкарства для умовъ, стали приготовлять душистыя мази. Въ такомъ состояніи нашли ихъ Римляне, покоривъ Грецію и Египетъ; въ такомъ состояніи перешли онѣ въ Римъ. Въ златое время, когда художества направляемы были къ полезной цѣли, самые художники пользовались важными преимуществами; Софоклъ былъ Архонтомъ въ Аѳинахъ: но во времена Цезарей гражданамъ рыцарскаго достоинства вмѣняемо было въ безчестіе, когда они являлись на ѳеатрѣ.

Августъ хотѣлъ изящныя искуства направить къ благородной цѣли; тому служатъ доказательствомъ Виргиліевы и Гораціевы сочиненія: но послѣ смерти его онѣ

до послѣдней степени унизились. При Неронѣ званіе стихотворца, мусикійскаго художника и дѣйствующаго на ѳеатрѣ почиталось наравнѣ со званіемъ плясуна по веревкѣ. Такимъ образомъ достоинство изящныхъ искуствъ мало по малу исчезало въ Греціи и въ Римѣ. Въ новѣйшія времена пристрастіе къ росконіи и пышности способствовало возстановленію художествъ; и потому не удивительно, что немногіе защитники ихъ и покровители смотрятъ на нихъ съ надлежащей точки, и знаютъ истинную ихъ цѣну; не удивительно также, что изящныя искуства нынѣ суть не что иное, какъ тѣнь того, чѣмъ они были прежде. По нынѣшнему гражданскому устройству онѣ уже не имѣютъ прежнихъ способовъ являть свою силу. Гражданскіе наши праздники совершаются не съ такою торжественностію, которая показала бы искуства въ полномъ ихъ сіяніи. Ежели какому-нибудь художнику и удается — что очень рѣдко бываетъ — положить печать истиннаго искуства на своемъ произведеніи; то это по большей части есть дѣло природной способности и случая, а не намѣренія тѣхъ, кои заставили его работать. Сверхъ того нынѣ рѣдко спрашиваютъ художниковъ при общественныхъ празднествахъ.

Кажется, что понятіе о важности ихъ и о надлежащемъ употребленіи совсемъ по-

терянно; самымъ яснымъ тому доказательствомъ служитъ худой выборъ предметовъ. У насъ на театрахъ весьма часто представляютъ Аполлона, Дїану, Эдипа, Агамемнона и другихъ вымышленныхъ или совершенно постороннихъ намъ боговъ и героевъ; но очень рѣдко показываютъ людей, близкихъ къ нашему сердцу. Живописецъ, изобразившїй какое либо вздорное, а иногда и соблазнительное приключенїе, изъ древняго баснословїя почерпнутое, пользуется одинакимъ правомъ на благодарность съ тѣмъ, которой выбираетъ для себя истинное, поучительное событїе; различїе наблюдается только въ достоинствѣ работы. Тоже можно сказать и о прочихъ искусствахъ. Чтобы показать злоупотребленїе искуствъ, довольно упомянуть объ извѣстномъ предсставленїи, называемомъ *Оперою*, которая соединяетъ въ себѣ всѣ изящныя художества. Можно ли выдумать что-либо нескладнѣе, несообразнѣе своему назначенїю? А зрѣлища, которыя нынѣ по большей части годятся только забавлять дѣтей, при лучшемъ употребленїи изящныхъ искуствъ, были бы самою полезною забавою.

Что наши современники не знаютъ божественной силы изящныхъ искуствъ, и имѣютъ о пользѣ ихъ самое низкое понятїе, явствуетъ изъ того, что онѣ служатъ только

для хвастовства и роскоши. Художественныя произведенїя спрятаны въ чертогахъ вельможескихъ, куда народъ не имѣетъ доступа. Если же иногда призывается помощь изящныхъ искуствъ по случаю общественныхъ праздниковъ, то сїе дѣлается отнюдь не съ намѣренїемъ удобнѣе достигнуть цѣли первобытнаго назначенїя оныхъ, но только чтобъ ослѣпить народъ блескомъ, а знатныхъ предохранить отъ зѣвоты. Вотъ нынѣшнее употребленїе искуствъ! никто не думаетъ, какую пользу онѣ могли бы приносить, будучи употребляемы для богослуженїя, для общественныхъ памятниковъ, для зрѣлищъ, и всякой дѣлаетъ съ ними, что хочетъ. Видимъ иногда хорошее на театрахъ; иногда стихотворцы трудятся для истинной пользы: но къ несчастїю все сїе случается безъ содѣйствїя верховной власти. Посмотрите внимательно на зданїя наши, на жилища, на сады, словомъ на все, въ чемъ изящныя искуства имѣютъ участїе, и скажите, служатъ ли онѣ къ очищенїю вкуса, къ возвышенїю ума, къ исправленїю сердца? Въ семъ случаѣ можно оправдывать Жанъ Жака Руссо и Лорда Литтлетона, въ разговорахъ коего доброй Катонъ признается, что лучше хотѣлъ бы жить во времена Фабриция и Цинцинната, съ трудомъ умѣвшихъ писать, нежели въ славной вѣкъ Августовъ, когда искуства процвѣтали.

Что касается до способностей и до ремесленной части, мы едва ли уступаемъ древнимъ, хотя нѣкоторые люди и стараются утверждать противное. Въ механическихъ искуствахъ мы почти вообще превосходимъ ихъ. Многіе нынѣшніе художники имѣютъ столь же нѣжную разборчивость, какою Греки славились. Нынѣ распространившіяся науки и лучшее знаніе природы открываютъ обширное поле для дарованій; слѣдственно есть возможность поставить искуства на степень величія; но правительства или не стараются ободрять ихъ надлежащимъ образомъ и направлять къ истинной цѣли, или же употребляютъ ихъ единственно для пышности: попому-то самой лучшій художникъ не отличается отъ хорошаго ремесленника; попому-то художника почитаютъ человѣкомъ, которой только что забавляетъ вельможъ или общество, и разгоняетъ скуку богатыхъ празднолюбцевъ.

Ежели мудрая власть законодательная не подниметъ художествъ и не направитъ ихъ къ важной цѣли; то усилія отличнѣйшихъ художниковъ останутся тщетными. Художникъ не виноватъ, что искуства находятся въ низкомъ состояніи. Хотя бы онъ и могъ дарованіемъ своимъ споспѣшествовать возвышенію ихъ; но рѣдко употребляемыя

старанїя, и притомъ однимъ человѣкомъ, не сдѣлаютъ ощутительной перемѣны.

Самые художники затвердили по общему предразсудку, что забавлять богачей и веселить людей праздныхъ есть главное ихъ дѣло. Какимъ же образомъ отличная способность можетъ вознестись на высоту совершенства, имѣя столь слабую подпору? Гдѣ возметъ она быстроту? Малыя причины не даютъ великихъ силъ. Вотъ отъ чего остаются безъ дѣйствїя превосходные дары природы, которая съ одинакою щедростїю надѣляла ими и древнихъ и новыхъ.

Если бы глава народа призывалъ художника не въ кабинетъ, гдѣ онъ является какъ человѣкъ частной, но къ подножїю престола своего; если бы здѣсь возлагалъ на него важныя препорученїя, какъ возлагаетъ на полководца, на стража правосудїя, на блюстителя общественнаго благочинїя; если бы въ предначертанїи законодателя вмѣщены были намѣренїя съ помощїю изящныхъ искуствъ удерживать народъ въ должности законнаго повиновенїя, и весили его къ гражданскимъ добродѣтелямъ: тогда возрасли бы силы дарованїй, и произвели бы нѣчто великое; тогда искуства наши конечно превзошли бы всѣ чудеса древности. Хотите ли имѣть великихъ художниковъ? Сдѣлайте, чтобы про-

изведенїя ихъ обратили на себя вниманїе всего народа; доставьте художнику случай явиться въ такомъ видѣ, въ какомъ является чиновникъ государственный. Увѣренность въ содѣйствїи возвышенїю цѣлаго народа можетъ возбудить всѣ силы дарованїя.

До сихъ поръ говорено о сущности, цѣли и достоинствѣ изящныхъ искусствъ. Теперь не трудно найти дорогу къ истинной ихъ теорїи, которая заключается въ отвѣтѣ на слѣдующїй вопросъ: „Какимъ образомъ природная способность ощущать прїятность и непрїятность можетъ быть употреблена къ возвышенїю разума, и сдѣлаться средствомъ удержать людей въ предѣлахъ должности?“ Въ отвѣтѣ, говорю, на сей вопросъ художникъ найдетъ свою дорогу, а правитель найдетъ способъ къ усовершенствованїю изящныхъ искусствъ и къ полезному употребленїю оныхъ.

Обстоятельное рѣшенїе вопроса было бы здѣсь не у мѣста; мы коснемся только важнѣйшихъ предметовъ его. Теорїя чувственности есть труднѣйшая часть философїи. Баумгартенъ сдѣлалъ изъ нее особую науку, которую назвалъ *Эстетикою*, отъ Греческаго глагола *αἰσθάνομαι чувствую.*

Сколько въ природѣ есть путей къ возвышенїю человѣка посредствомъ чувствен-

ныхъ впечатлѣній, на столько главныхъ вѣтвей раздѣляются искуства; и сколько въ каждомъ пути есть способовъ эстетическою силою дѣйствовать на душу, на столько другихъ меньшихъ вѣтвей раздѣляется каждое искуство. Посмотримъ, не льзя ли составить изъ нихъ цѣлое древо изящныхъ художествъ.

Вообще всѣ впечатлѣнія доходятъ до души одною дорогою, то есть чрезъ внѣшнія чувства; но способы дѣйствовать на душу различны, ибо свойства чувствъ не одинаковы. Одинъ и тотъ же предметъ дѣйствуетъ сильнѣе или слабѣе, смотря по свойству того чувства, чрезъ которое достигаетъ до души.

Чувства грубыя — осязаніе, вкусъ и обоняніе — весьма сильно дѣйствуютъ; однакожъ для изящныхъ искуствъ онѣ безполезны, потому что принадлежатъ къ плотской природѣ человѣка. Еслибъ изящныя искуства служили сладострастію, то конечно старались бы удовлетворять сіи три чувства; тогда наука приготовлять сладкія кушанья и благовонные составы была бы первою наукою. Но чувственность, споспѣшествующая возвышенію человѣческаго достоинства, есть совсемъ другаго рода; она питаетъ насъ не вещественными удовольствіями, но духов-

мыми: Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ изящныя художества посредствомъ силы воображенїя могутъ для своей пользы употреблять грубыя чувства; однакожь не такимъ образомъ какъ Магометъ, которой на обѣщанїи плотскихъ удовольствїй основалъ все свое ученїе.

Слухъ есть первое чувство, которое производитъ въ душѣ ощущаемое впечатлѣнїе. Звуки могутъ содержать въ себѣ любовь, благосклонность, ненависть, гнѣвъ, отчаянїе и другїе признаки души движимой страстями. Такимъ образомъ одна душа сообщаетъ другой свои чувствованїя, дѣлая въ ней впечатлѣнїя; такимъ образомъ можно производить въ сердцѣ благородныя чувствованїя: вотъ начало изящныхъ искуствъ. Первое и сильнѣйшее изъ нихъ, достигающее до души чрезъ чувство слуха, есть — *музыка*. Словесныя искуства также дѣйствуютъ на ухо; однакожь не въ этомъ состоитъ цѣль ихъ, и дѣйствїе ихъ простирается далѣе: звукъ слова есть только средство, помогающее впечатлѣнїю. Главная сила словесныхъ искуствъ заключается не въ звукѣ, но въ значительности словъ.

Зрѣнїе уступаетъ слуху въ разсужденїи силы, но беретъ надъ нимъ верхъ обширностїю своею и многоразличїемъ. Предѣлы зрѣнїя гораздо обширнѣе предѣловъ слу-

ха, и глазъ можетъ видѣть даже что происходитъ въ сердцѣ. Красота, которая дѣлаетъ въ душѣ весьма пріятное впечатлѣніе, почти вездѣ открыта для глаза; сверхъ того онъ видитъ не одну красоту, но и добро и совершенство. Чего не найдетъ опытной глазъ въ лицѣ, въ образѣ, въ положеніи и въ движеніяхъ человѣческаго тѣла? Посредствомъ сего чувства *живопись* многоразличными способами дѣйствуетъ на душу.

Зрѣніе во многихъ точкахъ сопредѣльно съ воображеніемъ; часто мы видимъ предметы въ воображеніи, какъ бы въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на нихъ глазами. Кажется, что для изящныхъ искуствъ не оспается болѣе никакого чувства; но человѣческій разумъ, Верховнымъ Промысломъ водимый, изобрѣлъ для себя прекраснѣйшій способъ проникать до самыхъ тайныхъ сгибовъ сердца. Понятіямъ и мыслямъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего тѣлеснаго, онъ умѣлъ дать видъ вещественный, такъ что онѣ чрезъ тѣ же чувства переходятъ изъ одной души въ другую. Человѣческое слово, съ помощію слуха или зрѣнія, переноситъ каждое понятіе точно въ такомъ видѣ, въ какомъ оно родилось. Значительность слова состоитъ не въ звукѣ, ниже въ видимомъ образѣ своемъ на бумагѣ; слѣдственно въ вещественномъ видѣ слова должно

быть нѣчто духовное, посредствомъ чувствъ трогающее душу. Симъ чудеснымъ средствомъ пользуются словесныя искуства. Онѣ, въ разсужденіи внѣшней силы, не могутъ равняться съ другими, ибо не заимствуютъ оной отъ чувствъ тѣлесныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъятій, когда случайно потрясаютъ чувство слуха; но за то уже обширность ихъ дѣйствія съ избыткомъ замѣняетъ недостатокъ внѣшней силы. Онѣ трогаютъ всѣ струны воображенія, и о всякомъ ощущеніи даже грубыхъ чувствъ могутъ дать понятіе, не заимствуя отъ чувствъ (*) пособія.

И такъ не удивительно, что употребленіе словесныхъ искуствъ гораздо обширнѣе, нежели всѣхъ прочихъ. Онѣ увѣдомляютъ насъ обо всемъ, что въ душѣ произходитъ. Съ какой стороны, какимъ способомъ ни захотѣли бы вы произвести въ душѣ понятія или чувствованія, въ искуствѣ слова найдете многія къ тому средства. Словесныя искуства имѣютъ передъ другими преимущество еще въ томъ, что чудесными знаками

(*) То есть: о кушаньѣ, о твердомъ или мягкомъ тѣлѣ, могу дать другому понятіе посредствомъ словъ, не заставляя его ни отвѣдывать кушанья, ни прикасаться къ тѣлу. *Изд.*

своими скоро, легко, точно представляютъ одно понятіе въ другой и въ третій разъ. И такъ изящныя искуства раздѣляются на три главные рода. Иногда случается, что два изъ нихъ, или всѣ вмѣстѣ, дѣйствуютъ въ одно время: въ пляскѣ, напримѣръ, соединяются искуства, которыя веселятъ душу посредствомъ зрѣнія и слуха; въ пѣсняхъ музыка и стихотворство подаютъ одно другому взаимную помощь; на театрѣ дѣйствуютъ всѣ искуства. Зрѣлище есть преславнѣйшее изобрѣтеніе, болѣе всѣхъ споспѣшествующее возвышенію человѣческаго духа.

Каждое искуство опять раздѣляется на разныя вѣтви, о которыхъ вѣрнѣе можно судить по мѣрѣ эстетической силы, въ нихъ дѣйствующей. Такимъ образомъ есть особенныя вѣтви каждаго искуства, гдѣ напримѣръ художникъ трудится единственно для красоты; сюда принадлежатъ тѣ произведенія, которыя нравятся вкусу, каковы: пріятныя бездѣлки въ стихотворствѣ, цвѣты и сельскіе виды въ живописи, мѣлкія сочиненія, въ которыхъ кромѣ гармоніи и мѣры нѣтъ ничего опредѣленнаго, въ музыкѣ. Другія отрасли работаютъ для истины и совершенства; въ словесныхъ искуствахъ тому примѣры суть поучительныя рѣчи и стихотворенія, и повѣсти. Еще другія вѣтви единственно занимаются возбуж-

денїемъ страстей. Всѣхъ важнѣе та часть, гдѣ сїи отрасли соединяются и составляютъ одно древо.

Въ произведенїяхъ искуствъ образъ внѣшнїй имѣетъ въ себѣ такъ много случайнаго и произвольнаго, что никакъ не возможно назначить правилъ точныхъ, непремѣнныхъ. Какъ опредѣлить всѣ виды, въ которыхъ можетъ явиться, напримѣръ, драма, не теряя своей природы? Должно всячески остерегаться отъ затѣйливости, и не тѣснить способностей художника.

Общее и главное правило, по которому художникъ непремѣнно долженъ работать, состоитъ въ слѣдующемъ: „Надобно стараться, чтобы какъ цѣлое художественное произведенїе, такъ и части его имѣли выгоднѣйшее впечатлѣнїе въ чувствахъ и воображенїи, сколько можно болѣе плѣняли чувствительность, сколько можно болѣе врѣзывались бы въ память.“ Никогда работа художника не заслужитъ одобренїя, если нѣтъ въ ней красоты, порядка, однимъ словомъ, если нѣтъ на ней признаковъ хорошаго вкуса. Правда, что недостатокъ вкуса есть погрѣшность весьма ощутительная въ художественномъ произведенїи, однакожь не всегда самая важная.

Вотъ другое общее правило для художника въ разсужденіи выбора предметовъ: „Быбирай предметы, которые имѣютъ полезное дѣйствіе на разумъ и волю; ибо они только одни должны трогать насъ, и навсегда оставаться въ нашей памяти; все другое не заслуживаетъ вниманія.“

Тотъ иначе пойметъ сіе правило, кто подумаетъ, будто искуства должны единственно заниматься предметами нравоучительными, и болѣе ничѣмъ; нѣтъ, пусть художникъ изображаетъ чашу съ виномъ, или что угодно, только требуется, чтобы работа его была полезна.

Художественныя произведенія приносятъ важную пользу, печатлѣя въ насъ такія понятія, истины, правила и чувствованія, которыя возвышаютъ душу, и безъ которыхъ человѣкъ не можетъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ. Но художникъ получитъ право на благодарность и тогда, когда подкрѣпитъ въ насъ или возвыситъ склонность къ изяществу. Живописецъ, которой возмется расписывать мою комнату, заставитъ меня навсегда быть ему благодарнымъ, если труды его будутъ напоминать мнѣ о необходимыхъ моихъ обязанностяхъ. Положимъ, что онъ

и не сдѣлаетъ этого; работа его будетъ весьма похвальна и въ такомъ случаѣ, когда въ каждомъ изображенномъ предметѣ увижу что-нибудь служащее къ подкрѣпленію во мнѣ склонности къ изяществу.

И такъ изящныя искуства основываются не только на хорошемъ вкусѣ, но даже на разумѣ, на познаніи человѣческаго сердца и на добромъ намѣреніи споспѣшествовать общему благу.

(Изъ Сульц. Теор.)

II.

О праздникѣ дураковъ.

Славной Французской *праздникъ дураковъ* кратко описанъ въ Примѣчаніяхъ Волтина на Леклеркову Исторію и въ одной изъ книжекъ Вѣстника Европы, г-мъ Карамзинымъ изданныхъ. Ученый Антикварій г. Миллень недавно напечаталъ служебный обрядъ упомянутаго праздника, отысканный имъ въ книгохранилищѣ города Сана (Sens). Сообщаемъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя, достойныя вниманія, подробности, не касаясь однакожь тѣхъ, кои возбуждаютъ въ душѣ непреодолимое отвращеніе, и которыя

только Французскимъ перомъ описаны быть могутъ.

Служебный обрядъ, о которомъ здѣсь говорится, сочиненъ Петромъ Корбелемъ, Санскимъ Епископомъ, жившимъ въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія. При заглавіи книги помѣщено четырестишіе на варваро-латинскомъ языкѣ, на какомъ тогда вообще писали:

Festum stultorum, de consvetudine morum,
Omnibus urbs Senonis festivat nobilis annis,
Quo gaudet praecentor; tamen omnis honor
Sit Christo circumciso nunc semper et almo.

То есть: „Славный городъ Санъ, по старинному обыкновенію, ежегодно торжествуетъ праздникъ дураковъ, веселящій уставщика; однакожъ да будетъ честь обрѣзанному Христу, благому нынѣ и присно.“

Надобно знать, что во Франціи было много подобныхъ праздниковъ набожности и вмѣстѣ нечестія. Французы во всѣ времена отличались отъ другихъ народовъ необыкновеннымъ сумазбродствомъ. Возникаетъ ли въ умахъ гоненіе на еретиковъ — Французы жгутъ и убиваютъ вдругъ цѣлыя тысячи ихъ, а между тѣмъ поютъ Маротовы

псалмы, слѣдуя, какъ говоритъ Вольтеръ (*), уму своему всегда легкомысленному, и сердцу иногда весьма жестокому; разгоняется ли тма невѣжества — Французы, освободившись отъ пагубныхъ предразсудковъ, падаютъ въ другія, еще пагубнѣйшія; обращаются ли умы и сердца къ набожности кроткой, благодѣтельной — Французы тотчасъ вводятъ шутовскіе обряды, похожіе на древнія Римскія Сатурналіи; словомъ, Франція почти всегда была позорищемъ или нелѣпостей, или неистовства, почти всегда или смѣшила, или терзала себя и Европу.

Нелѣпые праздники Французскіе во многомъ походили на Сатурналіи, въ продолженіе коихъ изнѣженные Римляне предавались ужасному распутству. Извѣстно, что во времена невѣжества обыкновенно смѣшивали набожные обряды со зрѣлищами и народными праздниками. Странствующіе поклонники послѣ вечерни у самой церкви на подмосткахъ представляли благочестивыя драмы. Даже и у насъ въ Россіи природная склонность ко зрѣлищамъ, вопреки благоче-

---

(*) Въ Eſſai ſur les moeurs et l'éſprit des nations. Chap. CXXXVIII. Вольтеръ по скромности не могъ всего сказать о землякахъ своихъ, и сей отзывъ его можно почесть похвалою.

стію, до того простиралась, что въ храмахъ были совершаемы особливые обряды, напоминавшіе какое-либо произшествіе, въ священныхъ книгахъ описанное. Въ Архіерейскихъ престольныхъ городахъ, а особливо въ Москвѣ и Новѣгородѣ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ отправляемо было *пещное дѣйствіе* въ память бывшихъ въ пещи трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила. Описаніе сего обряда любопытные найдутъ въ шестой Части Древней Россійской Вивліоѳики. Къ чести старинныхъ обычаевъ Русскихъ должно сказать, что въ семъ обрядѣ, послѣ уничтоженномъ по ненадобности, ничего нѣтъ неблагопристойнаго, противнаго святости храма и чистотѣ нравовъ. Обрядъ пещнаго дѣйствія служитъ новымъ доказательствомъ, что господствующія мнѣнія и обычаи времени простирали власть свою отъ одного края Европы до другаго, не взирая на бывшія неудобства въ сообщеніи между народами.

Въ Рождественскія святки народъ предавался веселію и разнымъ забавамъ. Люди, представлявшіе Святаго Іосифа, Волхвовъ и Пастырей, всячески старались изъявить радость свою по грубому тогдашнему обыкновенію; быкъ и оселъ присутствовали въ яслѣхъ; раздавались торжественныя пѣсни въ честь таинственнаго воплощенія. Древній обычай

переряжаться былъ еще не совсѣмъ потерянъ; да и какъ обойтись безъ него, когда надлежало представлять историческія лица? Обряды сіи наконецъ уничтожились; осталось только въ народѣ обыкновеніе переряжаться во время святокъ и масленицы. Извѣстные въ Малороссіи, такъ называемые, *Вертепы*, или кукольные театры, въ святки показываемые, относить должно къ тому же старинному обыкновенію, которое пришло туда изъ Польши.

Во Франціи *праздникъ дураковъ* совершаемъ былъ при весьма странныхъ обрядахъ. На сей случай выбирали Епископа, а въ нѣкоторыхъ церквахъ Папу дураковъ. Священники вымарывали себѣ лица дрожжами, и одѣвались какъ можно смѣшнѣе; плясали идучи на клиросъ, и пѣли соблазнительныя пѣсни; діяконы и поддіяконы ѣли колбасы на олтарѣ при служащемъ священникѣ, играли въ карты и въ кости, и вмѣсто ладану клали въ кадильницу кожаные лоскутки изъ старыхъ башмаковъ. Потомъ весь причетъ садился на запачканныя телеги, и разъѣзжалъ по улицамъ, дѣлая непристойнѣйшія тѣлодвиженія. Г. Миллень велѣлъ вырѣзать изображенія церковныхъ столиковъ, на которыхъ видны монахи съ ослиными ушами и шутовскимъ жезломъ: надобно думать, что такъ наряжались лица, которыя участвовали въ обрядѣ.

Сей праздникъ совершался различнымъ образомъ; въ разныхъ мѣстахъ имѣлъ разныя наименованія, по причинѣ прибавленій, съ которыми былъ отправляемъ. Вотъ главныя названія: *праздникъ пьяныхъ діаконовъ* (diaconorum faturorum), *праздникъ рогоносцевъ*, *праздникъ невинныхъ* и проч.

Пѣніе стиховъ въ честь осла въ день Обрѣзанія составляло одинъ изъ главныхъ обрядовъ праздника дураковъ; въ семъ пѣніи заключалась похвала кроткому и полезному животному, бывшему свидѣтелемъ рожденія Іисуса Христа, и несшему его на хребтѣ своемъ при вшествіи въ Іерусалимъ. Санская церковь отправляла торжество сіе съ великою пышностію. Передъ вечернею духовенство совершало шествіе соборнѣ къ главнымъ вратамъ храма. Два пѣвца толстыми и протяжными голосами пѣли слѣдующіе стихи (передъ которыми въ красной строкѣ стояли слова: Circumcisio Domini in januis ecclesiae, т. е. Обрѣзаніе Господне при дверяхъ церкви):

Lux hodie, lux laetitiae! me judice, tristis
Quisquis erit, removendus erit solemnibus istis.

„Свѣтъ днесь, свѣтъ веселія! по мое-
„му мнѣнію, всякъ печальный да удалится
„отъ сего торжества.“

Также слѣдующіе:

Sicut hodie, procul invidiae! procul omnia moesta!
Laeta volunt, quicunque colunt asinaria festa.

„Сегодня прочь ненависть! прочь всѣ „печали! торжествующіе ослиный празд- „никъ желаютъ веселиться.“

Два каноника должны были привести осла къ столику, при которомъ уставщикъ читалъ чинъ обряда, и провозглашалъ имена особъ, коимъ назначено въ немъ участвовать. Въ городѣ Бове на ослѣ ѣхала до дверей храма молодая дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ. Кроткое животное подъ нарядною мантіею ведено было къ столику; между тѣмъ пѣли стихи:

Orientis partibus,
Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus,
Sarcinis aptissimus.
Hez, sire ane, hez!

Hic in collibus Sichen,
Enutritus sub Ruben,
Transiit per Jordanem,
Saliit in Bethleem,
Hez, sire ane, hez!

Saltu vincit hinnulos,
Dagmas et capreolos,
Super dromedarios
Velox Madianeos.
Hez, sire ane, hez!

Aurum de Arabia,
Thus et mirrham de Saba,
Tulit in ecclesia
Virtus asinaria.
Hez, sire ane, hez!

Dum trahit vehicula
Multa cum farcinula,
Illius mandibula
Dura terit pabula.
Hez, sire ane, hez!

Cum aristis hordeum
Comedit et carduum,
Triticum et palea
Segregat in area.
Hez, sire ane, hez!

Amen dicas, asine,
Jam satus ex gramine,
Amen, amen, itera,
Aspernate vetera.
Hez, sire ane, hez!

Слѣдуетъ переводъ:

„Отъ странъ восточныхъ притекъ оселъ
„благообразный, пресильный и преспособный
„носить тягости. Ге, господинъ оселъ, ге!

„Онъ воскормленъ Рувимомъ на холмахъ
„Сихемскихъ; перешелъ Іорданъ, и вскочилъ
„въ Виѳлеемъ. Ге, господинъ оселъ, ге!

„Онъ бѣгомъ побѣждаетъ лошаковъ,
„дикихъ козъ и козленковъ; онъ быстрѣе
„дромадеровъ Мадіанитскихъ. Ге, госпо-
„динъ оселъ, ге!

„Доблесть ослова принесла въ церковь
„злато Аравійское и мvрру Савскую. Ге,
„Господинъ оселъ, ге!

„Когда везетъ телегу съ тяжкимъ
„грузомъ, тогда челюстями своими третъ
„жесткой кормъ. Ге, господинъ оселъ, ге!

„Онъ ѣстъ ячмень со стеблями и чер-
„нополохъ, и на шоку отдѣляетъ солому
„отъ пшеницы. Ге, господинъ оселъ, ге!

„Наѣвшись травы, скажи, о оселъ!
„аминь, и повтори: аминь, аминь, забудь-
„те старое. Ге, господинъ оселъ, ге!“

Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ первой строфы сего гимна слѣдуютъ:

Lentus erat pedibus,
Nisi foret baculus,
Et eum in clunibus
Pungeret.
Hez, sire ane, hez!

То есть: „Медленно было бы его шествіе, „когда бы палка остреемъ своимъ не колола „его ягодицъ. Ге, господинъ оселъ, ге!“

Въ тѣхъ же спискахъ за второю строфою помѣщено:

Ecce magnis auribus
Subjugalis filius,
Asinus egregius,
Asinorum dominus.
Hez, sire ane, hez!

„Се благолѣпный сынъ подъяремничь съ „великими ушами, господинъословъ. Ге, „господинъ оселъ, ге!“

Множество было разныхъ списковъ, и каждая церковь имѣла свой гимнъ, которой чѣмъ-нибудь отличался отъ прочихъ. Послѣ гимна пѣли антифоны съ восклицаніемъ *Эвоэ*, и начиналась вечерня. По правилу, въ чинѣ обряда предписанному, нѣкоторые стихи надлежало пѣть нескладно, разноголосицею. Заутреня продолжалась всю ночь, съ тремя отдыхами. Тутъ пѣли стихи пос-

новые и воскресные, печальные и радостные, также отрывки псалмовъ, словомъ, по немногу изо всего обиходу церковнаго. Пѣвцы и молящіеся принимались пить по нѣсколько разъ, и при каждомъ отдыхѣ, по силѣ правила, кормили и поили господина осла. По окончаніи заутрени приводили его передъ жертвенникъ, гдѣ весь народъ и духовенство плясали вокругъ его, и пѣніемъ своимъ подражали ржанію. Послѣ сего обряда отводили осла къ клиросу съ *приличнымъ* пѣснопѣніемъ.

Въ городѣ Санѣ послѣ вечерни уставщикъ выходилъ съ толпою на улицу; передъ нимъ несли огромный фонарь; близъ церкви на подмосткахъ представляли драматическія нелѣпости, самыя непристойныя. Въ заключеніе пѣнія и пляски выливали уставщику на голову нѣсколько ведеръ воды, и уходили начинать заутреню въ церковь, гдѣ нѣкоторые затѣйники, раздѣвшись до нога, окачивались водою. Обѣдня и вечерня совершались обыкновеннымъ образомъ, какъ на канунѣ Рождества Христова.

Въ пятьнадцатомъ столѣтіи (около 1485) на соборахъ было постановлено уничтожить нѣкоторыя злоупотребленія; велѣно духовенству приходить во храмъ въ приличномъ одѣяніи, и пѣть складнѣе, не

разноголосицею; также запрещено обливать водою уставщика дураковъ и въ церквѣ раздѣваться. Впрочемъ всѣ обряды, внѣ церкви совершаемые, дозволены.

Французскій *праздникъ дураковъ* продолжался до конца шестьнадцатаго столѣтія.

III.

Чудо.

Къ сожалѣнію, есть люди, которые все еще желаютъ добра Французамъ. Это чудо! ибо кто желаетъ имъ добра, тотъ нарушаетъ священныя должности свои, и презираетъ человѣчество. Гдѣ хотьодинъ разъ побывали Французскіе корпусы, тамъ уже вѣрно никто не захочетъ въ другой разъ видѣть ихъ. Гусситы, которые опустошали Пруссію въ 1432 году, въ свирѣпости далеко отстали отъ сихъ новыхъ Гунновъ. Но гдѣ они еще не были, тамъ иногда — и удивительнѣе, что люди добрые, друзья человѣчества — стараются защищать ихъ. Отъ чего это? весьма понятно, почему многіе держали сторону Французовъ, когда они бредили о вольности; честные Нѣмцы, принимая слова ихъ за сущую истину, хотя и не одобряли мерзостей Французскихъ,

однакожь думали, что сіе смятеніе окончится благомъ для человѣческаго рода. Кто въ простотѣ сердца своего ожидалъ счастливаго событія, и желалъ добра проповѣдникамъ вольности, того еще можно извинять; ибо онъ видѣлъ въ дали прекрасную цѣль, хотя цѣль сія стояла въ дымящихся развалинахъ. Но теперь что видно въ переди? Праведный Боже! всемірная Монархія, затѣваемая удальцомъ, которой жестокостію своею и коварными обманами тысячу разъ заслужилъ погибель, — которой всякое средство, къ достиженію цѣли ведущее, почитаетъ дозволеннымъ, — котораго престолъ походитъ на гробницу, при коей Человѣчество рыдаетъ подъ покрываломъ. Для сего-то дерзкаго удальца Французы дерутся и расхищаютъ. Отъ чего же есть еще люди, въ которыхъ не кипитъ ярость при одномъ наименованіи жестокаго тиранна? — Разсмотримъ.

Вопервыхъ есть множество такихъ людей, которые никогда не думали о различіи между *удивленіемъ* и *почтеніемъ*. Удивляться и почитать, по ихъ мнѣнію, есть одно и тоже. Но первое чувствованіе возбуждается *необыкайностію*, а послѣднее основано на нравственномъ *совершенствѣ*. Такимъ образомъ не льзя не удивляться и Наполеону, которой съ безпримѣрною неустра-

шимостїю ногами попираетъ мертвые трупы и добродѣтели. Однакожь удивляясь рѣдкому чуду сему, не должно забывать, что Буонапарте подавилъ возникавшее въ Европѣ благонравїе, и что опять надобно будетъ ждать его очень долго; не должно забывать, что онъ людей девятьнадцатаго столѣтїя отодвинулъ во мракъ вѣковъ средникъ, и опять вселилъ въ нихъ гнусную мысль, будто *сильному все возможно*, и будто *слабой только дорожитъ честностїю*. Такъ! Буонапарте въ нравственномъ мірѣ сдѣлалъ гораздо болѣе зла, нежели въ вещественномъ. Опустѣвшїя поля снова могутъ быть воздѣланы; на могилахъ убитыхъ отцовъ новое поколѣнїе можетъ сѣять и собирать жатву: но беззаконной примѣръ власти во зло употребляемой, но примѣръ подлаго раболѣпства, къ несчастїю, можетъ простирать дѣйствїе свое до отдаленныхъ потомковъ, которые примутъ Буонапартево правило: „Все дѣлай, ежели увѣренъ, что избѣжишь наказанїя.“

Другое отдѣленїе пріятелей Французамъ состоитъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ языкъ ихъ и обычаи, и тѣхъ еще, которые, какъ я самъ, побывавши во Франціи, видѣли, что *Французы* по большей части любезны *во ихъ отечествѣ*. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какимъ образомъ сїи пріятные собесѣдники надъ Сеною и Роною,

пришедши на берега Эльбы и Вислы, становятся кровожадными, хищными разбойниками; истина сія отъ многихъ почитается выдумкою, или по крайней мѣрѣ необыкновеннымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Но, по несчастію, Французы походятъ на тѣ растенія, которыя на природной землѣ своей даютъ прекрасные цвѣты, а подъ чуждымъ небомъ въ ядъ превращаются. Я нашелъ Французовъ вѣжливыми, человѣколюбивыми, благородными въ ихъ землѣ; въ чужихъ государствахъ они по большей части высокомѣрны, самолюбивы, язвительны, а Буонапарте примѣромъ своимъ сдѣлалъ ихъ совершенно безчеловѣчными.

Третіе отдѣленіе Французскихъ поклонниковъ есть самое презрѣннѣйшее, и состоитъ изъ дерзновенныхъ молодыхъ людей, превозносящихся нечестивою новою философіею, изъ которой они болѣе ничему не научились, кромѣ какъ, подобно своимъ наставникамъ, презирать все, что ни окружаетъ ихъ, — изъ тѣхъ, которые увидѣвши, что правительство сего *презрѣнія* не вмѣняетъ имъ въ заслугу, почитаютъ себя обиженными, и слѣдственно при перемѣнѣ надѣются возвеститись выше людей *обыкновенныхъ*, — изъ тѣхъ, которые по зависти очерняютъ всякаго благомыслящаго гражданина, и

даже злобно радуются несчастїю Государей за то, что Государи не спрашивая ихъ совѣтовъ и не по ихъ мыслямъ управляли народомъ. Эта сволочь, которой терять нечего, при всеобщемъ пожарѣ прыгаетъ отъ радости, что есть случай — *тушить*? совсемъ не то — *поживляться*. Люди сїи нетерпѣливо желаютъ какъ-нибудь сдѣлаться извѣстными въ свѣтѣ, во что бы то ни стало; ихъ высокомѣрїе во многомъ сходствуетъ съ Французскимъ, и необузданное своевольство есть пріятнѣйшая утѣха сердца ихъ. Первые два рода людей могутъ исправиться, ибо вся вина ихъ состоитъ въ заблужденїи; послѣдній родъ заслуживаетъ строжайшее наказанїе, ибо состоитъ изъ *умышляющихъ злодѣевъ*.

Коцебу.

Примѣч. Изд. А тѣхъ несчастныхъ къ какому должно причислять отдѣленїю, которые, по непонятной оплошности слабыхъ родителей, еще въ колыбели невинно бываютъ осуждены сосать съ Французскимъ молокомъ ненависть къ своему отечеству, живучи у себя дома быть чужестранцами, и Французское невѣжество предпочитать своему просвѣщенїю?

IV.

Отвѣтъ на стихи, сочиненные на выступленіе корпуса Гвардіи въ походъ

Февраля 13, 14, 15 и 16 чиселъ 1807 года.

Великихъ дѣлъ пѣвецъ (*),
Витія мира, брани!
Признательность сердецъ
Прими ты вмѣсто дани
Отъ искреннихъ сыновъ Паллады;
Одни ихъ огненные взгляды
Твое сказанье подтверждаютъ —
Измѣрь — въ душахъ что ощущаютъ!

*

Отечество, Царя,
Мы грудью защитимъ;
Любовью къ нимъ горя,
Умремъ иль побѣдимъ!
Европа ждетъ отъ насъ защиты —
Сей подвигъ трудный, знаменитый
Монархъ подъялъ для новой славы,
Ревнуя Витязю Полтавы.

*

(*) Гавріилъ Романовичь Державинъ написалъ стихи на выступленіе Гвардіи въ походъ; сіи же служатъ отвѣтомъ; мѣра стопосложенія и сочетаніе риѳмъ приноровлены къ его стихамъ. *Сочин.*

Царю поборникъ — Богъ
Во всѣхъ побѣдахъ Россовъ.
И кшобъ дерзнуть возмогъ
Противу сихъ колоссовъ! . . . .
Громами мышца ихъ владѣетъ,
Кичливый врагъ оцѣпенѣетъ
При первомъ взмахѣ грозной длани
Сихъ испинныхъ героевъ брани.

*

Шагнетъ Россъ — побѣдитъ
Никѣмъ непобѣдимыхъ (*). —
Онъ лавръ свой не цѣнитъ
Безъ ранъ на персяхъ зримыхъ;
Во станѣ Росскомъ сколько воевъ,
Толикое число героевъ,
Сразить готовыхъ Саламандра
По мановенью АЛЕКСАНДРА!

А. Писаревъ.

Бартенштейнъ.

(*) Французы такъ себя называютъ.

V.

Эльмина къ портрету своей матери, писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась.

Мой жребій прежде былъ ихъ страстно обожать;
Теперь при сладостномъ душѣ изображеньи —
Подобіи одной другой произведеньи —
Живу, чтобы по нихъ погибшихъ унывать.
Священный, милый слѣдъ двухъ сердцу незабвенныхъ,
Послѣдній памятникъ столь ясныхъ жизни лѣтъ!
Питая скорбь объ нихъ, толь быстро похищенныхъ,
Ты счастье замѣнишь, котораго ужъ нѣтъ.

В. Ж — ій.

VI.

Руше къ своей женѣ и дѣтямъ изъ тюрьмы, посылая къ нимъ свой портретъ.

О вы, которыя въ душѣ моей хранились!
Хотитель знать, по что мой скорбный взоръ угасъ?
Когда подъ кистію черты сіи творились,
Я шелъ на эшафотъ, но сердцемъ былъ у васъ!

VII.

Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ.

Какъ сладостно твоимъ присутствіемъ
плѣняться!
И какъ опасно мнѣ словамъ твоимъ внимать!
Ахъ, поздно старику надеждой обольщаться;
Но поздноль, не имѣвъ надежды, обожать?

В. Ж — ій.

VIII.

Эпитафія Лирическому Поэту.

Здѣсь кончилъ вѣкъ Панфилъ, безъ толку
Одъ пѣвецъ!
Сей грѣшный человѣкъ — прости ему Тео-
рецъ! —
По смерти жить сбирался,
Но заживо скончался.

В. Ж — ій.

IX.

Благодѣяніе.

Есть благодѣянія, которыя, при похваль-
номъ намѣреніи, часто служатъ виною

несчастія для тѣхъ, на коихъ изливаются: мы видимъ, какъ люди добрые и трудолюбивые, нашедши кладъ въ щедрой десницѣ неосторожнаго благотворителя, становятся злыми шунеядцами. Есть благодѣянія, которыя дѣлаются на удачу, безъ дальновидныхъ намѣреній, безъ соображеній; онѣ ослабѣваютъ въ своихъ послѣдствіяхъ, и по большей части забываются.

Есть еще благодѣянія другаго рода, простирающіяся на отдаленное потомство и напоминающее правнукамъ о мудромъ благотворителѣ, которой за нѣсколько вѣковъ напередъ заботился объ ихъ спокойствіи и довольствѣ. Не всякой богачь умѣетъ воздвигнуть себѣ памятникъ несокрушимый. Отличнымъ только умамъ возможно быть истинными благодѣтелями человѣчества.

Князь Александръ Борисовичь Куракинъ, движимый чувствованіями человѣколюбія, великимъ примѣромъ АВГУСТѢЙШАГО нашего МОНАРХА въ Русскихъ сердцахъ возбуждаемыми, даровалъ вѣчную свободу Надеждинскимъ крестьянамъ своей Саратовской вотчины, изъ 1372 душъ состоящей. Благотворительный актъ, подтвержденный Высочайшимъ соизволеніемъ, начинается такимъ образомъ: „Изъ всѣхъ желаній человѣческихъ, простирающихся за предѣлъ жиз-

ни, достойнѣйшее есть конечно то, чтобъ быть полезнымъ обществу и послѣ самаго существованія. Побуждаясь таковымъ желаніемъ и купно признательностію къ крестьянамъ Саратовской Надеждинской моей вотчины, за оказанное ими ко мнѣ усердіе во время пребыванія моего напредь сего въ теченіи многихъ годовъ въ сей вотчинѣ, намѣренъ я даровать имъ вѣчную свободу, дабы они въ позднѣйшемъ потомствѣ пребывали въ томъ благосостояніи, какое я всегда доставить имъ тщился, и учредить въ Надеждинской вотчинѣ *Больницу*, *Богодѣльню* и *Училище*, посвятивъ симъ богоугоднымъ заведеніямъ всѣ мои зданія села Надеждина, обстроеннаго и украшеннаго знатнымъ иждивеніемъ и попеченіемъ цѣлаго вѣка моего, а вмѣстѣ опъ изъ̈ышка капитала, упрочиваемаго мною на сіи заведенія, удѣлить суммы на разные другіе общественные человѣколюбивые предметы.“

Актъ долженъ быть произведенъ въ дѣйство послѣ кончины благотворителя. Въ теченіе сорока лѣтъ будетъ собираемъ наличной доходъ Надеждинской вотчины, ежегодно по 22,500 рублей, для составленія капитала на содержаніе упомянутыхъ богоугодныхъ заведеній и на другія полезныя употребленія по волѣ завѣщателя. По про-

шествїи сорока лѣтъ, крестьяне, вмѣсто оброка, обязываются вѣчно взносить только по 3 рубля съ души на вспоможенїе цѣлъ изъ нихъ, которые случайно придутъ въ бѣдность, и на другїя общеполезныя пособїя. Въ заключенїи акта благотворитель обѣщается крестьянъ увольняемой вотчины во все время жизни своей не закладывать, не продавать, изъ вотчины не переселять, и вообще всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженїй не перемѣнять.

Училище будетъ состоять изъ двухъ *Отдѣленїй*. *Первое*, равняющееся съ Губернскими гимназїями, учредится по истеченїи сорока лѣтъ; *Второе*, равняющееся съ уѣздными училищами, устроится немедленно послѣ кончины благотворителя. Въ семъ послѣднемъ учительскїя мѣста будутъ занимать люди, отличившїеся успѣхами своими въ Заиконоспасской Московской Академїи, также въ Санктпетербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и въ Академїи Художествъ. По предназначенїю благотворителя во *Второмъ Отдѣленїи* вмѣстѣ со многими науками преподаваема будетъ и Философїя,, прежнихъ вѣковъ, а не философїя ,,злоупотребительная, такъ нареченная: про-,,шлаго XVIII и текущаго XIX столѣтїй,“ также Латинской, Нѣмецкой, а современемъ

Польской; Турецкой и Татарской, какъ употребляемые въ Россіи языки „съ исключеніемъ *навсегда* языка и обычаевъ Фран„цузскихъ сего столѣтія, какъ для моего „училища (пишетъ достопочтенный учре„дитель) и для будущихъ его учениковъ со „всемъ лишнихъ и ненужныхъ.“ Благомыслящій вельможа увѣренъ, что истинное просвѣщеніе состоитъ въ благонравіи и въ основательныхъ знаніяхъ, которыми обогатиться можно и безъ Французскаго языка, а не въ дерзкомъ невѣжествѣ, не въ прыганьѣ, не въ безтолковомъ лепетаньѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что знаніе Французскаго языка само по себѣ похвально, и что на семъ языкѣ написано много полезнаго; но по несчастію Французская ученость доходитъ до насъ каплями, а невѣжество льется рѣкою, и дѣлаетъ наводненіе.

X.

Изъясненіе картинки.

При сей книжкѣ Вѣстника, вмѣсто статьи о модахъ съ картинкою, приложено изображеніе Венеціянской площади Святаго Марка. Всѣмъ извѣстныя военныя обстоятельства чрезвычайно затрудняютъ сношенія съ заграничными государствами. Изда-

тель смѣетъ надѣяться, что благосклонные читатели не вмѣнятъ ему въ вину сей маловажной неустойки. Неполученіе заграничныхъ газетъ и журналовъ, которые были главнымъ источникомъ для наполненія Вѣстника Европы новыми статьями, есть единственная причина, препятствующая выполнить обѣщаніе въ точности. При каждой изъ слѣдующихъ Частей, какъ и прежде, будутъ прилагаемы картинки со статьями, если не о модахъ, то о какихъ-нибудь другихъ предметахъ.

Прекрасная площадь Святаго Марка едвали знаменитостію своею не превосходитъ всѣ въ Европѣ. Здѣсь въ нѣкоторыя времена года собирались граждане, знатные и незнатные, съ масками на лицахъ. Сіе обыкновеніе, которое Венеціяне почитали народнымъ своимъ отличіемъ, съ недавняго времени совершенно прекратилось, а особливо при новыхъ Корсиканскихъ властелинахъ. Передъ площадью виденъ каналъ *делла Джюдека* съ плавающими на немъ гондолами; на правой сторонѣ Княжескіе чертоги, въ которыхъ нѣкогда жилъ Дожъ, и гдѣ Верьховный Совѣтъ имѣлъ свои засѣданія; на лѣвой сторонѣ въ огромномъ зданіи, называемомъ *Прокуратіе нуове*, помѣщены общественное книгохранилище и собранія древностей. На той же сторонѣ

въ дали стоитъ высокая, въ 318 футовъ, четыреугольная колокольня, на которую можно взъѣзжать верхомъ на лошади; на правой сторонѣ церковь Святаго Марка, изъ которой всѣ древности и сокровища Французы перетаскали въ Парижъ. Между стоящими въ переди двумя гранитными столбами прежде казнили преступниковъ; здѣсь же лишился головы Дожъ Фалїери. На одномъ столбѣ стоитъ мраморной истуканъ Святаго Ѳеодора; на другомъ крылатый левъ бронзовый.

ПОЛИТИКА.

I.

Посланіе отъ Буонапарте въ сенатъ.

„Сенаторы! мы повелѣли предложить вамъ опредѣленіе о наборѣ вновь рекрутъ въ зачетъ 1808 года. Въ донесеніи нашего военнаго Министра усмотрите, какія выгоды проистекаютъ отъ сего преднамѣренія. Все вокругъ насъ вооружается.“

Что заставляетъ всѣхъ вооружаться противъ сего народа, которой отдался вамъ во власть, потому что ему надобенъ былъ миръ, отдыхъ? Вмѣшивалась ли Европа въ ваши внутреннія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ вы управляете симъ народомъ? противилась ли она чему-нибудь, что вы хотѣли сдѣлать, и что вы уже сдѣлали? Нѣтъ! Европа никакихъ непріятельскихъ дѣйствій не начинала противъ Франціи; она вооружилась противъ Французовъ, потому что ими управляетъ несытый властолюбецъ; вооружилась, потому что начальникъ вздумалъ объявить себя государемъ многихъ странъ, и потому что бѣ-

престанно твердитъ о союзной Имперіи, опасной и оскорбительной для всѣхъ правительствъ.

„Англія дѣлаетъ чрезвычайный наборъ, простирающійся до двухъ сотъ тысячь человѣкъ; прочія государства собираютъ многочисленныя ополченія. Сколь ни многочисленны, сколь ни страшны суть войска наши, однакожь распоряженія, въ предлагаемомъ опредѣленіи содержащія-ся, кажутся намъ, если *не необходимы*, то покрайней мѣрѣ полезны и приличны.“

Давно ли стали вы считать, сколько войска набираетъ Англія? не вы ли часто повторяли, что она въ дѣла политическія твердой земли не мѣшается? До сраженій при Пультускѣ и подъ Прейсишь-Эйлау вы говорили другимъ языкомъ. Или мнимыя побѣды — по свидѣтельству вашихъ бюллетиновъ (*), *истребившія* все войско Рос-

---

(*) Слово bulletin значило *вседневныя записки о важныхъ произшествіяхъ*. По милости Буонапарте оно теперь значитъ *безстыдныя записки о небывалыхъ приключеніяхъ*. По сей причинѣ оставляемъ его безъ перевода, какъ и всѣ слова революціонныя. — *Ареолагъ, архонтъ, эфоръ, фа-*

сійское, и заставившія его бѣжать за сто миль по сю сторону Нѣменя — одержаны вами во снѣ, или же побѣды ваши въ первой разъ принудили васъ быть поскромнѣе. Желая дополнить свѣжими рекрутами войска свои, вы называете ихъ *многочисленными* и *страшными*; какъ будто затѣваемой вами необходимой наборъ не яснѣе въ тысячу разъ открываетъ вашего положенія бѣдному народу, которой вы, забавляя своими бюллетинами, разоряете.“

„Пусть непріятели, взглянувъ на тройную стѣну ополченій, окружающихъ нашу землю, какъ на тройственной рядъ твердынь, защищающихъ важнѣйшіе наши предѣлы, пусть отрекутся отъ всякой надежды на успѣхъ, пусть придутъ въ уныніе, и будучи не

ланга, - *остракизмъ*, *преторъ*, *тога* и проч. не переводятся на новыхъ языкахъ, но употребляются для означенія особливыхъ предметовъ, одному какому-либо народу принадлежавшихъ. Такъ и слова: *гилльйотина*, *революція*, *бюллетинъ*, *санкюлотъ* и другія, собственно Французскія, напоминающія обычаи времени, должны быть употребляемы, гдѣ нужно, безъ перемѣны. Это ни мало не опасно для чистоты Русскаго языка. *Изд.*

въ силахъ вредить намъ, обратятся къ справедливости, къ разсудку.“

Какъ! въ самомъ дѣлѣ вы приказываете непріятелямъ отречься отъ всякой надежды въ то самое время, когда распоряженія ваши, обнаруживая вашу слабость, должны удвоить въ нихъ надежду, родившуюся отъ успѣховъ?

Когда вы дѣйствительно одержали славныя побѣды, покорили многія крѣпости, наконецъ завоевали обширное королевство; тогда непріятели ваши (нужно ли объяснять, о какихъ непріятеляхъ вы говорите?) шли прямо къ вамъ. Какъ же хотите вы, чтобъ они теперь потеряли надежду, когда необходимость заставляетъ васъ приступить къ дѣлу унижающему васъ и обнаруживающему вашу слабость? Приближаясь, какъ побѣдитель, къ берегамъ Вислы, вы могли имъ казаться опасными: но когда стремительный, всеразрушающій потокъ встрѣтилъ подъ Пультускомъ непреоборимую препону; тогда народъ, умѣющій побѣждать васъ и судить о вашихъ дѣяніяхъ, уже безъ труда можетъ опредѣлить истинную цѣну вашимъ затѣямъ, которыя вы стараетесь утаить въ своемъ посланіи.

„Усердіе, съ какимъ народы наши исполнили сенатскія опредѣленія отъ 24 Сентября 1805 и отъ 4 Декабря 1806, заслуживаетъ нашу признательность.

Всякой Французъ явится равно достойнымъ своего прекраснаго названія."

Ваши народы (ваши потому только, что вы угнѣтаете ихъ) въ семъ выраженіи увидятъ, что въ осмнадцать мѣсяцовъ вы потребовали отъ нихъ (кромѣ народныхъ гвардій, на границѣ расписанныхъ по полкамъ и отправленныхъ въ походъ, кромѣ вновь набранныхъ корпусовъ, кромѣ жандармовъ, гусаръ, драгунъ, вообще кромѣ всѣхъ наборовъ подъ разными именами) *двѣсти сорокъ тысячъ* человѣкъ, то есть вдвое болѣе противъ того числа, которое ставили они при законныхъ Государяхъ въ теченіи десяти лѣтъ!

„Начальство и управленіе симъ прекраснымъ юношествомъ поручили мы сенаторамъ, отличившимся на поприщѣ военной службы; желаемъ, чтобы въ семъ поступкѣ вы увидѣли безпредѣльную довѣренность, которую къ вамъ имѣемъ.

„Сіи сенаторы покажутъ юнымъ воинамъ, что строгой порядокъ и терпѣніе суть главные поручители побѣды. Они научатъ ихъ ничего не щадить для славы престола и для блага отечества, коего суть они твердѣйшая подпора."

Къ чему возлагать новую должность на сенаторовъ? Смотрите сами за военнымъ

порядкомъ; никто лучше васъ не умѣетъ разстрѣливать солдатъ, и задерживаешь подъ карауломъ генераловъ. А сенаторы пускай по старому служатъ для другихъ примѣромъ терпѣнія.

„Мы побѣдили *всѣхъ* нашихъ непріятелей . . . .“

Сказано хорошо; жаль только что несправедливо. Оставьте бюллетинамъ своимъ единственное право отличаться выдуманными подвигами, которые сами же вы часто опровергаете. Относясь къ *постенному сословію*, которому такъ краснорѣчиво повѣряете благо отечества, удостойте вниманіемъ своимъ сіи маловажныя неудачи, которыя нѣсколько поубавили въ васъ спеси!

„Въ шесть мѣсяцовъ мы перешли Майнъ, Сааль, Эльбу, Одеръ, Вислу: Мы покорили неприступныя крѣпости: Магдебургъ, Гамельнъ, Шпандау, Штеттинъ, Кистринъ, Глогау, Бреславь, Швейдницъ, Бригъ. Наши солдаты торжествовали на многихъ сраженіяхъ и на многихъ великихъ битвахъ. Они взяли 800 пушекъ; отправили во Францію 4000 осадныхъ орудій, 400 знаменъ Прусскихъ и Россійскихъ (*изъ Варшавской фабрики*) и болѣе 200,000 военнопленныхъ.“

Вы перешли Майнъ, Сааль, Эльбу, Одеръ, Вислу, для того чтобъ потребо-

вашь отъ Французовъ 80,000 рекрутъ! Вы одерживали побѣды, брали города, забавляли Парижскихъ ротозѣевъ, наполняли газеты и журналы, для того чтобъ потребовать 80,000 рекрутъ! Вы посылаете пушки, и — опустошаете Францію!... Чтожь было бы, чего потребовали бы вы, когда бы разбили васъ при самомъ началѣ похода?

„Ни пески Прусскія, ни *пустыни* (solitudes) Польскія, ни дожди, осенніе, ни стужа зимняя не погасили въ солдатахъ пламеннаго желанія достигнуть мира чрезъ побѣды, чтобы по пути трофеевъ возвратиться въ землю отечественную.“

Бѣда невелика, что вы, будучи Корсиканецъ, не знаете подлиннаго значенія словъ Французскихъ; но, кажется, надлежало бы догадаться, что говоря *вашимъ народамъ* о пустыняхъ Польскихъ, вы напоминаете имъ, что завели солдатъ въ сіи пустыни не для выгодъ народа Французскаго, но для своихъ собственныхъ. Упоминая о пескахъ Прусскихъ, о дождяхъ, о стужѣ, вы хотите дать поводъ къ разговорамъ въ Парижѣ, и заблаговременно предъотвратить мысль, что *пламенное желаніе достигнуть мира чрезъ побѣды* совершенно угасло въ вашемъ войскѣ.

„Между тѣмъ наши войска, находящіяся въ Италіи, въ Далматіи, въ

Неаполѣ, наши ополченія въ Булони, въ Бретани, въ Нормандіи и на Рейнѣ, остаются неприкосновенными.“

О нихъ васъ не спрашиваютъ; всѣмъ извѣстно, что онѣ весьма поубавлены; собственная совѣсть обнаруживаетъ васъ. Войска сіи остаются *неприкосновенными*; однакожь для дополненія ихъ вы требуете 80,000 рекрутъ!!

„Требуя новыхъ жертвъ отъ нашихъ народовъ для окруженія себя новою силою, мы не обинуясь признаемся, что требуемъ ихъ не для того чтобъ продолжать войну.“

Вы не хотите продолжать войну, и опустошаете Францію, чтобъ *окружить себя новою силою*!!!

„Наша политика тверда.“

А какъ давно, въ которой день и часъ вы отреклись отъ хищничества?

„Мы предлагали миръ Англіи до произведенія въ дѣйство четвертаго военнаго союза; тотъ же самой миръ и теперь предлагаемъ ей.“

Какой миръ! Вы предоставляли себѣ право расхищать Европу, опровергать государства, передвигать области, съ тѣмъ чтобъ сильная, побѣдоносная держава не могла противиться сему безпорядку, и даже не смотрѣла бы на хаосъ политическій! Вы предлагали господство на моряхъ тому на-

роду, которой и безъ вашего дозволенія го-сподствуетъ на нихъ! Вамъ хотѣлось, что-бы сей народъ свободно плаваалъ на моряхъ, и не мѣшалъ бы вамъ на твердой землѣ вое-вать, опустошать, тиранствовать!

„Главной Министръ, которому Англія поручила вести переговоры, торжествен-но объявилъ въ Парламентѣ, что миръ сей былъ бы и честенъ и выгоденъ. Онъ доказалъ справедливость нашего дѣла.“

Лордъ Ярмутъ объявилъ свое собствен-ное мнѣніе, которое не есть мнѣніе Мини-стра или народа. Кажется, вашему достоин-ству (то есть политическому) не прилично ссылаться на слова, сказанныя на удачу во время шумныхъ преній въ Англійскомъ Пар-ламентѣ.

„Мы готовы заключить миръ съ Рос-сіею на тѣхъ условіяхъ, которыя под-писаны ея довѣренною особою, и кото-рыя отвергнуты по проискамъ Англіи.“

Въ С. Петербургѣ отвергнуты сіи усло-вія въ то время, когда въ Лондонѣ только узнали о подписанныхъ статьяхъ въ Пари-жѣ. Одно разстояніе мѣстъ служитъ яс-нымъ, неоспоримымъ доказательствомъ, что не участіе Англіи, но благородная упѣрн-ность въ собственномъ достоинствѣ заста-вила отвергнуть невыгодныя условія.

„Мы готовы осьми милліонамъ жителей возвратить спокойствіе, и Королю Прусскому отдать его столицу.“ Вы готовы возвратить то, чего удержать не можете . . . . Видя съ ужасомъ за собою восемь милліоновъ людей, которые мало по малу приходятъ въ себя и освобождаются отъ изумленія, причиненнаго вашими первыми успѣхами, вы предлагаете Прусскому Королю столицу его; но ничего не упоминаете о независимости его областей. Вы говорите о восьми милліонахъ людей, какъ побѣдитель; а какъ побѣжденный, требуете восмидесяти тысячь рекрутъ! Будучи подстрекаемы желаніемъ блистать и притѣснять, вы поперемѣнно то обнаруживаете ваши нужды, то хвастаете мнимыми побѣдами.

„Но ежели сіи опыты нашей умѣренности, такъ часто повторяемые, не успѣютъ разогнать призраковъ, раждающихся отъ упрямства Англіи; ежели сіе государство захочетъ искать мира въ нашемъ униженіи: то мы принуждены будемъ, оплакивая бѣдствія войны, отразить безчестіе и поношеніе на сіе государство, коего барышничество питается кровію жителей твердой земли.“

Оставляемъ безъ замѣчанія напряжку ума вашу и умышленное намѣреніе обвинять Англію

въ мнимомъ ея подущенїи къ начатїю нынѣшней войны, и просимъ дозволенїя спросить, для чего вы предувѣдомляете Французовъ, что ваше полипическое униженїе (которое отнюдь до нихъ не касается) должно имъ стоять два или три раза по 80,000 человѣкъ? Не для того ли вы поспѣшаете, вмѣсто ихъ, оплакивать бѣдствїя войны, чтобъ заблаговременно приготовить ихъ къ вашимъ успѣхамъ, которые въ два года лишили ихъ множества юныхъ согражданъ??

„Въ нашихъ усиліяхъ, въ храбрости и могуществѣ нашихъ народовъ мы найдемъ вѣрныя средства уничтожить военные союзы, непрарду и ненависть производящїе, и обратить ихъ на самыхъ виновниковъ. Французы! отважимся на всѣ опасности для славы и для спокойствїя дѣтей нашихъ. Остероде. 20 Марта 1807.“

Подписано: Наполеонъ.

Во времена Робеспьера говорили, что надлежитъ настоящїя поколѣнїя принести на жертву счастїю будущихъ племенъ; теперь говорятъ уже другое: надлежитъ истребить настоящее поколѣнїе для будущаго благоденствїя *династій*, которыя хочетъ Буонапарте посадить на всѣхъ престолахъ!

(*Изъ Сѣв. Журн.*)

II.

Донесеніе военнаго Министра Александра Бертье.

(Приложено при посланіи отъ Буонапарте.)

„Никогда ваши войска не были столь многочисленны, такъ хорошо выучены, и лучше устроены.“

Прочитавши такое пышное начало, кто не подумаетъ, что Маршалъ Бертье среди могущества, среди многочисленнѣйшаго войска, предложитъ средства облегчить судьбу Французскаго народа, и что Буонапарте, пресытившись славою и успѣхами, и будучи въ состоянїи предписать мирныя статьи, намѣренъ отпустить въ отечество половину солдатъ своихъ, и возвратить землепашеству многія тысячи рукъ, въ которыхъ оно имѣетъ крайнюю нужду? . . .

„По опредѣленію сената 24 Сентября 1805 набрано 80,000 рекрутъ въ зачетъ 1806. Въ 4 день минувшаго Декабря сенатъ повелѣлъ набрать такое же число въ зачетъ 1807 года. 160,000 человѣкъ присоединилось къ знаменамъ.“

Или не всѣ сїи люди дошли до знаменъ своихъ (что не трудно доказать, сославшись на требованїя Французскаго правитель-

ства отъ Испанскаго и другихъ о высылкѣ бѣглецовъ), или же потребность къ новой добавкѣ сверхъ сихъ 160,000, очевидно изобличаетъ несправедливость показанія, будто большая армія всего на все потеряла только 14,000 человѣкъ. Къ чему бы ни назначалась вновь требуемая жертва, для протяженія ли черты военныхъ дѣйствій, для покоренія ли новыхъ областей, для низверженія ли государей, Франція все болѣе достойна сожалѣнія, нежели страны, ее окружающія. Какая прибыль Гасконцамъ или Фламандцамъ отъ того, что Мюратъ нѣкогда умильно будетъ взывать къ *доброму* своему народу Минстерскому, какъ взываетъ къ *доброму* своему народу Диссельдорфскому? И при побѣдахъ и при неудачахъ народы стонутъ подъ ярмомъ властолюбца, и Французы теперь уже имѣютъ право сказать своему тирану: Варусъ! Варусъ отдай наши легіоны! . . . .

„Долгомъ поставляю засвидѣтельствовать о дѣятельности префектовъ, о хорошемъ поведеніи рекрутскихъ чиновниковъ и жандармовъ, и особливо о прекрасномъ расположеніи народа, замѣченномъ при сихъ обстоятельствахъ.“

Бертье не по пустому хвалитъ дѣятельность префектовъ, офицеровъ, жандармовъ и невидимое воинство тайныхъ исполнителей, которое держитъ сторону Буона-

картеву, потому что съ нимъ за одно разоряетъ Францію. Люди сіи служили попеременно то тому, то другому; ихъ покорность, ихъ дѣятельность, ихъ рѣчи къ народу доказываютъ только то, что имъ выдается годовая плата, а они расписываются въ полученіи. Народъ и не думалъ обнаруживать прекраснаго расположенія; онъ терпитъ, плачетъ, молчитъ и дозволяетъ стричь себя, какъ стадо безъ собакъ и безъ пастуха.

„Однакожь при сихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не должно заключать, что число вашихъ войскъ теперь превышается 160,000 человѣкъ противъ того состоянія, въ какомъ онѣ были до начатія войны четвертаго союза.“

Еслибъ Министръ какого-либо законнаго Монарха сказалъ своему Государю: „Ваше Величество! съ тѣхъ поръ какъ вы продолжаете войну, съ тѣхъ поръ какъ вы сражаетесь, и какъ бьютъ вашихъ подданныхъ, число солдатъ уменьшилось противъ прежняго;“ Французскіе журналисты немедленно осмѣяли бы такой отзывъ. Бертье говоритъ вздоръ не по невѣденію, но по крайней необходимости, чтобы согласить противуположныя идеи, и обмануть, если можно, непріятелей увеличеніями, а друзей мнимымъ благоденствіемъ. Это одна поль-

ко и есть связь, которою все держится въ такой землѣ, гдѣ прочія связи разрушены.

„Новые смотры окончаны съ перваго числа Сентября; въ оба смотра найдено, что надлежало отставить старыхъ солдатъ, получившихъ право на военныя награды или выслугою урочныхъ лѣтъ, или почетными ранами. Число отставныхъ простерлось до шестьнадцати тысячъ.“

Весьма сомнительно, чтобы въ первыхъ числахъ Сентября, то есть за мѣсяцъ до начатія войны, отставлено было такое множество солдатъ. Буонапэрте зналъ, что Пруссія вооружается. Хотя онъ и надѣялся удержать ее въ политическомъ повиновеніи; однакожь очень вѣроятно, что въ сіе время онъ всячески старался не выпускать изъ службы опытныхъ воиновъ. И такъ число отставныхъ возрасло до шестьнадцати тысячь единственно потому, что хотятъ уменьшить число убитыхъ и умершихъ отъ ранъ.

„Потеря отъ болѣзней, необходимыхъ въ большомъ войскѣ, отъ военныхъ дѣйствій при Шлейцѣ, Саальфельдѣ, Енѣ, Пренцлавѣ, Любекѣ, при дракахъ Пультуской и Голыминской, при стычкахъ Берфридской и Гофской, при сраженіи Прейсишъ-Эйлаускомъ, также потеря людей умершихъ отъ ранъ и назначенныхъ мною въ отставку при

будущемъ смотрѣ, все сїе уменьшило войско *четырнадцатью тысячами человѣкъ*."

Генералъ, бывшїй на пятьнадцати сраженїяхъ, не постыдился подписать имя свое подъ симъ донесенїемъ! Намѣстникъ Наполеоновъ не подумалъ, что неопытной рекрутъ, повѣривъ словамъ его, придетъ къ войску, тщетно будетъ искать своихъ несчастныхъ товарищей, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и станетъ проклинать обманщика!

Показанїе потери *четырнадцати тысячъ* человѣкъ послѣ ужаснаго похода само по себѣ столько нелѣпо, что не заслуживало бы опроверженїя, еслибъ въ послѣднїе восемнадцать лѣтъ не явились такїе люди, которые, не любя революцїонной системы, готовы вѣрить всѣмъ ея бреднямъ. Для сихъ-то людей надобно прочитать семдесять бюллетиновъ. Ибо оффицїальныя лжи, самимъ Генераломъ Бертье сплетенныя, лучше всего опровергнутъ его нелѣпое показанїе.

Генералъ Бертье говоритъ о потеряхъ въ разныхъ военныхъ дѣйствїяхъ, едва слегка имъ упомянутыхъ, и умалчиваетъ о тридцати или сорока сраженїяхъ, которыми онъ же самъ наполнилъ тысячу и одинъ бюллетинъ, во всемъ похожїе на Тысячу и одну ночь.

Сраженïе при Пультускѣ онъ называетъ *дракою*; къ тѣмъ же 14,000 причисляетъ солдатъ, которыхъ назначилъ въ отставку при будущемъ смотрѣ, и на каждомъ шагу спотыкается, подобно историческому сказочнику, у котораго слаба память.

Онъ самъ написалъ — ибо Маршалъ Бертье, какъ начальникъ Генеральнаго штаба, самъ сочиняетъ, или приказываетъ сочинять, дневныя записки — онъ написалъ пïитическимъ слогомъ въ пятомъ бюллетинѣ о Енскомъ сраженïи: „Седмь сотъ жерлъ „огненныхъ (съ обѣихъ сторонъ) и отъ 250 „до 300,000 человѣкъ (съ обѣихъ же сторонъ) „въ продолженïе многихъ часовъ сѣяли „смерть;“ теперь онъ забылъ, что подобное описанïе обнаруживаетъ потерю многихъ тысячь даже на сторонѣ побѣдителя. Кровопролитное дѣло при Галле, стычки при Зеденикѣ, при мостѣ Виттембергскомъ, при Вигнесдорфѣ, отступленïе Прусскаго войска, которое сряду 23 дни идучи сражалось, развѣ все это ничего не стоило Французамъ? . . . Положимъ на часъ, что Князь Гогенлоэ, будучи окруженъ подъ Пренцлау, отдался безъ драки, — что никакъ невѣроятно; но можно ли думать, будто Герцогъ Саксенъ-Веймарскïй, Генералъ Блихеръ и Герцогъ Брауншвейгскïй дешево уступили побѣду непрïятелю?

Въ Любекѣ Французы, по собственному ихъ показанію, потеряли отъ 3 до 4000 человѣкъ; конница ихъ, послѣ дополненная въ Шпандау, изнурена была поспѣшными походами. Усталость и недуги наполнили всѣ больницы назади находившіяся. Главное войско не могло дойти до Вислы, не оставивъ отъ 15 до 20,000 человѣкъ за Одеромъ.

Осады Бреслава, Глогау, Швейдница, Гамельна, Нїенбурга стоили очень дорого; но о Баварцахъ и Виртембергцахъ нечего говорить. Союзники по первому приказу пришлютъ свѣжїя войска; а чтобы выманить Французскихъ рекрутъ, надобно тѣшить и забавлять легковѣрныхъ.

Поспѣшимъ за Вислу, и постараемся съ Генераломъ Бертье отыскать мѣсто, гдѣ легло 14,000 человѣкъ, которыми онъ великодушно жертвуетъ общественному мнѣнїю. Здѣсь идетъ дѣло не о слѣдствїяхъ неудачи Прусаковъ, но объ ужасной встрѣчѣ двухъ сильныхъ народовъ, которые искавши одинъ другаго сталкиваются .... Въ бюллетинахъ написано было, что Французы для самыхъ маловажныхъ выгодъ готовы сдѣлать великїя пожертвованїя. Напрягая всѣ силы творческаго ума своего, безпрестанно увѣдомляя о новыхъ побѣдахъ, они признаются однакожь, что перешедши

Нареву, лишились преимущества быть неуязвляемыми.

Въ 45, 46, 47, 48, 52, а особливо въ 58 и 59 бюллетинахъ, гдѣ сіпихотворнымъ слогомъ описаны военныя дѣйствія при Красновѣ, Насѣкѣ, Курсомбѣ, Лапокринѣ, при переходѣ черезъ Вкру и Сонну, при Голыминѣ, на всякой строчкѣ видно не только показаніе, но даже явственное изображеніе самаго упорнѣйшаго сопротивленія. Правда, что все представлено въ другомъ видѣ; все, не исключая даже названій мѣстъ, обезображено; однакожь хаосъ лжей совершенно не закрываетъ истины.

Генералъ Бертье, вѣрный системѣ своей четырнадцати тысячь человѣкъ, системѣ, которую онъ и Буонапарте можетъ быть еще въ Парижѣ сочинили, показываетъ. что при Пультускѣ убито *не болѣе* 800 Французовъ, ранено *не болѣе* 2,000. Онъ почитаетъ маловажнымъ сіе сраженіе, которое по великимъ слѣдствіямъ своимъ въ Исторіи будетъ стоять на ряду съ незабвенными побѣдами, освободившими Европу отъ Срацинскаго ига.

Не льзя было утаить именъ извѣстныхъ Генераловъ, которые достались въ плѣнъ или убиты; не льзя было не упомянуть о нихъ въ бюллетинахъ. Со дня Пультускаго сраженія списокъ сихъ Генераловъ знатно увеличился противъ обыкновеннаго, и

самой легковѣрной изъ Парижскихъ жителей, подобно намъ; догадается, что гдѣ такъ часто убиваютъ Генераловъ и Полковниковъ, тамъ конечно и солдаты падаютъ отъ пуль и ядеръ.

Французы — скажемъ съ дозволенія Генерала Бертье, которой не можетъ воротить того, что сдѣлано, не можетъ у Русскихъ отнять плѣнныхъ Французовъ, не можетъ сдѣлать, чтобы поля Южной Пруссіи не были покрыты трупами Французовъ, чтобъ Галлиція не была наполнена Французскими бѣглецами — Французы, по содержанію самыхъ бюллетиновъ, до сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау потеряли по крайней мѣрѣ 40,000 человѣкъ. Если къ тому прибавить страшное число убитыхъ и раненыхъ въ сей день, незабвенный въ лѣтописяхъ міра, въ сей день, о которомъ въ бюллетинахъ написано, что *поле сраженія было ужасно*, и что *потеря ихъ велика*; то ясно откроется, что надобно думать о донесеніи военнаго Министра!

Слѣдственно, ежели подвести еще подъ сей столбецъ потерю при Морунгенѣ, при Бергфридѣ, при Ватердорфѣ, при Деппенѣ, при Гофѣ, при Остроленкѣ и при другихъ мѣстахъ, прославившихъ военное искуство Россіянъ, равно какъ на сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау прославилась храбрость ихъ; то выдетъ, что Французы потеряли

не менѣе 80,000 воиновъ, угождая прихотямъ одного властолюбца.

„И такъ теперь къ вашему войску дѣйствительно прибавилось 130,000 человѣкъ. При концѣ войны третьяго союза ваши войска были прекрасны, многолюдны, страшны; нынѣшнее приращеніе сдѣлало ихъ еще прекраснѣе, многолюднѣе, страшнѣе.“

Ежели къ войску прибавилось 130,000 человѣкъ, для чегожъ Буонапарте требуетъ еще 80,000? Хотѣть, чтобы Франція истощалась для поправленія неудачъ, значило бы испытывать ея терпѣніе; но безъ всякой надобности требовать отъ нее великихъ пожертвованій для учрежденія новыхъ *династій*, требовать для того, чтобы праздновать Сатурналіи на всѣхъ престолахъ Европы, значитъ показывать, что великій народъ ослѣпленъ и ничего уже не видитъ.

„Войско, собранное въ Италіи и расположенное въ Фріулѣ, при Брешіи, при Веронѣ, при Бассано и при Александріи, столь многочисленно, что Франція никогда подобнаго въ сихъ мѣстахъ не видала. Изъ него не взято ничего для большаго войска, кромѣ немногихъ конныхъ отрядовъ, которые уже замѣнены другими, въ слѣдствіе вашего предположенія удвоить конницу.“

Статья сія въ точности не уступаетъ прочимъ. Вся конница и многіе пѣхотные отряды выведены изъ Италіи въ Германію; и сіе войско, столь многолюдное въ донесеніи г-на Бертье, принадлежитъ къ числу тѣхъ, коихъ продовольствіе не стоитъ никакихъ издержекъ въ газетахъ, и кои ни для кого не опасны.

„Армія въ Далматіи вытерпѣла многія болѣзни, которыя, по наступленіи хорошаго времени, прекратились . . . .“

И которыя опять появятся; ибо армія, въ Далматіи находящаяся, ежели только можно назвать ее симъ именемъ, терпитъ великой недостатокъ въ припасахъ.

„Ущербъ ея дополненъ, и запасныя отдѣленія въ Италіи находятся въ хорошемъ состояніи. Къ Неаполитанскому войску приведено 10,000 рекрутъ изъ отдѣленій запасныхъ, учрежденныхъ вами въ Италіи.“

Войско Неаполитанское, которое лишилось своего Генерала, отозваннаго въ Пруссію, и старыхъ солдатъ, убитыхъ въ Калабріи, состоитъ изъ сихъ 10,000 рекрутъ, ежели только они дошли благополучно до назначеннаго мѣста.

„Великое войско защищаетъ трофеями своими Рейнскіе предѣлы, которые прикрыты другимъ еще рядомъ запаснаго войска подъ начальствомъ Генерала Кел-

лермана. Корпусъ, расположенный при Булони, дополненный рекрутами, въ зачетъ 1807 года набранными, охраняетъ сѣверную Францiю отъ непрiятельскихъ покушенiй.“

Сiи ряды войскъ, сiи запасные корпусы, которые одинъ для другаго служатъ подкрѣпленiемъ и защитою, ничего не доказываютъ, кромѣ что въ головѣ властолюбца затѣваются безконечныя предпрiятiя, и что сiи предпрiятiя истощаютъ бѣдной народъ, обманываемый призраками ложной славы.

„Вы повелѣли собрать въ Сен-Ло, въ городѣ Наполеонѣ и въ Вандеѣ три отдѣленiя, которыя защищаютъ берега Бретани, Нормандiи и Гаскони. Теперь они соединяются. Гренадиры и стрѣлки народной гвардiи департаментовъ Жирондскаго, Нижне-Сенскаго и Рейнскаго, которые должны споспѣшествовать системѣ внутренней обороны, уже пришли къ своему мѣсту.“

Надобно привыкнуть къ таинственному слогу сихъ господъ, чтобъ понимать смыслъ въ ихъ бумагахъ. Для защиты береговъ, на которые никто нападать не намѣренъ, кромѣ обыкновенныхъ предосторожностей, собраны еще три корпуса, собраны въ тѣхъ мѣстахъ, которыя семь лѣтъ съ ряду ужасали Французскую Республику, тогда какъ она ужасала всѣхъ своихъ непрiятелей!

„При сихъ обстоятельствахъ, повинуясь вашему велѣнію, предлагаю сдѣлать новой наборъ въ зачетъ 1808 года и составить внутри государства пять запасныхъ легіоновъ . . . . Вы объявили мнѣ, что между рядомъ собранныхъ войскъ и народною гвардіею, расположенною на границахъ, желаете составить третій рядъ запасныхъ ополченій для обороны государства отъ внѣшняго нападенія. Вы признали нужнымъ отъ войскъ, при Булони, Сен-Ло и Наполеонѣ стоящихъ, отдѣлить многіе старые баталіоны, готовые идти туда, гдѣ будутъ нужны. Сія предусмотрительность ваша произведетъ великія выгоды: ибо границы ваши и берега достаточно защищены будутъ народною гвардіею и запасными легіонами.

Необходимость набирать внутри новыя ополченія вмѣсто старыхъ баталіоновъ, которые призываются къ главной арміи, лучше всего доказываетъ успѣхи Россіянъ. Кто погибъ при Пультускѣ и подъ Прейсишъ-Эйлау? воины Генераловъ Пишегрю, Гоша, Моро и самаго Буонапарте! Пускай теперь приводятъ рекрутъ, пускай набираютъ неопытныхъ молодыхъ людей, пускай составляютъ изъ нихъ новые баталіоны: уже не воскреснутъ старые солдаты, пятьнадцать лѣтъ привыкавшіе къ трудамъ и побѣдамъ.

„Сія предусмотрительность достойна главы великаго народа, достойна военачальника, безпрестанно побѣждающаго, но всегда заботящагося о поправленіи могущей случиться неудачи. Когда онъ шелъ къ Енской побѣдѣ, я по его приказанію долженъ былъ обезпечить и снабдить запасами всѣ Рейнскія крѣпости, какъ будто непріятель могъ быть опасенъ нашимъ предѣламъ. Сколь ни важны сіи распоряженія; однакожь другія не менѣе достойны вашего сердца. Рекруты, набранные въ зачетъ 1808 года, по естественному порядку дѣлъ, должны бы придти къ знаменамъ своимъ черезъ шесть мѣсяцовъ; тогда они должны были бы дѣлать большіе переходы и переносить тяжкіе труды, къ которымъ *доброе, отеческое правительство* нынѣ приучаетъ ихъ и приготовляетъ самымъ легкимъ способомъ. Будучи собраны за шесть мѣсяцовъ напередъ, они могутъ учиться въ крѣпостяхъ, среди стана военнаго внутри отечества.“

Доброе, отеческое правительство 21 Марта 1807 пробуждаетъ ребенка, которой еще около двухъ лѣтъ спалъ бы на лонѣ своей матери! у земледѣльца отнимаетъ работника его, у ремесленника подмастерья! предупреждая однообразный ходъ природы и времени, поглощаетъ сѣмена будущихъ поколѣній! . . .

„Будучи движимы любовію къ народамъ своимъ, вы пожелали ученіе сего юношества ввѣрить особамъ, отличнымъ по сану ихъ и по заслугамъ. Въ слѣдствіе того начальство надъ запасными легіонами вы поручили членамъ сената, которые прославились военными дарованіями. Сіи отцы отечества будутъ воспитывать дѣтей его. Совершенная опытность ихъ будетъ управлять первыми шагами юныхъ Французовъ на поприщѣ славы.“

При сихъ умильныхъ выраженіяхъ *отцы отечества, совершенная опытность*, кто не подумаетъ, что рѣчь идетъ объ училищѣ, состоящемъ изъ 80,000 дѣтей, поручаемыхъ пяти наставникамъ, между тѣмъ какъ подъ сими цвѣтами кроется повелѣніе тиранна у всѣхъ отцовъ откять послѣднихъ дѣтей, коихъ старшіе братья принесены въ жертву деспотической власти!

„Такія выгоды должны васъ убѣдить *въ сей же часъ* набирать рекрутъ въ зачетъ 1808 года.“

Въ сей же часъ! . . . Это показываетъ, что крайняя нужда требуетъ того. Въ сей же часъ! прекрасное слово, одно изъ тѣхъ, которыя вырываются вопреки всѣмъ предосторожностямъ скрыть истину!

„Только одно возраженіе можно бы противупоставить сильнымъ причинамъ, требующимъ новаго набора, а именно —

издержки; но ваши доходы въ такомъ хорошемъ состоянїи, вы такъ хорошо умѣете сберегать ихъ для чрезвычайныхъ случаевъ, что не требуя вновь податей отъ народовъ своихъ, не требуя новыхъ пожертвованій, можете удовлетворить вашу славу и безопасность отечества.“ *Подписано*: . . . Маршалъ А. Бертье.

Съ тѣхъ поръ, какъ Буонапарте запретилъ законодательному сословію сочинять законы, а трибунату повѣрять счеты, сдѣлалось весьма трудно постигнуть тайну государственныхъ сборовъ и расходовъ, которые умышленно запутаны. Франція стонетъ отъ того, что давятъ ее, но платитъ потому, что боится: богатство замѣняется оскудѣнїемъ, и предварительные въ зачетъ будущихъ сборы дополняютъ всѣ недостатки. Французскій банкъ, взятый подъ вѣдомство правительства, выпускаетъ вмѣсто денегъ бумаги, которыя питаютъ торговлю или, лучше сказать, барышничество векселями въ Парижѣ. Французы внутри государства живутъ безъ чувства, а внѣ грабятъ. Каждой походъ поглощаетъ по одной монархїи. Буонапарте старается, на счетъ Европы, отдалить минуту, въ которую должно открыться, что расточительное правительство разорило страну, которая жертвовала для него послѣднимъ своимъ имуществомъ.

Въ нынѣшніе наборы, которые несравненно страшнѣе прежнихъ, включаются всѣ жители Франціи, достигшіе до двадцатилѣтняго возраста. Ежели принять, что по обыкновенному разчисленію отъ 35 милліоновъ ежегодно раждается по 1,200,000 человѣкъ, и что число достигающихъ до упомянутаго возраста простирается не свыше 450,000 человѣкъ; ежели выключить половинное число женскаго пола, также больныхъ, слабыхъ по сложенію, малорослыхъ и чиновныхъ; то выдетъ, что сей бичь революціонный ежегодно похищаетъ болѣе нежели по *двѣсти тысячъ* человѣкъ. Для войска требуется 80,000; на что будутъ употреблены достальные, о томъ знаютъ префекты, офицеры и жандармы, коихъ усердіе Генералъ Бертье выхваляетъ не безъ причины.

Въ каждомъ департаментѣ выбираютъ по жеребью молодыхъ людей, которые раздѣлены на три части. Первая назначается въ дѣйствительное войско, вторая въ запасное, третья отпускается на волю. Спустя нѣсколько времени, сихъ уволенныхъ, а особливо рослыхъ или имѣющихъ у себя деньги, увѣдомляютъ, что „по „предписанію отъ правительства снова „былъ выборъ, и что по жеребью до„сталось имъ быть въ солдатахъ.“ Иногда нѣкоторымъ прежде набора удается выкупить себя деньгами, и сей выкупъ стоитъ

родителямъ трети, или половины годоваго ихъ дохода. Нынѣшній наборъ по закону долженъ былъ бы окончиться не прежде 23 Сентября 1808 года; несчастнымъ молодымъ людямъ, требуемымъ на службу за восемнадцать мѣсяцовъ прежде срока, не дозволяется спокойно дожить до двадцатилѣтняго возраста!

(*Изъ Сѣв. Журн.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Храбрыя войска Россійскія торжествуютъ и на югѣ и на западѣ. Тамъ Михельсонъ и Пустошкинъ карающъ вѣроломныхъ враговъ Христіянства; здѣсь Бенингсенъ и Платовъ поражаетъ враговъ человѣческаго рода. При выдачѣ сей книжки читатели можетъ быть найдутъ уже въ Вѣдомостяхъ извѣстія о движеніи Россійскаго войска, о побѣдѣ при Гутштадтѣ, о разбитіи и преслѣдованіи непріятеля, озавладѣніи окопами и о прочихъ подвигахъ, о которыхъ увѣдомляютъ Рижскія газеты.

Въ теченіе Мая мѣсяца Пруссія получила изъ Англіи оружіе для вольныхъ корпусовъ, коихъ число ежедневно увеличивается. Еще важнѣйшая выгода ея состоитъ въ томъ, что храбрые Генералы Блюхеръ и Тауэнцинъ обратно отданы войску, и что

Гарденбергу, которой уволенъ былъ отъ должности, но не лищенъ Королевскаго довѣрія, опять поручено отправленіе внѣшнихъ дѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень важныя причины военныя заставили Прусскаго Губернатора Калькрейта отдать Французамъ Данцигскую крѣпость; иначе Король не явилъ бы ему своей признательности за храброе защищеніе города, и не пожаловалъ бы его Фельдмаршаломъ. Данцигскій гарнизонъ, которой по договору не можетъ служить противу Франціи одинъ годъ, со всѣми военными почестями вступилъ въ Кенигсбергъ, даже получилъ отъ Короля жалованье за мѣсяцъ не въ зачетъ. Онъ будетъ отправленъ въ восточную Пруссію для наблюденія внутренняго порядка, и смѣнитъ стоящій тамъ тридцати-тысячный корпусъ, которой пойдетъ противъ непріятеля.

Австрія до сихъ поръ еще ничего не предприняла противъ общаго врага Европы. Войска ея готовы къ бою, и стоятъ на границахъ. Венгерской народъ объщался не дорожить никакими пожертвованіями для Короля своего и отечества. Эрцгерцогъ Карлъ взялся уже за мечь съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ обнажить его по мановенію Императора. Скоро, очень скоро настанетъ рѣшительная минута; ибо нерѣшительность при нынѣшнихъ обстоятельствахъ пагубна.

Въ порабощенной Германіи, въ Баваріи и въ Брандебургѣ, въ Саксоніи и въ Вест-

фалїи, въ Гессенѣ и въ Ганноверѣ негодующій народъ нетерпѣливо ждетъ своихъ избавителей. Съ какимъ чувствомъ Князья такъ называемаго Рейнскаго Союза взираютъ на дерзость тиранна, которой собственные полки ихъ превращаетъ во Французскіе, называя безстыдство сіе *отличною лочестїю*!

Густавъ Адольфъ, достойный потомокъ Густава Вазы, прибывши въ Стралзундъ, объявилъ 16 Мая, что приемлетъ войско Шведское подъ личное свое начальство.

Данїя не можетъ долго оставаться въ бездѣйствїи. Если предположить, что успѣхъ будетъ на сторонѣ Буонапарте; сіе государство неминуемо должно превратиться въ Французскую провинцїю: но если союзники преодолѣютъ врага Европы, въ чемъ не льзя и сомнѣваться; то чего должна ожидать Данїя отъ побѣдителей, которые за себя и за нее проливали кровь свою? Пишутъ однакожь, что Французы вступили въ Датскія владѣнїя при Гамбургѣ, и что между ими и Датчанами доходило уже до драки.

Перемѣна въ Англїйскомъ Министерствѣ есть событїе весьма неблагопріятное для Буонапарте. Извѣстно, что Фоксъ, побывавши въ Парижѣ, сдѣлался излишне снизходителенъ къ Французскому правительству. По смерти сего Министра первыя должности государственныя ввѣрены были его пріятелямъ, которымъ хотѣлось, чтобъ Англїя отпала отъ союзниковъ. По сей причинѣ

ихъ смѣнили. Нынѣшнее Министерство, состоящее изъ друзей Питтовыхъ, въ Фоксистахъ находило опасныхъ противниковъ: но Парламентъ распущенъ, и поборники Наполеоновы замолчали.

Охотно ли Испанія дозволяетъ Наполеону вести солдатъ ея на убой, охотно ли отдаетъ ихъ за плѣнныхъ Прусаковъ, которыхъ Буонапарте отсылаетъ за Пиринейскія горы, о томъ болѣе всѣхъ вѣдаетъ всемощный Князь мира. Ежели правда, что Испанцы идутъ къ Эльбѣ, и что Буонапарте непремѣнно рѣшился посмотрѣть, каково дерутся потомки старинныхъ Кастильцевъ; то наши Калмыки, Башкиры и Киргизцы будутъ очень рады гостямъ симъ. Они же теперь стоятъ безъ дѣла!

11 *Іюня.*

КОНЕЦЪ XXXIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

МАЙ, No. 9.

Стран.

I. *Прогулка. (Окончаніе.)* - - 3
II. *Посланіе къ И. В. Л.* - - 33
III. *Стихи Павлу Денисьевичу Рачинскому, Начальнику баталіона Смоленскихъ стрѣлковъ.* - - 37
IV. *Ода, сочиненная на Малороссійскомъ нарѣчіи, по случаю времяннаго ополченія.* - - 39
V. *Мнѣніе г-на Куталева о существѣ солнца, съ приложеніемъ одиннадцати доказательствъ.* - - 44
VI. *О книгѣ: Историческія письма о Франціи.* - - - 53
VII. *Письмо отъ г-на Арбутнота, Англійскаго Посла при Портѣ Оттоманской, къ г-ну Готзери, Султанскому Драгоману.* - - 64
VIII. *Выписки изъ Англійской газеты.* 67
IX. *Извѣстія и замѣчанія.* - - 72

МАЙ, No. 10.

I. *О древнемъ Іудейскомъ Синедріонѣ.* - - - 81
II. *О жемессіи въ семнадцатомъ столѣтіи.* - - 87

стран.

III. *Нѣкоторыя подробности изъ жизни Пола.* - - 93
IV. *Ватто.* - - 103
V. *Амина и Эндиміонъ.* - 108
VI. *Сурки и Кротъ.* (Басня.) - 110
VII. *Весна.* - - 112
VIII. *Мнѣніе Левекова о Русской словесности.* - - 114
IX. *Смѣсь.* - - 118
X. *Россійскій Театръ.* - 122
XI. *О политическомъ равновѣсіи.* - 131
XII. *Выписки изъ лѣтописей пятаго вѣка.* - - - 150
XIII. *Извѣстія и замѣчанія.* - 157

ІЮНЬ, No. 11.

Стран.

I. *Изящныя искусства.* - - 161
II. *Похороны Львицы.* - - 189
III. *Восточная словесность* - 193
IV. *О трагедіи Славено-Сербской.* 196
V. *О книгѣ подъ названіемъ Г-жа Ментенонъ, и объ историческихъ сказкахъ.* - - 203
VI. *Письмо къ Издателю.* - 207
VII. *Къ М. Ф. К — ой. Въ день ея имянинъ 1 го Апрѣля, при подаркѣ розъ.* - - 210
VIII. *Отъ Наполеона Буонапарте хранительному сенату.* - - 211

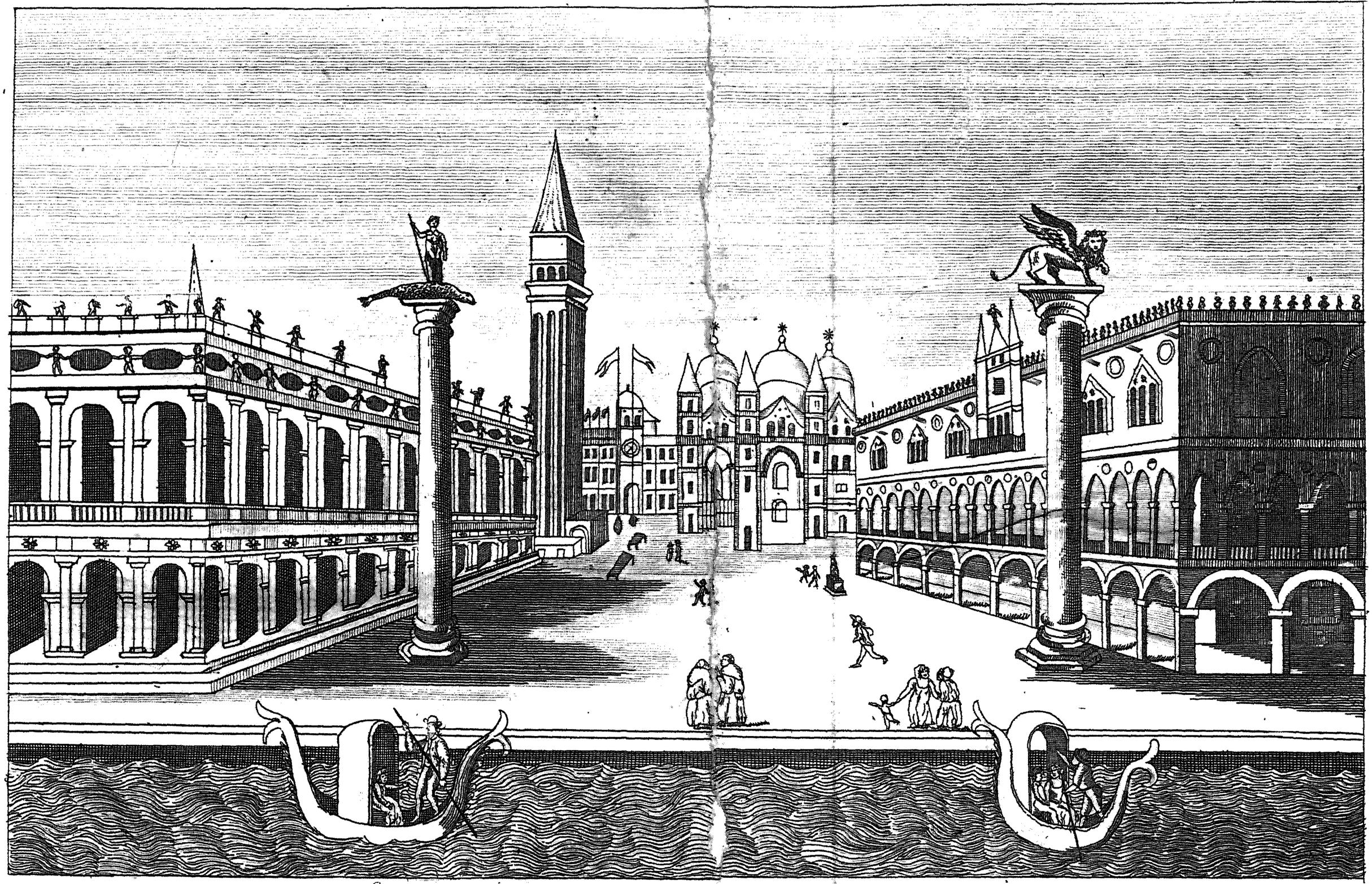
Стран.

IX. *Донесеніе Министра Талейрана.* 218
X. *Извѣстія и Замѣчанія.* - - 232

ІЮНЬ, No. 12.

I. *Изящныя искуства. (Окончаніе.)* 241
II. *О праздникѣ дураковъ.* - 260
III. *Чудо.* - - - 271
IV. *Отвѣтъ на стихи, сочиненные на выступленіе корпуса Гвардіи въ походъ.* - - 276
V. *Эльмина къ портрету своей матери, писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась.* - - 278
VI. *Руше къ своей женѣ и дѣтямъ изъ тюрьмы, посылая къ нимъ свой портретъ.* - - —
VII. *Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ.* - - 279
VIII. *Эпитафія Лирическому Поэту.* —
IX. *Благодѣяніе.* - - - —
X. *Изъясненіе картинки.* - 183
XI. *Посланіе отъ Буонапарте въ сенатъ.* - - 286
XII. *Донесеніе военнаго Министра Александра Бертье.* - - 297
XIII. *Извѣстія и замѣчанія.* - 314

къ 12 № Въстника Евр 1807



Площадь св. Марка въ Венеціи.